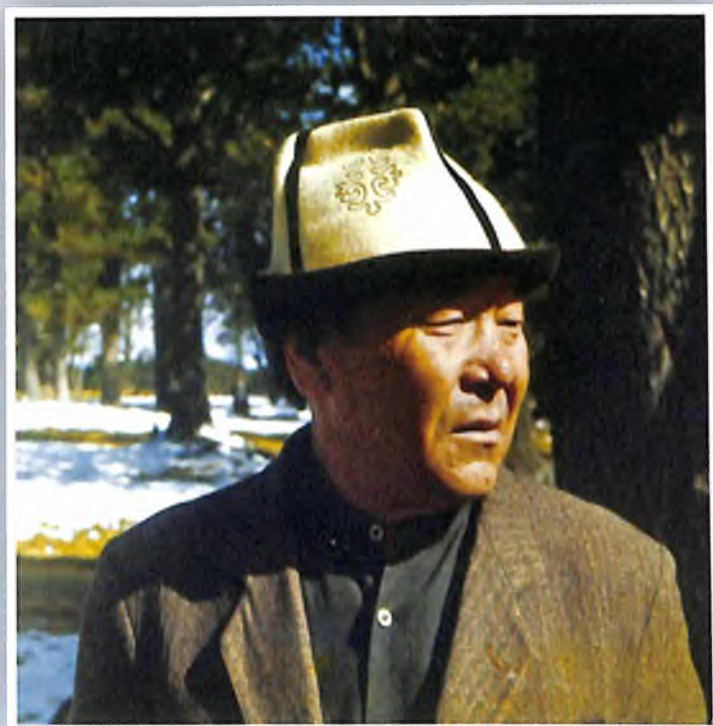

84(2=632.1/6
У 435

Борис Укачин

Человек. Жизнь. Время.

БОРИС УКАЧИН

**ЧЕЛОВЕК. ЖИЗНЬ.
ВРЕМЯ.**

*Стихотворения и поэмы
(1958 — 2003 гг.)*

Перевод с алтайского

Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу»,
2016

ББК 84(2=632.1)6-5

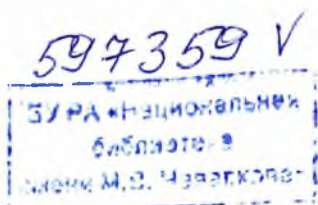
У 435

Укачин Борис Укачинович

У 435 **Человек. Жизнь. Время.** Стихотворения, поэмы на русском языке. – Горно-Алтайск: БУ РА Литературно-издательский Дом “Алтын-Туу”, 2016. – 272 с.

Составитель Амыр УКАЧИН

ББК 84(2=632.1)6-5

© А.Б. Укачин
© БУ РА Литературно-издательский
Дом “Алтын-Туу”, 2016.

От составителя

Издательство «Алтын-Туу» представляет нашим читателям поэтический сборник Бориса Укачина «Человек. Жизнь. Время» на русском языке, который является, по сути, последним поэтическим посланием классика алтайской литературы всем нам, всему алтайскому народу. Сборник состоит из шести разделов:

Стихотворения, созданные в перестроечные и постперестроечные годы, посвящены теме безвременья, смене старого уклада в жизни страны и людей.

Стихотворения, написанные во время онкологической болезни, где автор сумел показать через поэзию такие острые переживания человека, как старость, предчувствие своей смерти, мысли, связанные с этим трагическим положением человека перед лицом Вечности, оставив нам свой письменный диалог со смертью.

Третий раздел книги составляют эпиграммы поэта. Здесь можно отметить характерную черту поэта, такую как его любовь к юмору, к гротеску. Им написаны дружеские шаржи на своих современников – литераторов, ученых, издателей. Эта яркая грань таланта Бориса Укачина привнесла много новых находок в сокровищницу комического жанра, весьма редкого в алтайской литературе.

Четвертый раздел сборника посвящен стихотворениям поэта, написанным для детей. Здесь, работая в жанре миниатюрных стихов, Б.У. Укачин попытался в форме наставлений и стихов-загадок найти новую поэтическую форму разговора со своими маленькими читателями.

Пятый раздел составляют стихи, никогда не входившие в сборники стихотворений поэта на русском языке. Они были опубликованы лишь в местных газетных изданиях. Благодаря этим публикациям, мы открыли имена поэтов Бориса Пчелинцева, Виталия Проталина. Здесь же мы публикуем стихи поэта, переведенные его новосибирскими коллегами – Александром Плитченко, Геннадием Карпуниным и москвичом

Наумом Гребневым, не входившие в его поэтические сборники на русском языке.

Крайний раздел сборника составляют четыре поэмы Бориса Укачина: «Ироническая сказка о строительстве Катунской ГЭС», «Мать Чингизхана», «Голова шамана», «Легенда о семи братьях». Они очень различны между собой по своей форме и материалу, но вместе с тем каждая из поэм в отдельности являет собой нечто яркое и выразительное. Эта большая поэтическая форма не всем по плечу. Владеть таким мастерством может поэт, познавший силу над словом. На наш взгляд, поэмы «Голова шамана» и «Легенда о семи братьях», созданные на основе фольклорного материала, могут со временем стать и театральными, и балетными постановками.

Последние стихотворения и поэмы Бориса Укачина перевели на русский язык замечательные российские поэты – Илья Фоняков, Яков Козловский, Татьяна Бек, Владимир Берязев, Владимир Корнилов. Большой вклад в переводную литературу вносил и вносит художник и поэт Сергей Дыков, благодаря его труду, большая часть стихотворений Бориса Укачина также переведена на русский язык и составила основную часть сборника.

Сейчас, перечитывая вновь эти стихотворения и поэмы Бориса Укачина, мы видим, как изменились и время, и люди. Многие вещи в укладе жизни алтайского народа потеряли свою традицию и преемственность, то, чего опасался поэт, стало сбываться в жизни. Одной из главных бед в наш компьютерный и информационный век, как подчеркивал Борис Укачин, является то, что алтайские дети, особенно те из них, кто живет в городе, плохо знают свой родной язык, обычаи и традиции своего героического прошлого. Может быть, издание этого сборника еще раз даст богатую пищу для размышлений о своем прошлом и будущем и взрослому, и молодому поколению алтайских читателей.

Считаем, публикацию данного сборника стихотворений и поэм классика алтайской литературы Бориса Укачина на русском языке накануне его юбилея – 80-летия со дня рождения, важной вехой не только его творчества, но и большим вкладом в дело развития всей алтайской литературы.

Амыр Укачин

Стихотворения 1980-1993 гг.

Писал я эту книгу не один,
Со мною заодно ее писали
Цветы и травы отческих долин
И облака, и горных троп спирали,
Посменных зорь подоблачный кармин
И стаи птиц, связующие дали.

Я слышал в поле,
 лежа на траве,
Как движутся в зеленых стеблях соки,
Гармонии извечной в голове
Являлся образ.

Мчались с гор потоки,
Мерцали звезды в темной синеве,
И вновь перо нанизывало строки.

И ласточки пронзали вышину,
Дождя иль вёдра выказав примету,
К недолгому приученные сну,
Они со мной писали книгу эту.
Там, где кладет под голову луну
Любовь, противясь давнему запрету.
Над стойбищами вновь кизячный дым
Плывет по ветру.

Миг причастен к мигу.
Отрадно льну я к голосам людским,
Они со мною пишут эту книгу,
В которой воркованию и рыку
Дань отдана с пристрастьем молодым.

В кругу событий и в кругу молвы
Душа познала радость и напасти.

Земных страстей я, находясь во власти,
Не преклонял пред сильным головы.
И подбирать слова мне звездной масти
Для этой книги помогали вы.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ ВЕКУ

Если мне не бывать в двадцать первом столетье,
Если мне не шагнуть за высокий порог –
Передам ли кому-нибудь, как в эстафете,
Все, что нес на плечах, все, что в сердце берег?

Нет, нельзя передать! Потому и мечтаю,
Долгой ночью бумаги свои вороша:
Доживи, полетай над горами Алтая
Ты хотя бы, моя невидимка-душа!

Вы, заветные, лучшие строки, в которых
Жить остался мой голос, – хоть несколько лет
Поживите еще на родимых просторах,
Передайте потомкам сердечный привет!

СВОЕ НЕБО

Путями дальними пыля,
Я никогда безродным не был.
Есть у меня своя земля,
Но есть и собственное небо,
Чуть-чуть иное, чем у вас
И мной воспетое не раз.

И в книге той, что вы прочли,
Слова не только от земли –
Земляк поймет меня...
И где бы
Я не бродил – везде со мной
Язык мой, вещий и родной,
Язык земли моей и неба!

ПРОПАВШАЯ ЗВЕЗДА

Чуть вечер – ищу и никак не найду
Одну голубую на небе звезду.
Других не крупнее была, не ясней –
Но сердцем сдружился я именно с ней.
– С тобой, – повторял, – хорошо нам вдвоем,
Нет фальши ни капли в сиянье твоём!

Полвека глядел на нее я с земли,
Полвека мы наши беседы вели,
И ближе друзей мне бывала она,
И я говорил ей: – Во все времена
Свети над моим одиноким жильем –
Нет фальши ни капли в сиянье твоём!

На небе по-прежнему звезд без числа,
А где же моя? Лишь недавно была!
В знакомых созвездьях я взглядом кружу.
Но эту, желанную – не нахожу.
Какую ни взять – все не та, все не та!
Мерцает и дразнит меня высота.
Далекая звездочка, сгусток огня,
Да как же ты сгинула – раньше меня?

«Все звезды на месте!» – твердит астроном,
Для сверки приносит пудовый альбом,
А я не пойму: как не видит он ту,
На небе зияющую, пустоту?

Быть может, я все это выдумал? Нет!
Откуда ж во мне тот зароненный свет?
Откуда сегодня тоска и печаль?
Зачем я смотрю в опустевшую даль?
А, может быть, малый мой свет голубой,
Куда-то зовешь ты меня за собой?
А, может быть, попросту все, что могла –
Свой свет без остатка – мне в сердце влила?

ЗВЕЗДЫ И ДЕВУШКИ

Вы мне светили столько лет во мгле.
И свой за то благодарю я жребий:
Ах, девушки, вы – звезды на земле,
А звезды – это девушки на небе!

Прекрасен мир, бессмертно молодой,
Всего прекрасней – девушки и звезды.
Мужчину вплоть до старости седой,
Мерцают, дразнят девушки и звезды.

Спасибо жизни, свежей, как гроза,
За то, что есть вы – девушки и звезды!
Когда закрою навсегда глаза –
Исчезнут вместе девушки и звезды...

ВРЕМЯ

Время – золото?
Нет,
Не поверю я в это!

Самородок, из недр
Кем-то поднятый к свету,
Жадность может украсть,
Спрятать в сейфе-колодце...
А над временем власть
Никому не дается!

Так врывайся в жилье,
Стань героем в поэме,
Время, время мое,
Настоящее Время!

Ты бурлишь, как поток
На крутых поворотах.
Не подбить твой итог
На бухгалтерских счетах.

Ты летишь, ты не ждешь –
Дни, недели, столетья...
Разве солнечный дождь
Кто улавливал сетью?

Но бывает и так:
Я спешу, а кому-то
Совершенный пустяк –
Зря потратить минуту.

Словно рюмку вина
Между делом наполнить,
Между делом до дна
Осушить – и не вспомнить.

Время – грош для иных,
Медных бляшек тусклее...
Я бы время у них
Отнимал, не жалея, –

Да не сгинет оно,
Как, бывало, у бая
В год голодный зерно
Загнивало в амбаре!

Я б его раздавал
Всем творцам настоящим!
Я б его раздавал
Занятым, работающим –

Для мечты, для труда,
Для стремления к свету.
Сколько новых тогда
Песен было бы спето,

Славных дел свершено,
Сора – кинуто в пламя,
Новых звезд зажжено
Над родными полями!

Я долину Урсула не забуду вовеки!
 Пусть забвения ветер налетает, звеня, –
 Громяхают в ушах моих бурные реки,
 И качаются горы на плечах у меня...

ЧЕЛОВЕК

1.

По земным необъятным шагая просторам,
 Пробивая свой путь в неустанной борьбе,
 Сколько раз повечал он величье с позором,
 Сколько жизней зарыл, как в могиле, в себе!

Для того, чтобы в царстве живых утвердился,
 Он убийство возвел в непреложный закон:
 Стали жертвой его и корова, и птица,
 И овца, и верблюд, и могучий Дракон.

Ни проказнице-белке, ни хищнику-волку
 От него на планете не стало житья,
 Во Вселенной обшарит он каждую щелку:
 Не найдется ль чего для жратвы, для питья?

От победы к победе он рвется и рвется,
 Через кровь, через муки – лишь только б скорей!
 Выпил реки, озера – и все не напьется:
 Нефть по трубам сосет из подземных морей.

Если б только он смог, потянулись бы руки –
 И Луну, и Священное Солнце-Быркэн
 Он бы съел, похваляясь, что все – по науке:
 «Я всему здесь хозяин, титан-великан!»

А на деле-то – вошь, как порой говорится,
 Хоть обидно прислушаться к этим словам.
 От всего же, что здесь, на земле, им творится,
 Даже Космос трещать начинает по швам.

И сегодня никто не предскажет нам: что там,
Непридуманый ад или призрачный рай,
Ожидает за следующим поворотом?
Эй, калак', человек, осторожней шагай!

2.

Два глаза у тебя, есть руки, ноги,
Есть сердце, голова, в которой – мозг.
Таким тебя твои слепили боги
Из глины, застывающей, как воск.

Ты, так сказать, сработан без изъяна,
Но если поглядеть со всех сторон –
И зверь (конкретно скажем, обезьяна)
Примерно тем же, в общем, наделен,

А ты, в наряды модные одетый,
Когда-то все же раз и навсегда
Был наделен особенною метой:
Способностью смотреть в лицо стыда.

3.

Человек и один в поле воин.
Этой формуле множество лет,
Но тогда лишь её ты достоин,
Если истина в сердце – как свет.

Если миру его излучает
Уголёк негасимый в груди,
А сквозь тучи ему отвечает
Некий родственный свет впереди.

В мире, полном и благом, и гневом,
Есть единственная благодать:
Быть собой, быть не «правым», не «левым»,
Ни себя, ни других не предать.

Если ты, не мечтая о славе,
Свет в себе сохранил до седины,
Человеком считаться ты вправе:
В поле воин ты. Даже один.

Человеку одно только сердце дано.
Сколько вынести может при жизни оно?

Путь житейский нелегок, подъемы круты.
Дал промашку? Ну что ж, не железный же ты!

Может ведь и капкан самый верный, стальной
Вхолостую сработать на тропке лесной.

Падай, ползай, взлетай – не забудь одного:
Человеком быть в мире труднее всего.

Оступился в пути, огляделся кругом –
Видишь: бывший твой друг ныне смотрит врагом.

Он тебя осуждает, суров и речист,
Будто сам он во всем безупречен и чист.

Так залысину не увидеть барсуку,
Что с рожденья его украшает башку.

Как ругают тебя! И корят, и грызут,
Разыгрался в крови обличительный зуд.

Вот уже и о близких твоих говорят
Так, как будто бы ты не один виноват.

«Признаю, – говоришь ты, – ошибку свою,
Осуждайте меня, но зачем же – семью?

Ведь не солнце же я, человек я земной,
Будьте хоть иногда милосердней со мной.

Если ближнему яму копаешь, вполне
Можешь сам, поскользнувшись, очнуться на дне.

Человеку одно только сердце дано,
Сколько выдержать может при жизни оно?

Падай, ползай, вставай – не забудь одного:
Человеком быть в мире труднее всего!»

Каждый год, как только вновь опушка
Обретет весеннюю красу,
Начинает куковать кукушка
Средь ветвей в кладбищенском лесу.

Для кого ты здесь вещаешь, птица,
Что твердишь ты – сотни раз одно?
Может, «мертвецам не пробудиться» –
Истину, известную давно?

Или просто голову морочишь
Сторожу, лукавишь и пророчишь,
Обещая: будешь вечно жить
И могилы эти сторожить?

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он странный человек, друзья, не скрою!
Он поутру, принявшись за мытье,
Не говорит: «Лицо свое умою»,
Но: «Стану мыть *стыдобище* свое».
Не торопясь, берется он за дело
И радуется: как вода свежа!
Электробритвой действует умело –
Вокруг лица кружит она, жужока.
Шершавыми ладонями по коже
Потом пройдет, разомнет ее,
Посмотрит в зеркало: «Теперь, похоже,
Ты чистое, *стыдобище* мое!»
Но, приглядевшись, начинает снова
Водить жужокащей бритвой по щекам,
Без колебаний относя сурово
К случайно уцелевшим волоскам.
Еще какие-то разгладит складки,
И лишь тогда, ухожен и побрит,
«Теперь ты окончательно в порядке,
Стыдобище мое», – он говорит.

И, улыбаясь белыми зубами,
Пьет крепкий чай, жует простую снедь.
Он странный человек, судите сами:
С чего ему стыдиться и краснеть?
Всю жизнь он строит. Строит крепко, честно.
Кует коней. И никаким трудом
Не брезгает, ведь надо, как известно,
Кормить семью – детишек полон дом.
Он их растит с надеждой и любовью,
Не жалуясь на тесное жилье.
Откуда ж это странное присловье:
«Пора умыть *стыдобище* мое»?
Но так он говорит и поступает,
Так некогда завещано отцом:
«Стыд на лице, на коже проступает,
В мир с чистым, ясным выходи лицом!»
Я вижу, как на зорьке золотистой
Он не спеша пересекает двор,
И неразлучен с ним такой же чистый
Его любимый плотницкий топор.
С лицом открытым, чистым перед всеми
Он так живет и проживет свой век,
Земляк мой старый – тот, кто в наше время,
По мнению многих, странный человек.

ОЖИДАНИЕ

Ждут меня шуба и шапка моя,
Ждет меня обувь моя у порога.

Вечные ждут меня верно друзья:
Звезды осенние, горы, дорога.
Ждет меня поле с колючкой жнивья,
Ветер бездомный, ночевка у стога...

Только не тот уже стал я теперь:
Сник, постарел я, все чаще болею.

Все-таки, чуткая ждет меня дверь,
Ждет-сторожит, и дразня, и жалея.
Ждет и порог – он лежит поперек,
Крепкий, высокий – недолго споткнуться...

Ждет он, когда проплыву за порог,
Чтобы уже никогда не вернуться.

ПЕЧАЛЬНЫЙ МОНОЛОГ ПОСЛЕДНЕГО АЛКОГОЛИКА

Моя вина, мой грех, моя беда!
Был крепок, свеж я в юные года,
Ни подхалимом не был я, ни трусом,
Но ведать не дано юнцам безусым,
Что это все исчезнет без следа.
Моя вина, мой грех, моя беда.

Моя вина, мой грех, моя беда:
Попробовал я водку, и тогда
Вскипела кровь, как будто взмыл я в небо,
Мне зелье показалось слаще хлеба.
Что молоко, что мёд мне, что вода!
Моя вина, мой грех, моя беда.

Моя вина, мой грех, моя беда.
Шепча: «Не принесу тебе вреда!»,
Злодейка-водка кровь мне иссушила,
Отваги пламень в сердце задушила,
Рука с бокалом стала нетверда.
Моя вина, мой грех, моя беда.

Моя вина, мой грех, моя беда.
Я позабыл о радости труда,
Жена меня оставила и дети,
Один, как перст, остался я на свете,
И стала жизнь дорогой в никуда.
Моя вина, мой грех, моя беда.

Моя вина, мой грех, моя беда!
Сводила судорога иногда
Больное тело, стала таять печень,
Уже я черным знаком был помечен.
Как дальше жить, податься мне куда?
Моя вина, мой грех, моя беда.

Моя вина, мой грех, моя беда?
А, может быть, всему виной среда,
Лихие собутыльники-ребята,
И девушка виновна, что когда-то
Со мною чересчур была горда?
Но нет: моя вина, моя беда.

Остыл очаг мой. Оправдания нет.
Могу ли я судить весь белый свет?
Нет, сам нырнул я в этот омут черный,
Сам покорился мерзости тлетворной,
Мне не уйти от своего суда:
Моя вина, мой грех, моя беда.

Моя вина, мой грех, моя беда!
Осенние настали холода.
Коварной водки берегитесь, братья,
В ней яд, в ней смерть – вот что хочу сказать я
Вам, прежде, чем исчезнуть навсегда.
Моя вина. Мой грех. Моя беда.

* * *

Человек, задумайся о том:
Посреди трагического века
Быть бездумной радости рабом –
Это ли достойно человека?

Человек, задумайся о том:
Посреди космического века
Быть печали собственной рабом –
Это ли достойно человека?

Если ты счастливый – стань творцом,
Если ты несчастен – стань борцом!

МОИ СТИХИ УБЬЮТ МЕНЯ...

Они однажды убьют меня,
Они однажды сожгут меня,
Однажды испепелят меня,
А сами выскочат из огня.

Я это знаю все наперед:
Ведь каждая из настоящих строк
Частицу жизненных сил берет
И сокращает жизненный срок.

Ведь я отдавал им день, и ночь,
Усталость и сон прогоняя прочь.
Я в мире многим хотел помочь
И только себе не умел помочь.

Они однажды убьют меня,
Они однажды сожгут меня,
Затем, чтоб самим спастись из огня
И жить остаться вместо меня.

УТРЕННИЕ СТИХИ

Как только утро начинает шевелиться,
Я выхожу, стряхнув дремоту, на крыльцо,
Кричит проснувшаяся утренняя птица,
И свежесть утренняя дышит мне в лицо.

Кругом бесчисленные шорохи и звуки
Распространяются – и ширятся, растут,
Прохлада нежная ласкает плечи, руки,
И новый день, как говорится, тут как тут.

Восходит солнце, но пока еще не греет,
Едва касается еще небритых щек,
А вместе с миром – и душа моя светлеет,
Как будто неба с ней прорезался клочок.

Как будто плакать и болеть ей нет причины,
Отмыты начисто вчерашние плевки,
Как будто дымом можжевельника-арчина² –
Меня, как в детстве, окурили земляки.

О, люди добрые, давно уж, без сомнений,
Мы все зачихали бы, иссохли бы до дна
Без этих утренних целительных мгновений,
Когда воистину вся кровь обновлена.

Стою, омытый, словно заново рожденный,
И улыбаюсь рассиявшейся заре,
Еще не сломленный, еще не побежденный...
Какая тишь! Какое утро на дворе!

* * *

Богат и прекрасен мой славный Алтай,
Вершины Алтая – поди сосчитай.
То блещут они в ледяном серебре,
То золотом жарким горят на заре.
На их островерхие шапки взгляни –
На юрты алтайцев похожи они.
Богаты мы кедром, богаты зверьем –
Чего только нет на Алтае моем!

И все же с недавних, признаюсь вам, пор
Покоя лишился я, сын этих гор,
Гляжу на Алтай – и себя не пойму:
Чего-таки все ж не хватает ему?
Есть реки, озера – я так их люблю!
Я воздух алтайский ноздрями ловлю.
Соленого запаха моря, друзья,
Ему не хватает, вдруг чувствую я.

А как бы могли подружиться они –
Они ведь, несхожие, в чем-то сродни:
Волна и скала, высота и простор,
Величие моря с величием гор.
Но чайки не кружат над юртой моей,
Лежит мой Алтай вдалеке от морей,

И разве что в нашей, поэты, строке
Дано повстречаться им накоротке.

И едут собратья мои по стране –
На Черное море, к балтийской волне,
И смотрят на синее с белой каймой,
И строки о море увозят домой,
Как будто стараясь, в ладони, в горсти
Хоть капельку моря сюда принести.
И музыка строк их свежа и нова,
И образы эти, и эти слова
Звучат непривычно на первых порах...

Не пахнет ли морем в алтайских горах?

* * *

Как взрослеть человеку не просто
И в столице, и в сельской глуши!
Неизжитого рабства короста
Отдирается с болью с души.

Но учти, что полегче дороги
Не дано в этом мире тебе:
Стать мечтаешь свободным, как боги –
Обретай это право в борьбе!

Только слишком уж громко не надо
Толковать нам про Совесть и Честь:
Люди издали, с первого взгляда
Видят в ком эти качества есть.

Так расти, торжествуй над врагами,
Не откладывая жизнь на «потом»,
Меж нахмуренными берегами
Стань надежным и прочным мостом.

Полюбив эту землю до боли,
Наше дело – гореть, а не тлеть.
Знай, что самая жалкая доля –
Постареть, не успев повзрослеть!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ МЕСТА

Я вступаю вновь в мой старый след!
У меня алтайской шапки нет,
У меня алтайской шубы нет,
Ноги – в блеске лаковых штиблет.

Я узнал вас, горы, в свете дня,
Ну, а вы – узнали вы меня?

* * *

Костер ли жгу, стихи ль свои пишу –
Одна печаль во мне звучит негромко:
Когда вздохну я воздухом дышу –
Я не обкрадываю ли потомка?

Лесной ли наслаждаюсь красотой,
В родник ли горный опускаю руку –
Не отпиваю ли из чаши той,
Что сыну предназначена и внуку?

Здесь, на Земле, всего уже – в обрез,
И на глазах меняется планета.
Тот снег, что завтра упадет с небес –
Каким он будет и какого цвета?

Год на часах истории – как миг.
Когда еще столетье отсчитаем –
Ты будешь жив, алтайский мой язык?
Алтай мой, зваться будешь ли Алтаем?

Быть может, задохнется мир во мгле,
И не поможет никакое чудо?
Быть может, я последний на Земле,
Кто дышит чистым воздухом покуда?

* * *

Встрепенитесь, честные сердца,
Содрогнись, земля джигитов смелых:
Сын-алтаец старого отца
Оставляет в доме престарелых.

Взор не затуманит ни на миг –
Дескать, слезы не к лицу мужчинам!
Комнату, в которой жил старик,
Вымыл, вытер, окурил арчином.

Радовался: «Будет, наконец,
У меня подобье кабинета!
Власть Советов защищал отец –
Пусть и кормят старого Советы!»

Слушай, время, прокрутись назад,
Хоть такого не было вовеки!
Раненым с войны пришел солдат.
Свататься ли к девушкам калеке?

Но не жизнь на свете одному
Воину, до времени седому!
Думал, думал – и решил: «Возьму
Сироту-мальчишку из детдома».

И привел в свой холостяцкий дом,
Гладил по вихрам рукой беспалой,
Думая: «Вдвоем не пропадем,
Вырастет – опорой будет малый!»

Ах, как приходилось нелегко
В ту, послевоенную эпоху!
Но пока есть хлеб и молоко
Для парнишки – все не так уж плохо.

Ну, а сам потерпит как-нибудь,
Вдоволь в жизни съевший горькой соли...
Вместе поутру пускались в путь:
Школьник-сын, отец – учитель в школе.

Год за годом – за горой гора,
Перевал вослед за перевалом.
Тот, кто был мышонком лишь вчера –
Длинноногим вымахал маралам.

Он – ученый, кандидат наук,
Он известен в областях Союза.

И почувствовал однажды вдруг:
Для него старик – одна обуза.

«Ты мне не отец, ты мне чужой», –
Благостная сброшена личина.
Разве человек с такой душой
Стал мужчиной? Это ли – мужчина?

Это непосильно для ума,
Это и для сердца непонятно,
Это – будто на Алтай зима
За весной нагрянула обратно!

Но прекрасен край мой, как всегда,
И весна выдерживает сроки.
Пенится весенняя вода,
Сереблятся буйные потоки.

И стоят в сиреновом дыму
Наши горы, солнцем залитые.
Как понять, когда и почему
Очерствели души золотые?

СЛОВО

Одинокое слово беспомощно, тускло, мертво,
Словно уголь потухший, забывший о жаре печном,
И таким оно будет, пока не поставишь его
В ряд к собратьям-словам, что живым полыхают огнем.

А когда ты найдешь ему место в их жарком строю,
Переймет оно вновь у соседей их пламенный цвет,
Словно вспомнило слово горящую сущность свою –
Ведь недаром его с красным углем равняет поэт.

Слово – как человек: в одиночестве никнет, грустит
И в дурную компанию может попасть от тоски,
И пойти по рукам, забывая и совесть и стыд...
Ты друзей подари ему – верных, как те угольки!

Чтобы слово от слова, как сердце от сердца, зажглось,
Чтобы вспыхнул от неба огонь, разгоняющий мрак,
Чтобы черного слова, которое с истиной врозь,
Не посмел бы сказать даже самый последний дурак!

* * *

Где-то есть Москва, Ташкент, Париж,
Шумные и людные столицы,
Новости: «Да что ты говоришь!..»,
«Всем, всем, всем!..»,
«Сегодня состоится...»

Там – музеи, выставки, сады,
Звезды и театра, и экрана,
Там, дневные завершив труды,
Входит кто-то в залы ресторана.

Музыки самозабвенный гром,
Скатерти, светильников кристаллы...
Ну, а кто-то в одинокий дом
Возвратится, хмурый и усталый.

Жизнь многообразна и пестра.
Я когда-то рвался со двора,
Всю, как есть, обнять ее мечтая.
А теперь мне только бы успеть
Все, что надо, высказать и спеть
О моем единственном Алтае.

Самое заветное постичь,
Мастерства желанного достичь,
Чтоб звучало слово не впустую.
Повторяю сам себе в укор:
«Ты не новичок, но до сих пор
Иногда стреляешь вхолостую!..»

АЛТАЙСКИЕ ПОЭТЫ ПЕРЕВОДЯТ ПУШКИНА

Алтайские поэты переводят
За строчкой строчку пушкинских стихов.
Зовем его – и снова он приходит
В наш край охотников и пастухов.

Как небо звездное, его страницы:
Дотянемся ль до этой высоты?
В том небе обитающие птицы
Слетят ли к нам, на чистые листы?

Не отставая от своих собратьев,
И я вступил в опасный этот спор.
Случается, блуждаю, след утратив,
Как по тайге, средь величавых гор.

Как найденный внезапно редкий камень,
Бывает, слово точное придет,
Но блеск его чудесный под руками
Блеснет на миг – и снова пропадет.

Вновь Пушкина алтайцы переводят –
И слово нужное в который раз
Находят и теряют, вновь находят –
И снова Пушкин возвышает нас!

* * *

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя прекрасна
В цветном шелку весны.
Недаром, как мальчишки,
Светлы и горячи,
К ней взапуски несутся
Апрельские лучи.

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя сияет
Куда светлей луны.

Не зря к ней ночью звезды,
Покинув высоту,
Слетают – и от счастья
Сгорают на лету.
Не зря, лишь только дождик
Пройдется по земле –
От имени вселенной
И солнца в том числе,
Уткнувшись в грудь земную.
Где травы и дома,
Ее целует радуга –
Красавица сама!

А для меня планета
Прекраснее вдвойне:
Ведь я живу не где-то,
Живу не в стороне,
Она при мне, со мною,
И в сердце и в горсти...
Ах, до чего же славно
Мне по земле идти!

ВДРУГ НАГРЯНУЛ ДОЖДЬ

Гудя, шурша, всю землю одевая
Текучей влагой, хлещет крупный дождь.
Нависла низко туча грозовая
Над головами потрясенных рощ.

Зигзаги молний с острыми углами
Ломаются то рядом, то вдали,
И непонятно: с неба это пламя,
А, может быть – из недр самой земли?

...И стихло вдруг. Сверкает камень голый.
Как долго нынче не было дождей!
Вдыхает воздух влажный и тяжелый,
Притихла, задремав, земля людей.

ОЧЕРЕДИ

Нет слова «очередь» в алтайском языке.
Очередей не знали, видно, предки.
А нынче глянь – в селе и в городке
Повсюду очередь: кошелки, сумки, сетки.

Ах, очереди! Где их только нет!
Съедают век, и без того короткий.
Стой за квартирой – чуть не двадцать лет,
За маслом, мясом. А теперь – за водкой.

За чем стоим? Что ждет нас впереди?
Как нам из этих пут освободиться?
Придется ведь стоять, того гляди,
За чистым воздухом, за питьевой водицей.

Скажите, для чего явился я на свет?
Торчать в очередях, понурясь безнадежно?
Повсюду очередь! И где их только нет?
Лишь умереть пока без очереди можно...

ЗАОДНО С БОЛЬШИНСТВОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

Заодно с большинством человечества
Эту землю я мерю пешком,
Заодно с меньшинством человечества
Иногда разъезжаю верхом.

Заодно с большинством человечества
Жизнь люблю: землю, солнце, траву.
Заодно с меньшинством человечества
Я в горах поднебесных живу.

Заодно с большинством человечества
На детей своих нежно гляжу.
Заодно с меньшинством человечества
Не голодным, а сытым хожу.

Заодно с большинством человечества
Я надеждой живу и дышу.
Заодно с меньшинством человечества
Я стихами про это пишу.

Здесь мой дом, и семья, и Отечество,
И долины, и горы в снегу...
Заодно с большинством человечества
Я от гибели мир сберегу!

* * *

Мне часто снится Манитов...
Машинка его стучит, стучит...
Седеть начинает Манитов,
Все пишет, пишет – спешит.

Мои старшие братья-поэты –
Кулиев, Дудин, Кугультинов Давид,
Мне отчего-то не снятся во сне,
Бронтой Бедюров, Буучай Бурмалов,
Борис Самыков не снятся мне.

А снится мне часто Манитов,
Манитова нужно спасать,
В Союз писателей, может, принять,
Или книгу его издать...

1986 г.

МЫ БЫЛИ ГОЛУБЫМИ ТЮРКАМИ

Голубые тюрки – древнее племя наше,
Наше знамя – волка синего голова.
В походы и битвы ходили мы вместе,
Но в веках рассеялись, как в морях острова.

Сквозь сумрак веков, кочевья столетий,
Мы встретились случаем жизни самой.
В нас вскрикнула кровь, что бурлит в наших венах,
Мы узнали друг друга и породнились с тобой!

Глаза твои – вечное синее небо,
Мои – стального клинка острие.
Ты молитвы свои воздаешь Аллаху,
Я – огню и вершинам, славлю Солнце свое!

Поздоровались мы, руки крепко пожали,
И слова языков своих стали сличать:
– Как сказать по вашему слово «мама»?
– «Ана» – в переводе с балкарского – мать.

– Как будет по-вашему слово «отец»?
– Отец – «Ата» говорит наш народ.
Ребенок – «Бала», глаза – будет «Кёс»,
Лебедь – «Куу», а огонь будет «От».

Пойдем же со мной, друг мой и брат,
В гости ко мне – угощу, чем богат!

– Брат! – воскликнул я всей душой,
Иди – будет «Кел», а народ – «Калык»!
– Брат! – отвечала душа твоя,
Мы один народ, мы – один язык!

Идем, говоря на одном языке
Друг друга встретившие через века!
Голубые тюрки – древнее племя наше,
А балкарская речь алтайской близка.

УЧУСЬ МОЛЧАТЬ

Когда
Секреты атома
Ученые открыли,
Они испуг свой
За молчаньем
Скрыли.

Тайна бомбы
Миру
Внушила,

Что молчание –
Великая сила.

Сокровенное
Слово –
Атома посильнее,
Глаз
Молчащих язык –
Душ великих
Мудрее.

«Длинный повод
Запутает руки,
Запутает мысли
Длинный язык», –

Наконец-то
Пословицу эту
Я стал понимать.
Ее вспоминая,
Зубы сжимая,
Учусь молчать.

СТРОКИ

1.
Сплетня быстрее, чем заяц, мчится.
2.
Пулей от хвори не излечиться.
3.
Сплетня – что собака всюду поспевает.
4.
Звезды лет своих не считают.
5.
Жеребенок заржал – и душа от радости тает.
6.
Братство крови не проливает.
7.
Иногда ресница солнце затмевает.

8.
Своя колотушка лба не разбивает.
9.
Выпрямить радугу – мечта дурака.
10.
Не в бороде ум старика.
11.
Лишь перед смертью узнаешь, кто друг, кто враг.
12.
С тенью своей подрался дурак.
13.
У большого дурака и тень велика.
14.
Громче всех славит дурак дурака.
15.
Тень заметней в солнечный день.
16.
Тень от солнца прячется в тень.
17.
Бай, чтобы умным казаться, башку обрил.
18.
Глупая слава – душе отрава, – мудрец говорил.
19.
Кто сидит высоко, тех видать далеко.
20.
Всем лекарствам лекарство – матери молоко.
21.
Свой конек, хоть и плох, – веселее скачет.
22.
В сердце ранимом небесная птица плачет.
23.
Новому месяцу новая песня впору.
24.
Шевелись помаленьку – осилишь и гору.
25.
Сплетник! Сдохнет комар, твоих отведав кровей!
26.
По спине змеи ядовитой прогуливается муравей.

27.
Сколько ни бей кнутом – не рухнет скала.
28.
Ядом яд не разрушишь, злом не осилишь зла.
29.
Нет страшней убийства, чем память сгноить живьем.
30.
Пададь завидев, ликует ворон: «Живем!»
31.
С первого шага берет начало судьба.
32.
Ладонь пахаря – поле, на котором щедры хлеба.
33.
Ожидание чуда – прекраснее чуда.
34.
Я – Слово, еще несказанное покуда!
35.
Не могу осторожно жить. Извини!
36.
Ты не веришь мне, друг? Рассеки мою грудь – и взгляни!
37.
Души всех честолубцев в одной отлиты опоке.
38.
Плачу – лижет собака мои соленые щеки.
39.
Чем проталина пахнет? Солнцем, весной!
40.
Талант прекрасен своей новизной.
41.
Сердце видит музыку, ее красоту.
42.
Есть Алтай на Луне, говорят, – но я земной предпочту!
43.
Решился высказать Правду – терпи во имя ее.
44.
Ты не схож с другими? Терпи – таково призванье твое!
45.
Правду лишь Правдой положено утверждать.

46.

Нет у Времени времени – тебя подождать.

47.

В грязь поэта втоптали – но к солнцу летит его пенье!

48.

Кипит в груди муравейник – мое нетерпенье.

49.

Переупрямить Смерть никто покуда не смог.

50.

Если я поскользнусь – ты мне посохом станешь, сынок?

51.

Хотя и без глаза – вовек не заблудится тень.

52.

Тягчайшее из проклятий: да поразит тебя лень!

* * *

Не табунщик я уже давно,
Не ращу, оторванный от массы,
Скот на молоко и мясо, но –
Ем, конечно, молоко и мясо.

Труд мой – плечи целый день клонить
Над бумагой, зная счет минуте,
И пытаться присоединить
Слово к слову, словно капли ртути.

Только разбегаются слова,
Не желают воедино слиться.
И гудит устало голова,
И работа длится, длится, длится.

Длится строк моих неровный бег.
Я хочу, слагая строки эти,
Чтобы человека человек
Уважал, берег на белом свете.

Сочинив уже немало книг,
С чистой совестью могу поклясться,

Что не забывал я ни на миг
Цену хлеба, молока и мяса.

Не табунщик я уже давно,
Не уеду в горы с табунами –
Но перо мне, верю, вручено
Коневодами и чабанами!

* * *

Среди министров не найдешь алтайца –
Но поклонитесь нашим чабанам!
И космонавта вспомнить не пытайся –
Но светит небо синее и нам!

Алтайцы не приучены к обману,
Хоть много раз обманывали их.
Дивиться простодушью не устану
Премудрых соплеменников моих.

Костер сумеют развести без спички,
Давно им быт пастушеский знаком,
Но не они – как видно, нет привычки! –
Торгуют при дорогах шашлыком.

С младенчества стрелять умеют метко,
Но если не потребует нужда,
Уменьем этим пользуется редко,
Живое зря не губят никогда.

Зато прицельным, искрометным словом
Бьют щедро, не скупясь, не в бровь, а в глаз,
Любым народам, древним или новым,
Не уступая, заверяю вас.

Среди министров не найдешь алтайца
И космонавта вспомнить не пытайся,
Нас мало, и осталось нам одно!
Жить, выстоять. Иного – не дано...

МОНОЛОГ ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ

Хирургу С.Г. Толмачёву

Товарищ хирург,
Я – алтайский поэт,
Алтайским табунщиком был я когда-то.
Хорош, не хорош ли я, но дубликата
На свете, наверное, все-таки нет.

Не всем по душе,
Не во всем – образец,
Я не претендую на лавры героя.
Случалось и мне ошибаться, не скрою,
Но все же я – не пустобрех, не подлец.

Бывал я обруган, оплеван, побит,
Но в жизни не мыслю разочароваться,
Тем более с ней не готов расставаться:
Любовь моя к ней – посерьезней обид.

Я верю, не знаю и сам, почему,
Что завтрашний день будет лучше, светлее,
Что слово мое будет завтра нужнее,
Народу пастушескому моему.

Товарищ хирург!
Я у Вас под ножом.
Всю жизнь, если честно боялся ножа я –
Того, что бывает, блеснет, угрожая,
В недоброй ночи,
В переулке чужом.

Но здесь надо мной – ослепительный свет,
Умелые, добрые, сильные руки.
И все же боюсь я –
Ни смерти, а муки,
Алтайский табунщик,
Алтайский поэт.

Алтайский табунщик, алтайский поэт,
Я все, чем живу, Вам сегодня веряю –
И, душу очистив, как будто ныряю
В безмолвные волны...
Вернусь – или нет?

ПУТЬ К ЛЮДСКИМ СЕРДЦАМ

Казалось бы, чего уж проще,
О чем грустить, на что пенять?
Среди людей весь день, как в роще, –
Ну, как друг друга не понять?

Как заблудившийся в дороге,
Стреляю в воздух из ружья:
«Услышьте!» А по мне, в итоге,
Из пушек бьют. Увы, друзья!

И мысль нередко донимает
Невероятная меня:
Друг друга легче понимают
Медведь – медведя, конь – коня.

А мне, когда придется туго,
Когда тоска захватит в плен,
Как быть, как жить? Искать ли друга
Мне с фонарем, как Диоген?

О звездах грезим, ловим взглядом
Мерцанье в синей вышине,
Но как сегодня к тем, кто рядом
Пробиться – подскажите мне!

ПОДОЗРЕНИЕ

В груди моей
Черная слизь лежит,
Невыносимо смердит,
Не угасая, чадит.

Незнакомое что-то
В печень мою проникает,
Кисло дымит,
Жарится, пригорает.

От этой черной напасти
Дрожь у меня начинается,
Как будто холодная наледь
В теле моем растекается.

В груди моей, моей крови
Со вчерашнего дня –
Темная неизвестность
Без покрышки, без дна.

Она тлеет неугасимо,
Не разгораясь, жжет,
Дыхание мое стесняя,
Недохнет – и не живет.

Ай-ай-ай!
Я опомнился, я пришел в себя –
Вчера, словно плюнул меня в душу,
Предал и оболгал меня
Казалось бы, преданный, лучший,

Бывший –
Теперь уже бывший
Друг мой,
Друг мой и брат!

Душа моя как бы украдкой,
Подозрением черным кровя,
Страдает – не предадут ли
Родные мои сыновья?

Сомнениями измучен,
Не зная ни дней, ни ночей,
Смотрю изучающе в лица –
Невинные лица своих детей...

НАДЕЖДА

...А когда, завершив свой круг,
Я сойду, наконец, во мрак, –
Может статься, не только друг,
Может быть, и нынешний враг
На могилу мою придет,
Пару строчек моих прочтет,
Скажет тихо под шелест трав:
«Может, все-таки был он прав...»
Не услышу я ничего,
Буду я далек от него,
От земных моих берегов,
От друзей моих и врагов...

ТРАФАРЕТ

Он проделал известную, в общем, дорогу:
В мир явился, как все, беззащитен и гол,
Рос, пеленки мочил, ползать стал понемногу,
Встал, упал, научился ходить – и ушел
В жизнь большую от мамы.

А, впрочем, сначала

Покидал ненадолго родительский дом:
«В жизнь большую» – на первых порах означало
Детский сад по соседству. И школу потом.

Там, за партою, первое стихотворенье
В смутных грезах о славе явилось на свет.
Дальше – снова известных путей повторенье:
Ловля счастья в редакциях местных газет.

Наконец-то – Издательство! Важная веха...
Осознал: слишком гордые тут не в чести...
Первый сборник, пьянящее чувство успеха...
«Хочешь новой удачи? Обмой, угости...»

Череда бесконечных собраний, решений –
Суета, невзначай подменившая жизнь,
Математика сложных людских отношений:
С тем дружись, с тем борись, с тем за стол не садись.

Ты – в команде, ты – свой, ты – как все, ты – со всеми.
Приспосабливайся, пресмыкайся, душа!
Только слушай порой, как проносится время
Высоко над тобою, шумя и шурша.

Ты достиг, ты добился, вписался, дождался,
Стал как все. Будто вовсе на свет не родился!

* * *

Чтобы твердым был нож – раскалив докрасна,
Охлаждают водой из ковша.
Чтобы гибким был нож – раскалив докрасна,
Позволяют остыть неспеша.
Твердый нож сохраняет свою остроту –
Но ломается быстро зато.
Гибкий, мягкий – утратит скорей остроту,
Но прослужит подольше зато.

Мой отец, говорят, был характером крут.
Рано умер...
А, может быть, притчи не врут?

Твердый нож, гибкий нож. Оба, вроде, нужны!
Ну, а мы быть какими должны?
Подскажи мне, отец, из далекой страны,
Недоступной, холодной страны!

ПУТЬ К ЧЕЛОВЕКУ

Человек начинается с горя...

Ольга Берггольц

Думал я – с этой мыслью поспорю,
Но не смог возражений найти:
Лишь свое, пережитое горе
Открывает нам к людям пути.

Глух счастливец, не ведавший боли,
Он мольбу не услышит твою,
Даже если усилием воли
Ты у бездны повис на краю.

Кто смертельной тоской не уколот,
Тех чужая тоска не проймет.
Кто ни разу не чувствовал голод –
Голодающего не поймет.

И когда твоя жизнь на пределе,
И последняя близко черта,
Будет плакать у смертной постели
Лишь выдавшая смерть доброта.

Так неужто в кругу мироздания,
В этом мире, что нами обжит,
Только через беду и страданье
К состраданию дорога лежит?

ПРОВОЖАЮ СЫНА В АРМИЮ

Из этих милых сердцу гор
Отца на фронт я проводил.
Из этих милых сердцу гор
Я сам в солдаты уходил.

Уходит в армию мой сын
Из тех же милых сердцу гор.
Таков поныне путь мужчин:
Нужны солдаты до сих пор!

Уходит в армию мой сын –
И память прежняя болит,
И ветер, прилетев с вершин,
Мою прическу шевелит.

В тот день, когда я уезжал,
Прощальный птичий крик ловил, –
Отец меня не провожал,
Не обнял,
Не благословил.

Пропав без вести на войне,
Не знаю, где, в каком бою,
Он завещал продолжить мне
Судьбу солдатскую свою.

Ушел, оставив добрый след,
Родную землю защитил.
...И вновь я – через столько лет, –
Свое сиротство ощутил.

Но помолчи, моя тоска,
Утихомирься, наконец!
У сына сына нет пока,
Но у него есть я – отец.

Мой мальчик будет охранять,
Оружье вскинув на плечо,
Свой край родной, отца и мать,
И тех, кто не рожден еще.

Я вслед гляжу, еще не стар,
Сквозь километры и года –
И верю: атомный пожар
Не разгорится никогда.

В твоем лице, мой милый сын,
Сегодня это подтвердят
Три поколения мужчин,
Три поколения солдат!

НОЧЬЮ И ДНЕМ

Вот уж странное дело: весенний денек,
Я в толпе многолюдной, но я – одинок!

Я один за работой. За окнами – ночь.
Но тоска одиночества пятится прочь!

Младший сын мой – во власти блаженного сна,
Стережет его ласковая тишина.

Как всегда, с ним игрушки: медведь и щенок.
Их обняв, он доволен, что не одинок.

Я сижу за столом. Впечатления дня,
Люди, горы, моря обступают меня.

День придет – и опять я бреду, как всегда,
Одинокий, в толпе – сам не зная, куда...

РАЗРЕЗАЯ АРБУЗ

Я принес арбуз, большой и гладкий,
И разрезал. Брызнул алый сок.
Сын воскликнул:
– Красный – значит, сладкий!
Дай-ка поскорее мне кусок!

Ну, а я, друзья, в мгновение это
Был внезапным чувством поражен:
Будто не арбуз, а солнце лета,
Солнце остывающего лета
Простонало под моим ножом!

«Год прошел... Старею понемногу...»
Сын был счастлив. Что ж – и слава богу!

РЕБЕНОК

Ничего не понимающий младенец
Ничего на белом свете не боится:
Ни волны, когда она играет, пенясь,
Ни войны, ни мертвеца,
ни черной птицы.

Ничего не понимающий ребенок,
Встретив недруга отцовского,
смеется
И бежит к нему, и голос чист
и звонок,
И открытое сердечко жарко бьется.

Он к змее бесстрашно тянется
ручонкой,
Беззащитной, и доверчивой, и тонкой.
В мире – кажется ему – все люди –
братья,
Все добры и друг на друга все похожи.

О неправде не имеет он понятия,
Он о ней узнает скоро, чуть попозже.
Он во всех души пока еще не чает.
Как в раю, добра от зла не отличает.

Сто дорог прошел я в мире, может, – тыщу,
Надвинулся на земную красоту;
Умным, глупым был, голодным был
и сытым,
Победителем бывал и сам был битым.
Знаю жизнь, которой горше нет и слаще,
Но ребенку я завидую все чаще.

Что случилось – неужто стареешь и ты?
 Как же так не видел я доселе:
 Словно льдинки, сединки среди черноты
 На твоей голове заблестели.

Может, в этом отчасти виновен и я,
 А не только законы природы,
 Что стареет, стареет подруга моя,
 Что прошли наши лучшие годы.

Что ж нам делать, моя дорогая, с тобой?
 Что сумею тебе подсказать я?
 Ты набрось, как бывало, платок голубой,
 Отыщи свое девичье платье.

И засмейся, и пусть подивится наш сын –
 Звонким смехом тебе я отвечу..
 Пусть хотя бы на миг – оживим, воскресим
 Нашу давнюю, первую встречу!

СЛЕДОПЫТ

Сегодня снег над лесом не кружится.
 Две легких, неглубоких борозды –
 Мой плавный след, мой лыжный след ложится
 На редкие звериные следы.

Вот здесь пропрыгал, кажется, сохатый,
 Пятная кровью чистые снега,
 И – волк за ним, как верный провожатый..
 Недаром говорят: закон – тайга.

Он установлен был еще в начале.
 И бесполезны жалкие слова:
 Своя судьба, свой страх, свои печали,
 У всякого живого существа.

Гудит тайга таинственно и глухо.
 Сняв шапку, медлю. Путь еще далек.

Вот здесь прошла с теленком маралуха,
Тут проструился юркий соболек...

И сколько так еще прочту я за день!
Алтаец я. И помню потому,
Что на зверьё мой предок не был жаден:
Брал столько, сколько надобно ему.

Мне ненавистна подлая охота,
Когда чужак – незнамо, кто и чей –
Отстреливает с неба, с вертолета,
Маралов – беззащитных рогачей.

И для наживы, а не для здоровья,
Сквозь зубы бормоча: «Закон – тайга!»,
Спустившись, рубит налитые кровью
Бесценные, целебные рога...

Я впитываю каждой клеткой кожи
Таежный воздух. Не убийца я!
Но я хозяин, я охотник все же,
Я сын тайги. В тайге вся жизнь моя.

Мой мир, Алтай мой! Вечные законы
Любви и смерти, смерти и любви
Мне с юных лет понятны и знакомы.
Удачей ты меня благослови!

Вот вижу: тени легкие мелькнули,
Легко, бесшумно улетели вдаль
Два снежных завихренья, две косули.
Бегите, дорогие! Мне не жаль.

Вы не мои сегодня. Знаю, знаю!
Вот новый след. К нему склоняюсь я:
Не ты ли, рысь, красавица лесная,
Здесь нынче шла, тревогу затая?

Два острых глаза пристально и хмуρο
Сверкнули, чудится, издавека,

В накрапах крупных царственная шкура
Привиделась, пушиста и мягка.

Сомнений нет: недавно золотая
Здесь рысь прошла. Я чувствую: она –
Подарок мне от батюшки Алтая.
Мне предназначена и отдана!

Пришла пора погоней насладиться,
Ничто не сможет встрече помешать.
Мне в городе случалось заблудиться,
В тайге я – дома. Здесь легко дышать.

* * *

– Я – Радость! Я к тебе летела,
Любим препонам вопреки,
Но на пути – такое дело! –
Бьюсь, угодившая в силки!

– Я – Счастье! Я к тебе стремилось,
Но по дороге подо мной
Внезапно жердочка сломилась,
И я – в ловушке потайной!

– Я – Правда! Ныне я – в капкане
Среди безмолвия лесов!
Ты слышишь в утреннем тумане
Мой слабый, мой далекий зов?

– Я слышу, слышу! Разумею!
Я на дорогу выхожу
И Правду, Правду – всех पहले
Из вас троих освобожу!

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ЛАТЫШСКОМУ ПОЭТУ МАРИСУ ЧАКЛАЙСУ ПРИ ЕГО ОТЛЕТЕ С ГОРНОГО АЛТАЯ В РОДНУЮ РИГУ

Марис Чаклайс, мой латышский друг,
Погостив немного на Алтае,
Крепко жмет мне руку, улетаая...
Что ж он так заторопился вдруг?

В доме у меня не побывал,
И в пути, под кедром-великаном
Чая с маслом, молоком, талканом³
Не отведал, не посмаковал!

Может, не понравилось у нас?
Может, дома приключилось что-то,
И зовет внезапная забота
Чуткого поэта в этот час?

Нет, все в мире, вроде, на местах:
Дом в порядке, и прекрасна Рига –
Вековая каменная книга
Дивный город в башнях и мостах.

И в соборе Домском – настежь вход,
Не забыть, как там бывал внутри я,
Не забыть мне, как «Аве Мария»
Золотоволосая поет...

Почему же друг мой от меня
Уезжает, посерьезнев сразу,
Даже не попробовав ни разу
Сесть верхом на моего коня?

Скоро самолет возьмет разбег...
И приходит мысль в минуты эти:
Может в Ригу –
Прежде всех на свете –
Заявился
Двадцать первый век?

Для других его пока что нет,
Но его досрочное явление,
Неожиданное наступленье
Издали почувствовал поэт.

Я и сам слагатель слов и строф,
Но мои слова – иного рода:
Я – посол нетронутой Природы,
Искорка языческих костров.

Но и я почувствовать хочу,
Что сулит нам Времени движенье,
Нового столетья приближенье...
И на корабле воображенья
Вслед за другом
В Латвию лечу!

ЛУНА-МАРАЛУХА

Я вышел из аила. Тишина
Лежит в горах, и в этой тишине,
Как маралуха красная, луна
Пасется в синей, нежной вышине.

И, как детеныш, рядом с ней звезда
Мерцает слабо, робость затая,
Не веря человеку навсегда:
Вдруг выстрелю из чёрного ружья?

И маралуха-мать свое дитя
Уводит за вершины, далеко,
И на снега, что залегли, блестя,
Струится лунный свет, как молоко...

ПЕРЕСМЕШКА ДВУХ ОХОТНИКОВ

- Откуда ты пришел, Ярын?
- С вершины Кайру я пришел.
- А что на ней нашел, Ярын?
- Хлеб испеченный я нашел.

- А где же этот хлеб, Ярын?
- Скормил волкам весь каравай.
- Где ж волки, старый лисовин?
- В кустах попрятались, Папай.

- А где же те кусты, Ярын?
- Лесной пожар их сжег дотла.
- А где ж хоть уголек один?
- Метель все угли замела.
- А где же скрылся снег, Ярын?
- Под лыжами остался он.
- А где же лыжи, чертов сын?
- Летят за зайцами вдогон.

- Летят вдогон, ты говоришь?
- Не веришь – сам взглянуть ступай.
- А где ж хозяин этих лыж?
- Он пред тобой стоит, Папай!

- И в облачении овчин
Хохочут, разливая чай.
- Ну, ты охотник врать, Ярын.
- Ты не уступишь мне, Папай.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

«Кукует кукушка – листве распуститься!» –
Присловье алтайское вспомнилось вновь.
Из горла страдающей, плачущей птицы
Зеленая брызжет весенняя кровь!

* * *

Чистый дождь пролился на дубравы!
Радости весенней не тая,
Пышут паром и земля, и травы,
И рубашка мокрая моя...

* * *

Первый снег... Все ново, незнакомо,
Вопреки безжалостным годам...
Как мальчишка, выбегу из дома –
Подивиться собственным следам!

РУССКИЙ ЯЗЫК

Леса, птицы, птичьи гнезда
Шептали мне по-алтайски;
Солнце, луна и звезды
Светили мне по-алтайски.

И волки в горах спросонья
Были лишь по-алтайски;
И знали коровы и кони
Одну алтайскую ласку.

...Но вот я покинул горы,
В дальний уехал город.
И мука мне сжала горло,
И мукой я был поборот.

Казалось, неизлечимо,
Бессильный, несчастный, мрачный,
Я вдруг захворал, мужчина,
Предродовой горячкой.

И вот мою грудь внезапно,
Как молнией раскололо.
Тогда-то с болью сказал я
По-русски первое слово.

И тотчас мне стало страшно,
И хрящ во мне главный хрустнул...
Однако со мной пространство
С тех пор говорит по-русски.

...А прежде, в ребячьи годы,
Когда мир был схож со сказкой,
Считал я: леса и воды,
И горы, и вся природа –
Все думают по-алтайски.

* * *

Моя планета, Родина, народ,
Тревожная, больная совесть века, –
Я жив ещё, готов шагать вперёд,
Но... счастье будет ли у человека?

За мир, за хлеб, за чистый белый снег,
За реки, за леса, за всё на свете
В ответе, повторяем, – человек...
А за него, скажите, кто в ответе?

Быть может Бог? Но лучших, полных сил
В застенках, в тюрьмах сгублено так много,
Что нет надежды даже и на Бога,
Уж если он такое допустил.

Вожди? Но после Ленина вожди
Почти до наших дней – в грязи по плечи...
Мы произносим праведные речи,
Но смутно знаем: что же впереди?

Когда навечно отойдем мы в тень,
Потомки наши, нас еще бесстрашней,
Не проклянут ли нынешний наш день,
Как мы клянем сегодня день вчерашний?

Кто убедит нас, что не будет так?
Как жить на свете по жестокой схеме,
Когда непредсказуем каждый шаг,
И время перечеркивает время?

Замков не знал алтаец много лет,
Не трогала гостей его собака.
Он жил во тьме невежества, однако
Горел в душе неугасимый свет.

А нынче-то и два замка, и три –
Подсчитываю снова грустным взглядом –
Красуются, навешенные рядом,
Снаружи. И не меньше – изнутри.

Заветы предков не сберег народ,
Но от беды, грозящей всей планете,
Замки разъединяющие эти
Спасают ли?
Скорей – наоборот...

ГЛОТОК ВОДЫ

*Четвертая часть людей на земле испытывает
хроническую нехватку пресной воды. В некоторых
странах Ближнего Востока литр воды в два-три
раза дороже литра нефти.*

Из газет

Что есть богатство в этом мире?
Считалось чуть ли не вчера:
Богатство – золото Сибири,
Алмазов тонкая игра,
Прохладный ворс живого меха –
Лисицы, соболя, песца, –
Красавиц гордость и утеха,
Отрада хищного дельца.

Что есть богатство? Жизнь с годами
Меняется, спешит вперед.
Фабричный дым над городами
Тяжелым облаком плывет.

И черный уголь с нефтью черной
Из глубины, из вечной тьмы,
Из-под болот и толщи горной
Кричат: «Богатство – это мы!»

Что есть богатство? Вся планета
Изрыта вдоль и поперек.
Уже деревья гибнут где-то –
Нечистый воздух им не впрок.
Уже и рыбы не осталось
В иных озерах ни следа...
Что есть богатство? Оказалось –
Простая чистая вода!

Струится маленькая речка,
Поёт извечное свое,
Гордясь, что нефти ни колечка
Нет на поверхности ее.
Журчит – последняя, быть может,
А над землёй – набат беды,
И по ночам меня тревожит
Далекий стон:
«Воды! Воды!»

* * *

Если б жил я тихо,
Если б шел я робко –
И была протоптана
Узенькая тропка, –

Ох, и высоко бы нынче я сидел,
Ох, и горделиво бы с высоты глядел!

Если б я начальству
Делал все в угоду
И не отдал голос свой
«Малому народу», –

Был бы я в медалях, был бы на коне –
И меня бы славили аж по всей стране!

Нет! Я не желаю,
Чтобы правду смыло –
По душе мне ярость,
По душе мне сила.

Я люблю холодный и колючий снег
И когда отважен смертный человек.

В океан ревущий
Захожу без весел –
Невозможно, чтобы
Я обезголосел...

Я – каким родился, тем и доживу!
...Это я ли черное белым назову?

ЧЕЛОВЕК В ПРЕЗИДИУМЕ

Далеко-далеко от «родных огородов»
Он опять принимает значительный вид,
Выступая от имени «малых народов», –
И уже по привычке с трибуны кричит,

Прославляя «родного, старшего брата»
И равняясь на «русский великий народ»,
И глаза округляет то грозно, то свято,
И клянется, что с партией в ногу идет!

«Наша нация – горсточка», – он объясняет.
Говорит, что умрет, если вымрет народ,
И при этом бумагу слезой орошает,
И с мольбою глядит, и не скажешь, что врет...

Но, однако, народ представляющий ныне, –
Он хвастливо гарцует на лучшем коне,
И везде разъезжает в шикарной машине,
И живет, не печалясь о завтрашнем дне.

Даже в самые страшные годы эпохи
Он спокойно царил, величав, как луна...

И черный уголь с нефтью черной
Из глубины, из вечной тьмы,
Из-под болот и толщи горной
Кричат: «Богатство – это мы!»

Что есть богатство? Вся планета
Изрыта вдоль и поперек.
Уже деревья гибнут где-то –
Нечистый воздух им не впрок.
Уже и рыбы не осталось
В иных озерах ни следа...
Что есть богатство? Оказалось –
Простая чистая вода!

Струится маленькая речка,
Поёт извечное свое,
Гордясь, что нефти ни колечка
Нет на поверхности ее.
Журчит – последняя, быть может,
А над землёй – набат беды,
И по ночам меня тревожит
Далекий стон:
«Воды! Воды!»

* * *

Если б жил я тихо,
Если б шел я робко –
И была протоптана
Узенькая тропка, –

Ох, и высоко бы нынче я сидел,
Ох, и горделиво бы с высоты глядел!

Если б я начальству
Делал все в угоду
И не отдал голос свой
«Малому народу», –

Был бы я в медалях, был бы на коне –
И меня бы славили аж по всей стране!

Нет! Я не желаю,
Чтобы правду смыло –
По душе мне ярость,
По душе мне сила.

Я люблю холодный и колючий снег
И когда отважен смертный человек.

В океан ревуший
Захожу без весел –
Невозможно, чтобы
Я обезголосел...

Я – каким родился, тем и доживу!
...Это я ли черное белым назову?

ЧЕЛОВЕК В ПРЕЗИДИУМЕ

Далеко-далеко от «родных огородов»
Он опять принимает значительный вид,
Выступая от имени «малых народов», –
И уже по привычке с трибуны кричит,

Прославляя «родного, старшего брата»
И равняясь на «русский великий народ»,
И глаза округляет то грозно, то свято,
И клянется, что с партией в ногу идет!

«Наша нация – горсточка», – он объясняет.
Говорит, что умрет, если вымрет народ,
И при этом бумагу слезой орошает,
И с мольбою глядит, и не скажешь, что врет...

Но, однако, народ представляющий ныне, –
Он хвастливо гарцует на лучшем коне,
И везде разъезжает в шикарной машине,
И живет, не печалясь о завтрашнем дне.

Даже в самые страшные годы эпохи
Он спокойно царил, величав, как луна...

У сирот отбирая последние крохи,
Он и досыта жрал, он и пил допьяна!

Он большие таланты травил клеветой,
Он в рабов обращал их, держа на краю.
«Ты поешь не по нотам – за это зарюю...»
«Ты не в ногу шагаешь – за это убью...»

– Кто сегодня первейший поэт на Алтае?
– Неужели неясно? Естественно, я.
– Кто главнейший ученый на Горном Алтае?
– Это я исключительно. Слышите, я!

– Я – алтайского духа прямой выразитель,
Я – культуры алтайской неслыханный ас,
Драматург, и прозаик, и мэтр, и учитель,
Я – повсюду, и мне не спуститься до вас.

Не желаю ни критики знать, ни укора –
Среди вас ни один меня не превзойдет...
Я – великий политик. А знание фольклора
Вообще поднимает меня до высот.

Я веду агитацию в полном объеме,
Я слышу за границею за знатока –
И об этом прекрасно известно в обкоме,
И со мною считаются в местном ЦК!

На груди его – и ордена, и медали,
И они ослепляют рабочий народ.
...Лишь порою минувшего времени дали
Его мучат бессонницей ночь напролет...

«Ты нас ложью чернил – мы тебя не забудем», –
Голоса раздаются, страшны и тихи.
«Мы живем, абсолютно ненужные людям», –
Упрекают и плачут его же стихи.

Он подобную «музыку» выгонит с бранью,
Он на улицу выйдет, вальяжен и прям...

Без него не бывать никакому собранию –
Он пролезет к начальству с грехом пополам.

О, как ярко сверкает начищенный орден,
О, как любо ему на трибуне стоять!
Его голос взмывает – крылат и свободен:
Чтобы мы услышали опять и опять:

Перестройка и партия... Ленин и братство...
И на дружбу народов – особый нажим.
К перестройке пристроился
– о, святотатство! –

И проворно жонглирует словом чужим.

И – вчерашний доносчик, палач, вышибала,
И губитель, и ямокопатель, и тать –
Он сидит на трибуне серьезного зала
И отнюдь не желает ее покидать

Словно это не он, а раскормленный беркут,
Что заметил добычу – мышонка внизу...
И от ярости хищные глазки не меркнут:
Упаду, придавлю и с собой унесу.

Ну, а если сбежит, догоню как умею,
И пути прегражу, и – хвала палачу –
Придушу, и сломаю несчастную шею,
И с безудержным хрустом живьем проглочу!

Он сидит на вершине, исполненный спеси,
Его крепко гранитная держит скала...
Он по-прежнему хочет взлететь в поднебесье,
Но, однако, с годами слабеют крыла.

Не подняться уже, не взлететь над скалою...
Не она ль его держит, забоясь о зле?
Он, навеки отравленный силой былою,
Не прикован ли намертво к мёртвой скале?

ОРДЕНОНОСЕЦ

Друг наш, награжденный орденом,
Вмиг преобразился гадко –
Орден, накануне выданный,
Стал опасным, как свинчатка!

«Железяка не ломается,
Если очень раскалится, –
Так и дурень перехваленный
Даже смерти не боится», –

Это говорят в народе нам...
Вот и друг наш благочинный –
Знай размахивает орденом,
Как свинчаткой иль дубиной!

ДВА КЛАДБИЩА

На высоком Алтае, в глухом отдалении,
Два погоста в одном существуют селеньи.

Два погоста стоят молчаливо и глухо.
Два кладбища, как две разновидности духа.

На одном мусульмане почили по чести,
На другом же – алтайцы и русские вместе!

То, что в жизни своей мы не скажем словами, –
Жизнь сама говорит, не таясь перед нами:

Даже после кончины, в покое треклятом,
Мы – алтайцы и русские – все-таки рядом.

* * *

Удивительны звезды и удивленны!
Почему я звездой не родился?
Удивительна первая зелень весны!
Почему я травой не родился?

О ПРАВЕ НА ВТОРУЮ ЖИЗНЬ

Я право на вечную жизнь заслужил ли,
Чтоб грянула смерть, как бессмертия вежа,
Чтоб долго в народе слова мои жили,
Кружа над родною землею, как эхо?

О, если я кану в забвении грозном
И эти слова устареют негромко,
Пускай остается мой сад плодоносным,
Пускай мой очаг согревает потомка.

Счастливей, чем я, сыновья мои станут –
Пускай хоть один... У меня же их трое.
Пускай они добрых людей не обманут,
На совесть верша свое дело земное.

Порою до слов моих нету им дела –
И связь между нами порваться готова...
Быть может, они, вынося мое тело,
По-новому вникнут в отцовское слово?

Пускай же им светит звезда молодая –
Такая, которую я не заметил...
Гляжу на сынов я, украдкой мечтая,
Чтоб путь их далекий был славен и светел,

И чтоб никогда не просили поблажек,
И чтоб никогда не стояли на месте.
Пусть будет подъем и опасен, и тяжек –
Поможет сознание долга и чести!

...Коль жизни второй мне не выпадет слава,
Коль землю, следа не оставив, покину, –
Счастливое это бессмертия право
Пускай одному, но достанется – сыну!

КАКОГО ЦВЕТА ВЕТРА?

В горах зимою
Свистят-гуляют Белые ветра...
В полях весенних
Зеленый ветер властвует с утра.

С небес высоких
Сошел на землю ветер Голубой.
Подарок солнца –
Горячий ветер Золотой!

По летней ниве
Гуляют Белый ветер с Голубым...
Настала осень –
И Желтый ветер глух, как дым.

Как будто тайной,
Солено-горьким ветром осиян
Неповторимый
Великий Тихий океан.

А Черный ветер,
Которым наши дни опалены,
Дыханьем крови
Доносится с полей войны.

Врываясь в вены
И впитывая красный цвет,
Все эти ветры,
Меня опять ввергают в бред.

Лихие думы
В душе теснятся, гомоня...
О, это ветры
Гнетут бессонницей меня!

* * *

– Журавли! Вы мои оставляете кручи...
Ну, а все-таки, где ваша главная родина?
И куда вы торопитесь, чуть непогодина,
Сквозь горящую осень, сквозь тяжкие тучи? –

...В поднебесной дороге не знавшим уюта,
Им, наверное, рада далекая Африка!
А в пустынном предгорье задумались накрепко
И пастух, и сама островерхая юрта...

Как вернется весна на просторы Алтая –
Птичий гомон повсюду, и солнце, и зелено, –
Так вздохнут пастухи облегченно да медленно,
От тепла молодого душой расцветая.

Журавлей наши горы приветствуют звонко –
Эк сюда потянулись веселыми нитями!
«Добрый день». Только все-таки вы объясните мне:
Где находится ваша родная сторона?

* * *

Как быстрые аргамаки, несутся поэты Алтая,
На ипподромной глади друг друга опережая...
А я – жеребенок заблудший –
плетусь себе неторопко,
Медленно выбирая, где – подходящая тропка.

КРАСНЫЕ ЛИСТВЕННИЦЫ

Хоть от края и до края
Ни один прошел я лес,
Краше лиственниц Алтая
Не встречал нигде древес.

И березами воочью
Любовался много раз.
Слушал стаю их сорочью
Оторвать не в силах глаз.

И под солнцем не опальны,
Возле моря в знойный день,
Помню, войлочные пальмы
Мне свою дарили тень.

И на угощенье щедрый,
На семи паря ветрах,
Надо мной гудели кедры
Выше лиственниц в горах.

Между кедров белки рыжи,
Связь являли в вышине.
Только лиственницы ближе
С отрочества были мне.

Приходилось не однажды
Им для моего тепла,
Класть на жертвенник очажный
Розоватые тела.

В пору вьюжных песнопений
Я благословлял жилье,
Пламень Розовых полений
Озарял лицо мое.

Кто-то пальмы с небом юга
Снова видит в сладком сне,
И опять, в том их заслуга,
Снятся лиственницы мне.

ЧУЖАЯ КРОВЬ

Чужая кровь, с моею слившись кровью,
По жилам мчит, ведя со смертью бой.
Туманно подплывают к изголовью
И облака и даже звук любой.

Тень смерти, словно черная повязка,
Спадает с глаз все зримей отсвет дня

И каждое из слов звучит как ласка,
За каплей капля – входит жизнь в меня.

Чужая кровь. А чья она? Об этом
Не ведаю. Да разве важно чья?
С собою остаюсь по всем приметам,
И возвратиться к жизни счастлив я.

Чужая кровь с моею воедино
По жилам мчит, верша круговорот.
И утро, словно вешняя долина,
Сияет и кукушки долог счет.

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Торопиться опыт наказал
Вам, собрав цветы, поставить в вазу.
Но стихи по одному, не сразу,
Я для этой книги собирал.

Годы ноши полувековой
Мне на плечи давят, но как прежде,
Я еще в отчаянной надежде
Мучаюсь и плачу над строкой.

В тайну слов проникнуть я стремлюсь
На кругу признанья и наветов.
И еще, как юноша, учусь
Мастерству у памятных поэтов.

Мне лишь надо, чтобы жизни дух
Из строки в строку, навстречу веснам,
Мчался, как по жилам кровеносным,
И огонь любовный не потух.

Превратились вешние цветы
В рой осенних звезд над головою,
Пусть моих годов перед молвою
В этой книге предстают черты.

Может, честь окажет кто-нибудь,
Вместе с нею у огня пристроясь,
Чтоб стучались истина и совесть
На моей груди в чужую грудь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОВ

...А когда затуманятся сумерки над облаками,
И на землю прохлады прольется с небесного крова, –
С выменами тугими, с торчащими остро сосками,
Разномастные, тихо домой возвращались коровы.

Наша – белой была! Помню всё: издалёка, бывало,
Я среди пестрых и рыжих ее отлечу и отмечу.
К нашей юрте потом подходила она, подплывала,
Мама с белым подоюником к ней поспешала навстречу.

С ней, конечно, и я подбегал обязательно рядом.
Приближалась корова, мычала и шумно вздыхала.
А потом я стоял и следил зачарованным взглядом,
Как в подоюнике облако белое пенно взбухало.

А потом, как положено, к ней подпускали телятка.
Покрывалась тотчас его мордочка «инеем» белым.
А потом в нашей юрте смотрели мы – я и сестренка, –
Как вскипало, шумя, молоко в казане закоптелом.

...Вновь у юрты стою. И как будто бы всё неизменно.
Так же сумерки снова подсвечены бледным закатом.
И коровы цепочкой шагают неспешно, степенно,
И мычат, возвращаясь к хозяйкам своим и телятам.

Только мама не выйдет уж, как бы ни звал я, ни плакал,
Далеко моя бедная матушка – не докричатся,
И подоюник знакомый навеки отзвывал, отбывал,
На серебряной дужке не будет он больше качаться.

И не бросятся нынче коровам навстречу ребята –
Им давно уж не в радость старинные радости эти,

В чем-то все же они не такие, какими когда-то
Были сверстники наши, войны деревенские дети.

Вновь коровы мычат... Возле юрты стою и тоскую:
Может быть, их мычание что-нибудь все-таки значит?
Обещает ли счастье? Беду ли пророчит какую?
Я не в силах понять, но болит мое сердце и плачет.

ДЕТИ ВОЙНЫ

На войне мы не были. И все же
Мы – твои участники, война...
Черный голод – аж мороз по коже –
Отравил нам кровушку сполна.

Поколение – больше половины –
Не родившись, в никуда ушло.
Их отцы, мальчишески невинны,
Жутким пеплом пали тяжело!

Мы прошли сквозь стену, точно пули,
Боли и Стенанья сыновья...
Мы свое сиротство оттолкнули
Посреди сожженного жнивья.

Детство было как сплошная рана.
Мы, однако, движемся вперед!
...Только вот уходим слишком рано,
Оставляя маленьких сирот...

Быть живыми – дивная удача,
Жизнь – неповторимая стезя...
Дети Смерти, Голода и Плача,
Нам до срока уходить нельзя!

УЧЕБА

В детстве,
Не знавший сахара,
Его я путал с горькой солью,
Боялся в рот положить.

Сиротливое детство мое,
Полное горького горя...
Холодно-жгучий снег,
По которому бегал я
Мужественно –
Красными, босыми ногами...
А военной весною,
Чтобы с голода не умереть,
Я выкапывал корни
Диких трав,
Мясо желтого суслика ел,
И мясо слепого крота...

Если быть кратким –
Науке жить-выживать,
Что, где и как добывать,
Учила меня жизнь сама.

Затем я сам,
Хоть и с большим опозданием,
Чтобы смысл жизни познать
(Его до сих пор не постиг я),
Начал жадно учиться,
В слово складывать буквы
И книги читать.

И сейчас,
Чтобы людям сказать
Свое слово
О таинстве жизни –
Книги учусь я писать...

Вокруг меня не вейся, не кружи
И вечерами не гляди мне вслед!
Посмотрим – нас с тобой рассудит время –
Кому из нас последнему смеяться!

И надо же – прошли десятилетия –
Вдруг встретился я с юностью безумной!
С той девушкой я снова повстречался,
Как много лет назад, мы говорим:

– О боже, как с тех пор вы постарели! –
Мне удивилась женщина седая, –
Я вас сперва как будто не признала...
Все думала – вы это иль не вы?

– Какие сны сегодня вам приснились? –
Я вспомнил шутку старую свою.
– Ты как и прежде, балуешься, шутишь! –
В глаза мне глядя, женщина сказала.

– Я тот же молодой бобер беспечный,
Никак всё не состарюсь, дорогая!
– Не видишь ли сегодня ты, как прежде,
Снов странных и нескромных обо мне?

– Снов? Сны те до сих пор мне снятся! –
Не уступаю я, как прежде, ей.
– Ты знаешь, десять у меня детей! –
Глаза её морщинами лучатся.

Она смолкает, будто вспомнив что-то,
Из давних беспечальных наших дней...
– А иногда и ты во сне мне снишься,
Забавный, молодой бобер беспечный...

Есть дети у тебя иль ты, как раньше, шутишь?
Тебе сейчас без шутки повторю я.
– Ты знаешь, десять у меня детей! –
Я отвечаю ей, седой, но все еще прекрасной.

– Нет у меня детей, с тобой я пошутила, –
Она, задумчиво потупившись, сказала, –
Как день один промчалась юность наша,
Жила всю жизнь одна, состарилась одна...

– До встречи, звездочка далекая моя!
– И ты, мой молодой бобер беспечный!

1986 г.

КАЯРЛЫКСКИЕ ЁЛОЧКИ

Из земли
Родного Каярлыка
Раннею весной,
Едва пригрело,
Вырыла две ёлочки
Жена –
Слабые,
Не колкие совсем...
Как детей,
Она их спеленала.
И, укрывши мхом
Земли родимой,
В город привезла,
Чтоб посадить
В дальнем уголке,
В саду весеннем...

В нашем тихом,
Небольшом саду,
Выкопав
Два гнездышка
В земле,
Ёлочки жена
Пересадила.
Вечерами,
После знойных дней,

Лишь тускнело
Голубое пламя неба –
Из колодца
Зачерпнув воды,
Ведрами она её носила
И поила
Дорогих гостей –
Ёлочки
Родного Каярлыка.

А теперь
Большими ели
Стали –
Я не дотянусь,
До их вершин!
На другой земле
Они окрепли,
Поднялись...
И с годами,
Вырастая выше,
Машут сверху
Веточки-ладони
Ёлочек
Родного Каярлыка...

Осенью
Подует желтый
Ветер,
И печально
Тихий сад вздыхает,
И о чем-то
Еле слышно шепчет...
И, кружась,
Летят на землю
Листья –
Письма одиноких
Дней унылых,
Где без слов
Объявлена
Мне старость...

Ели
Из родного Каярлыка
На земле,
Где буду похоронен
Так высоко,
Весело растут!
И от этих
Двух зеленых елей
Веет
Мне в лицо
Знакомым ветром –
Ветром с гор
Родного Каярлыка,
Словно жизнь мою
Продлить
Желая...
И забытой молодостью
Веет
В сад осенний,
Где стою я.
Грустный,
Постаревший...

1986 г.

* * *

Живого безбрежного звездного моря
Я разумом слабым постичь не могу..
Но те же звезды всходят и падают,
Рождаются, гаснут в моём мозгу!

К ПОРТРЕТУ МОЕГО СРЕДНЕГО СЫНА

Пригретый солнцем луг –
И загорелый,
Охвачен радостным,
Живым, как пламя, детством,
Счастливым, запрокинутым лицом

Смеясь лазури звонкой неба,
Мой средний сын
Там, на холме, стоит.

Он так доволен, что
Зажмурил бритвы глаз,
И солнечные зайчики резвятся
И пляшут на груди его, а он...
Он наслаждается свободой
И простором:
В плаще из неба
И серебряного ветра, –
Какой он юный, легкий
И прекрасный –
Мой средний сын
Передо мной стоит!

Вот вдруг он разбежался, закружился,
То в хороводе полевых растений,
В зеленом шелесте танцующих деревьев,
И в пенье ветра, птичьих перелетах.
Вот по траве высокой он бежит
На горный склон и пятками сверкает,
Совсем как жеребенок-стригунок,
Природы дикой вольное дитя,
Вот он – мой средний сын!

Несется, руки-крылья раскрывая,
Под синим небом, яростным и вечным,
Вдаль по моей земле многострадальной
Летит он, задыхаясь, на бегу.
Восторгом, детским счастьем и пространством,
Над яркою зеленою травой,
Навстречу мне он мчится, мой средний сын!

Мечте его нет никаких преград,
Весь мир его стремлениям доступен,
Всего добьется он свободно и легко,
Как он в себе уверен и доверчив,

Он весь раскрыт для будущей любви,
Нет для него ни горя, ни коварства!

Травинке каждой верит
Средний сын,
Горам и Солнцу,
Самому себе,
Могучему и гордому орлу,
Парящему в высоких небесах,
Он встречному любому доверяет,
Он молод – молодость
Сомнения не знает,
Неся его, как вольное крыло!

И только я печально улыбаюсь,
Смотря на сына среднего портрет...
Как хорошо быть
Беззаботным, молодым,
Жизнь только начата, она вся впереди!
Жить так легко,
И все вокруг прекрасно,
Сейчас, под солнцем ярким,
В буйном хороводе трав!

* * *

Крылом пронесся
Теплый летний ливень,
Мир обновился,
Обновился я.
Пар над землей –
И радуется солнцу
Рубашка мокрая моя.

ПЛАВАТЬ Я НЕ УМЕЮ...

Плывать я не умею –
Но жизнь
Бросает меня
По волнам Океана.
Барахтаясь,
Захлебнувшись
Морскою водой,
Задыхаясь и кашляя,
Карабкаюсь
На гребень волны,
Хватаю ртом
Спасительный воздух.
Отбиваясь от волн,
Я стремлюсь к далекому,
Твердому берегу.

Выжить
Отчаянно надеясь,
Вырваться
Из кипящей стремнины
Я хочу!
Но когда обессиленный
Приблизусь к берегу,
Враги мои,
В круг собравшись,
Хватают меня за руки, за ноги,
С весельем и смехом
Обратно швыряют –
В черные водовороты
Озлобленных волн.

Я не хочу
Стать кормом для рыбы...
Снова начинаю
Неистово бороться
С крутыми, грозными бурунами,
Захлебываясь соленою водой...

Чтобы научиться плавать,
С тех пор, как себя помню,
И до сегодняшнего дня,
Бросаюсь
В волны Океана жизни.
Несусь наугад,
Не зная пути,
Но берег желанный
Мечты моей
Все еще мне не виден –
Он от меня
Бесконечно далек.

1983 г.

Комментарии

1. **Калак** – возглас у алтайцев. Междометие-восклицание при сильном эмоциональном возбуждении, при предостережении.
2. **Можжевельник-арчин** – благовонные воскурения, его используют в языческих обрядах алтайцев и других народов Сибири.
3. **Талкан** – традиционная пища алтайцев из муки жареного и очищенного ячменя.

НЕ ЦЕЛЯСЬ, Я В СВОЮ СМЕРТЬ СТРЕЛЯЮ...

Стихотворения 1988-2003 гг.

* * *

Эту книгу я написал,
Чтобы нищий опору имел,
Эту книгу я написал,
Чтобы глупый чуть поумнел.
На мысли нить
Я слова нанизал –
Эту книгу я написал.

Юный друг,
Эту книгу раскрой.
И увидишь –
Я не чужой!

Искрами слов,
Летающих сквозь жизнь,
Книгу раскрыв –
Не обожгись!

Если стихи для тебя –
Пустой, назойливый
Звон,
Книгу не раскрывая –
Выброси вон!

Я ПИШУ ПО-АЛТАЙСКИ

Мои стихотворения на русский язык
Еврейские и русские поэты переводят,
Но дружба народов не крепнет при этом,
А в ссоры друзей переходит...

Если еврей переводит меня,
Русский редактор стихи не берет.
Сердце мое болит оттого,
Что один с другим языка не найдет.

Когда переводит русский поэт,
Снова сердце мое в тревоге –
Отнесу я в журнал творения свои,
Еврей не пропустит, не даст дороги.

Между этих огней я зажат,
И сжигаю себя не во сне – наяву,
А стихи мои снова в дорогу спешат,
Спотыкаясь и падая, пока я живу.

По-алтайски я мыслю, по-алтайски пишу,
Как поэт всею жизнью с Алтаем связан.
Эту правду скажу – перевода проблем не решу,
И заранее знаю, что буду за это наказан...

1993 г.

МОКРЫЕ ВЕТВИ КЕДРА

Засыпаю на мху, под раскидистым кедром,
Дождь утих, надо мною высокое небо молчит.
Ветви кедра намокли, луне поклонились –
А луна тихий свет, словно воду святую, струит...

САМ С СОБОЙ Я БОРЮСЬ

Каждый день,
Каждый час
Сам с собой я борюсь,
Сам с собой
Сомнением делюсь:
Жить или не жить?
Учиться или не учиться?

Пить или не пить?
Трудиться или не трудиться?
Идти – или не идти?
Открыть – или не открывать?
Вернуть – или не вернуть?
Сказать – или не сказать?

Так
Или не так?
И вчера,
И сейчас...
Каждый день,
Каждый час.

У НАС ОДНА СУДЬБА

Мы сами себя не знаем,
И никогда не поймем,
Зачем на Земле
И в небе
По воле Творца живем?

Вершины за облаками –
Небо же низко-низко.
Судьба Человека,
Небес, Земли
Связаны очень близко –

Если нам суждено гореть,
Все погибнем Огнем.
Если замерзнуть нам суждено,
В Лед обратившись, умрем...

ДВА ГОДА Я ЭТУ ПОЭМУ ПИСАЛ...

Два года я эту поэму писал,
Мучительно, трудно, сложно,
От всех узлов, что я развязал,
И в снах уйти невозможно.

В отчаянии от поиска нужных слов
Много раз я эту поэму бросал.
И в разладе с собою, с отвращением, стыдом,
Что написано – в мелкие клочья рвал!

Сделать героев поэмы живыми –
Такой изнурительный, долгий труд!
Характер и облик героев найти –
Воля неба, стечение счастливых минут!

Два года я эту поэму писал –
Мне Пушкин и Блок помогли.
Молился Земле я, и к Небу взывал –
Мне тайный путь открылся вдали...

Днем и ночью трудясь, я истощился,
Но поэмы этой дошел до конца.
Как вода из камня, сочась и мучась,
Вышли в газете четыре столбца.

Два года я эту поэму писал –
Двести рублей гонорар мне заплатят.
Два года я мучился, думал, страдал,
А денег даже на пиво не хватит.

1993 г.

* * *

Вдова с десятью детьми.
Когда сын её маленький умер,
Горе свое промолчала.
Вдова с десятью детьми
Когда корова-кормилица пала,
Забилась в слезах, зарыдала...

1993 г.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Смутное время нас лихорадит,
Водоворотом кружит,
Никто из него не выплывет,
Не убежит.

Стала привычна смерть,
Стала привычна кровь,
Время беды в темноту уносит
Хрупкий мир
И любовь.

Время безверья и страха –
Если ты прав, то избит...
Человека от человека
Кто защитит?

Люди друг друга не видят –
Рыбий, холодный взгляд.
Народ, утративший стыд и память,
Жаждой наживы
Объят.

Где мировой порядок –
В этом сплетении мук?
Божья ль рука управляет
Всем, что твориться
Вокруг?

Век людоедов вернется
В наш компьютерный век...
И сохранишь ли ты душу,
Душу свою,
Человек?

Смутное время нас лихорадит,
Водоворотом кружит,
Кто же из нас спасется,
Вырвется, убежит?

Хан-Алтай, помоги нам,
Охрани Ак-Буркан',
Мир – от путей кровавых,
Небо – от черных ран!

1993 г.

* * *

Когда-нибудь я исправлю ошибки.
Не ошибаться, значит не жить.
Если чего-то достигну, не стану,
Крича о победе, с ума сходить.

2003 г.

НАД НАМИ КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Над нами высокое Красное Солнце
По небу равнодушно идет.
Напрасную кровь проливают люди –
Назавтра она травой порастет.

Если вдуматься – это Солнце,
Солнце мертвых, а не живых!
Красного Солнца скорбная песня,
Злобный хохот в лучах золотых...

Тяжела земная ноша людей,
Бесконечна, как вечное небо.
Красное Солнце по небу идет,
Не суля никому ни жизни, ни хлеба.

Есть ли силы бороться с этим,
Когда народ на народ восстает?
Снова снегом заносит несжатые нивы,
Род людской проклиная, Солнце плюет...

1993 г.

[illegible]

ДВЕ ТЮРЬМЫ

Мой город родной в долине
Между двух тюрем дымится.
Здесь я словно во сне живу,
Но в горы сердце моё стремится.

Едва завершу я стихотворенье –
Злой дух его разрушает.
Если вспомню о тюрьмах двух
Тоска мою душу сжимает.

У самого въезда в мой горный город
Темнеет тюрьма – к бараку барак.
По вечерам с красивой вершины
Слышится лай служебных собак.

Почему с растущим лесом домов
Скудоумье людское вровень встает?
Зачем же в город селиться спешит
Вор, насильник и всякий сброд?

Ведь в городе много людей хороших,
Художников, поэтов, ученых,
Врачей, учителей, артистов,
Взрослых, детей и влюбленных...

Убегая из тесного города
Подальше от шума, базара и лжи,
В кедровый лес, к Телецкому озеру,
Дорога кружит свои виражи.

Но на выезде – в селенье Кызыл-Озек
На высокой горе – вторая тюрьма.
Бледные лица, глаза-иголки,
Стальные решетки, за ними – тьма.

Едва завершу я свое творенье –
Злой дух его разрушает.
Если вспомню о тюрьмах двух,
Боль мою душу сжимает.

Взгляните, мой город в долине,
Между двух тюрем дымится.
Здесь я словно во сне живу,
Но в горы сердце мое стремится.

1993 г.

* * *

Уйдя к закату, Солнце вновь вернется,
Покинув Землю, я не возвращусь...
Чем смерти терпеливо дожидаться –
Со всем, что здесь останется, прощусь!

2001 г.

ПОЭТЫ И ПТИЦЫ

Отец народа Мао-Цзе-Дун
Великому Сталину подражал.
Сталин молчанием поэтов душил,
Признаньем губил, в тюрьму сажал.

Мао-Цзе-Дун врагами своими
Вольных птиц объявил.
В Китае лишь птицы были свободны,
А этого Вождь не любил.

Если поэтов и птиц не станет,
Сможет ли это мир пережить?
Если вдруг Солнце светить перестанет,
Вожди – Светила нас будут давить.

Солнце, что слева – Мао зовется,
Справа – Сталин на небосводе...
Но все же, Правда на свете есть –
Поэты и птицы поют о свободе!

1991 г.

* * *

Пусть коммунизм скорее придет,
Алтай его на руки нежно возьмет.
Через горы, моря переправит,
Зло в человеке навеки исправит.

ЖИВАЯ ВОДА

Не все, кто желает живой воды,
Встретят её на своем пути.
Священные Горы скроют дороги,
Близко к воде не дадут подойти.

Если чудесный источник найду,
С молитвой склонившись, лицо омою.
Если Зло уйдет из моей крови,
Стану птицей, крылья любви раскрою.

* * *

Слово «Алтай» вслух говорю –
Луна в тишине молчит.
Благословение у Неба прошу,
Бесстрастно Луна глядит.

Тьма без дна, без дна тишина...
В Небе пустынном плывет Луна...

Она веет холодом, льдом блесит.
Все вымерло, вымерзло, дремлет без сна...

2002 г.

* * *

Вечером над Катунью бреду,
Меркнет заката пламень.
У самой воды встречает меня
Древний воитель-камень.

Из глубины минувших веков
Горькой алтайской земли,
Из поражений, побед и крови
Камни предков взошли.

Павший в подножье славы своей
Древний муж-исполин...
Чем сумею сравниться с ним
Я, достигший седин?

Грозно шумит седая Катунь,
Стоим, провожая день,
Воин, собравший жатву побед,
Я – и моя неотступная Тень...

* * *

В верховьях Катуни
Стоит у воды Каменный Человек.
Но лишь во сне он стремится вдаль –
Священный Алтай не отпустит вовек.

РАЗОРЕННЫЙ АЛТАЙ

В горах, где прячется кабарга,
Жадные люди рыщут...
Дьявол в глазах алтайских парней
Новые жертвы ищет...

За драгоценную желчь медвежью
Убивают люди друг друга.
Начальники на охоту летят,
Тревожно стихает округа.

С вертолета в лесу и в горах
Громко строчит автомат...
Срезать рога священных маралов
Эти проглоты спешат.

Алтай для них – драгоценная шкура,
Где каждому – свой кусок.
Незванный гость из Америки едет –
Сюда пострелять на часок.

Алтай разорен, народ вымирает.
Хозяина нет, а власть – далеко.
Зачем я алтайцем, мужчиной родился?
Алтай в запустенье, а Бог – высоко.

1993 г.

* * *

Луна и Солнце проходят
По небосводу над нами,
А я на земле стою –
Земля под моими ногами.

Весь окружающий мир
Кружится вместе с нами,
Луна и Солнце, за ними – я,
И Земля под моими ногами.

БЕЗ ПРИКРАС

Что нам в наследство от предков осталось?
Чем мы так несметно богаты?
Священный Алтай разграблен, разрушен,
Чисты ли воздух и снег, как когда-то?

Мы – забывшие древние песни,
В безверье канувшая сторона,
Мы – гнилые болота, иссохшие реки,
Исчезнувших птиц и зверей страна...

По всей Земле и Алтаю растут березы,
Но «Русскими березами» их называют.
«Русским кедром» нынче зовут
Кедр, что алтайцы священным считают.

Сколько можно все это слышать,
Случалось ли в древности здесь такое?
Как смогут тревогу мою понять
Русский народ или племя иное?

Белый снег над Алтаем кружится,
«Русским снегом» его называют.
С морозом зима на Алтай возвратится –
«Русской зимою» её величают.

Если Солнце-Буркан над горами взойдет,
«Восход Коммунизма» его назовут.
Даже в небе ночном не засветятся звезды,
Если их в Кремле не зажгут.

Ничего у нас нет – ни свободы, ни права,
На земле родной мы – рабы,
Оглядишься вокруг, но нигде не увидишь
Без кровавого пота счастливой судьбы!

Говорю то, что вижу – без всяких прикрас.
Долго ль мне эту правду в груди держать?
О прошлом и будущем думать мне больно,
Но где мне другой Алтай отыскать?

1988 г.

* * *

Поэты Алтая как аргымаки скачут,
Летят, соревнуясь, дорогой широкой.
Я же, отстав, как жеребенок блуждаю,
Сзади плетусь тропкою своей одинокой...

* * *

Распутал я стреноженных коней –
Они умчались в горы далеко.
Стою в долине пеший, одинокий...
Коней поймать мне будет нелегко...

Летят они, перегоняя ветер,
Забыв того, кто им свободу дал:
«Дал волю, так терпи беду и горе!»
И мчат – за перевалом перевал!

* * *

Всю эту ночь лил теплый дождь –
Но капли крыши не касались...
Они в разбуженное сердце,
Шумя и щелкая стучались.

* * *

Снег на горных склонах темнеет,
Вниз ручьи устремляются –
Горы, леса шелестят, зеленеют,
Снова жизнь обновляется.

Снова болезнь меня иссушает –
Это закат мой, это исход.
«Иди!» – темный голос меня окликает.
– Это Судьба за собою зовет.

* * *

Небеса меня наказали –
На меня затмение наслали.
И на Солнце затмение нашло –
Где талкан, очага тепло?

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Печень,
Чуть подсаливая, ел.
Знала б ты,
Как печень
Моя болит,
Милая девушка.
Если
Болезнь одолею,
Снова и снова
Буду с тобой
Веселиться,
Милая моя девушка.

Сердце,
Чуть подсаливая, ел.
Знала б ты,
Как сердце
Мое болит –
Милая девушка.

Если
Смерть одолею,
Ещё и ещё
Буду с тобой
Веселиться –
Милая моя девушка.

* * *

На Алтай возвратилась весна –
Радостный сон мне был.
Ранним утром я вышел во двор –
Снег седой всю землю накрыл.

* * *

Я все время чего-то жду,
А чего – и сам не знаю.
Как мне дальше на свете жить?
Я мучительно размышляю.

Даже, если забуду о ней –
Смерть за мной все равно придет.
А я все чего-то другого жду.
Я жду, а время не ждет...

* * *

Недавно поэты верили в небылицы –
Победит коммунизм и вечно продлится,
Поэтам свойственно к фантазиям стремиться,
Строить мечты на крыльях у птицы...

Этой сказке певучей и я доверялся,
Стыжусь и краснею – как я обозначился?
Велик мой Алтай и много богатств скрывает,
Но от Голода и Обмана до сих пор страдает.

1993 г.

* * *

О тяжелой болезни моей
Ничего, как будто, не зная,
Шепните знакомым моим
Горькую весть, не скрывая.

Пока не покинул я этот мир,
Пока не ушел в невозвратную даль.
Пусть родные, друзья придут ко мне
Прощаться, мою разделить печаль.

Пусть последняя правда заветных слов,
И последний прощальный взгляд
В дни, когда не будет меня,
Память их на миг осветят...

* * *

Вселенную мне не дано познать,
Но черное с белым дано различать.
Иду, очерненный людскою молвой,
С гордо поднятой головой...

* * *

Знаешь ли,
Хоть и сам я пью,
Пьющих женщин
Я не терплю.
Знаешь ли,
Без стыда, без прикрас
Я об этом
Скажу сейчас.

Потерявшая облик,
Пьющая женщина,
Если слышишь,
Ко мне обернись!

Что может быть хуже –
Чем пьющая женщина.
Если ты слышишь,
Опомнись, очнись!

* * *

Человек рожден
Свой огонь зажечь.
Остывшее сердце
Зачем беречь?
Сердце, сердце,
Горячий скакун,
Ты время мое и мысль!
Сердцем скупиться,
Сердце беречь,
В этом ли жизни смысл?
Дано человеку
Сердце зажечь
Лампою
В тысячу свеч!

* * *

Свой Путь я ищу, которым по жизни пройду,
«Входи!» – мне прикажут. Чужим путем не пойду.
Есть дар у меня и жизнь, чтоб его проявить.
«Уйди!» – мне прикажут. Не время мне уходить!

* * *

В речи Великого Неба
Нет человеческих слов –
Народ в нищете живущий
Это понять не готов.

Светлым взором высот
Небо нас утешает,
Тихим сияньем надежд
Страдания усмиряет...

Темные помыслы наши
Вылечит Ак-Буркан.
Кто изменит нашу Судьбу,
В которой с рожденья изъян?

Пусть страдания уменьшатся,
А небеса прояснятся!
Обликом Ак-Буркана
Помыслы осветятся...

1998 г.

СЛЕПЫЕ ЩЕНЯТА

Слепых, новорожденных щенят
Жалел я, кормил, и ничем не обидел.
О том, что подросши, облают меня,
Лаская их, я – не предвидел...

УМНЫЙ ВРАГ МОЙ

Умный враг мой,
С тобою у нас была
В Ак-Буркана единая вера.
Умный враг мой,
С тобой мы росли
У подножия Юч-Сюмера².

Умный враг мой,
В юные годы вокруг меня,
Словно щенок, ты вился...
Умный враг мой,
У тех же учителей, что и я,
Ты наукам учился...

Умный враг мой,
Дом мой когда-то
Домом своим ты считал.
Умный враг мой,
Моим словам кивал ты,
Верил и жадно внимал.

Умный враг мой,
Из чаши моей
Ты за столом моим угощался...
Умный враг мой,
Лишь отвернулся я –
В спину нож мне воткнуть ты пытался,

Умный враг мой,
Ты ставил подножки мне,
На пути моем черные ямы рыл...
Умный враг мой,
Может не знал ты, что делал,
Черный туман твой разум затмил?

Умный враг мой,
Послушай меня, и, вокруг озираясь,

Осторожней дорогой своею иди.
Умный враг мой,
Будь внимателен на перевалах,
И, оступившись, не упади...

1993 г.

ЕЩЕ РАЗ О ЩЕНКАХ

Слепых, новорожденных щенят
В озере я не топил.
«Зла не хочешь, не делай добра» –
Древний завет я забыл.
Слепых щенят я чують
И видеть врага учил.
Не знал, что ращу я себе врагов...
Боже, каким наивным я был!

* * *

Два щенка меж собой дерутся,
Кто из них в бою победит?
Глазами сверкают, зубами щелкают...
А мне все равно, кто будет побит.

* * *

Едва появлялись всходы весной,
Я землю рыхлил, я их поливал.
Не думал я, что ядовиты цветы,
Я лишь о прекрасном мечтал...

* * *

М.Сазанкину

Хорошего человека отыскать непросто –
Он не цветок, чтобы в поле расти.
Осень жизни моей приходит,
Хорошего человека как мне найти?

В душе осенняя мелодия слышится –
То стихнет, то к небу взмлет тревожно.
Землю пройди из края в край –
Хорошего человека найти так сложно.

Птицы перелетные в путь собираются,
Над Алтаем покружат и вдаль улетят.
Никак не найду человека хорошего –
И чем же я плох, и в чем виноват?

1998 г.

* * *

Обликом мы несхожи –
Схожи наши сердца.
К будущему мы глухи,
К будущему без лица...

Схожи сердца, а облик разный,
Под небом единым живем.
Быть может – этой весною
Надежду мы обретем?

1998 г.

РИКОШЕТ

Недруги злые, смеясь беззвучно,
Отравленные пули в меня посылают.
Пули, что целят в меня, рикошетом
В души моих сыновей попадают.

Без вины мои сыновья виноваты –
Пусть мука молчания боль мою скроет.
Я смертельно устал, добиваясь правды –
Стремление к ней меня в землю зароет.

Из жалости к вам, сыновья мои,
Утратив совесть, смогу ли я жить?

Власти в угоду не предам свои мысли,
И свободу теряя, не буду с ума сходить!

От летящих в меня отравленных пуль
Сыновья мои, спрячьтесь – если хотите...
На минуту смертельному страху поддавшись,
Сыновья, вы отца своего предадите!

1993 г.

* * *

Каждый камень в своем огороде
Знаю я наизусть...
Кто его бросил, откуда он взялся,
Скажу и не ошибусь!
А сегодня я новый камень нашел –
Это враг мой забросил, полуночью скрыт.
Я не выброшу камень – напрасный труд,
Отвернешься – опять в огороде лежит.

1993 г.

* * *

Я не хочу, чтобы каждый встречный
Выражал мне свое сожаление.
Но тем не менее, но тем не менее...

Не думаю я, что слово мое
Хлеба куска драгоценнее...
Но тем не менее, но тем не менее...

Не могу я желать, чтоб смотрели на мир
Люди, все с моей точки зрения...
Но тем не менее, но тем не менее...

Я не требую, чтобы думали все как я,
Чтобы все мое разделяли мнение...
Но тем не менее, но тем не менее –
И тем более...

* * *

За то, что я на свете живу, не кляните,
За свободу и леность мою – простите.
За талант и характер мой не кляните,
За смелость и слабость мою – простите.

За жизнь свою я сам отвечаю,
Я счастлив, что совесть моя жива.
Круты дороги, изранено сердце,
Но своя звезда у меня, и свои слова.

Не кляните меня, что я пью иногда,
Это все – от моей нелегкой работы.
Столько злыдней, воров, дураков вокруг,
Что захочется пить до полусмерти, до рвоты...

Не кляните за смелость, за недостатки мои,
За талант, за характер нелегкий мой.
За стихи, за свободу, за леность мою,
И за то, что я есть, и за то, что живой!

1993 г.

* * *

Дальние звезды,
Луна и Солнце,
Земля и Небо,
Реки, Моря, Океаны,
Лето и Осень,
Зима и Весна...
В сердцевине
Всего –
Небольшое,
Размером с кулак,
Мое Сердце!

Серце мое,
Размером с кулак,
Вмещает в себя
Вселенную всю –

Дальние звезды,
Луну и Солнце,
Землю и Небо,
Реки, Моря, Океаны,
Весну и Лето,
Осень и Зиму...
Представьте себе –
Такое вот
Сердце!

Забывтое всеми,
Совсем небольшое,
Размером с кулак,
Мое Сердце
Движет,
Как кровь по жилам
Дальние звезды,
Луну и Солнце,
Землю и Небо,
Реки, Моря, Океаны,
Весну и Лето,
Осень и Зиму...
Все это движет,
Только представьте –
Сердце!

Но если бы не любовь,
Смогло б ли мое
Алтайское Сердце
Двигать Вселенную
Эту?
Дальние звезды,
Луну и Солнце,
Землю и Небо,
Реки, Моря, Океаны,
Весну и Лето,
Осень и Зиму?

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Я люблю...
Я люблю!
Почему?
Что ж такое любовь?
Я не знаю,
Не знаю,
Никак не пойму...

Только
Выйду на улицу,
Все смотрю
Я тайком
На окошки твои,
На высокий твой дом.
Почему?
Что со мною,
Что со мною?
Никак не пойму.

Только
Ты засмеешься,
Мимоходом
Взглянув на меня, –
Сердце
Вдруг загорится,
Всполохом огня.
Что такое?
Не пойму,
Что со мною?

Только
В лунные ночи,
Грозовую эту весну,
Жду чего-то,
Мучительно
По ночам не усну...
Почему?
Что со мною,
Что со мною,
Никак не пойму.

* * *

Всю землю укрыла осень.
Неверные птицы от нас улетели.

Меж тонких, голых, дрожащих берез
Черная тень одинокой ели...

Мир в огне холодно-желтом
В горьком пламени я горю...

Всю землю укрыла осень.
Укроет ли только всю жизнь мою?

* * *

Где твои волосы,
Как полночь, черные,
Губы, манящие
За собой далеко?
Где стан твой тонкий,
Стройные ноги,
Грудь,
Вздыхающиеся
Высоко?

О днях молодых
Я уже не печалюсь –
Так быстро
Беспечная юность
Промчалась...

Нас старость
Согнула,
Мы сморщились,
Ссохлись...
А молодость
За перевалом
Осталась...

УЛЫБКА ТАИАХ

I.

Я в Коктебеле,
В мастерской
Максимилиана Волошина.
У стены,
Перед глазами моими
Никогда не виденное мною
Изваяние
Царицы Древнего Египта
Таиах –
Величественнее, прекраснее
Её облика
Еще я не видел.
Непостижимая красота,
Ласка и доброта
Из глубины веков
Таинственными очами
В сердце моё проникают.
Её улыбка
Как солнце меня освещает.
Я горю –
Моё сердце в плену
Её нежности.
Непостижимой любовью
Меня покоряя,
Благословенной радостью
Она меня очищает.
Таиах,
Тихо улыбаясь
Каменными устами,
Шепчет мне приветствие.
Сердце,
Замирая,
Во мне поднимается
Являя таинственную красоту,
Неизвестную мне
До сих пор.

Смотрю на нее –
Словно на полную Луну
В прозрачных небесах
Нездешнего лета...

Тайной любовью,
Как пламенем меня охватывая,
Эта женщина меня,
Безнадёжно трезвого,
Пьянит,
Чарами своими
Завораживает...
Если вдруг
Её губ своими коснусь –
Без памяти целовать её буду...
И она
Очнется в нашем времени,
И прошепчет мне о любви –
По-алтайски...

II.

Я в Коктебеле...
Из Дома-музея
Максимилиана Волошина
Выйдя,
Я обрел за спиною крылья,
Свет во мне воссиял,
Стал я сильнее, моложе!
Сердце моё
Оглянулось назад,
Зачарованное улыбкой
Таихах,
Вечной, неразгаданной загадкой
Непознанной любви
Околдованное...
Навстречу мне море,
Как гром, грохочет,
Как пламя застывшее –
Острые скалы...

Как впервые
Солнцу, лету, птичьему щебету
Радуюсь,
Опьяненный
Солнечным волшебством любви
Теряя разум...
Кажется мне –
Вот она, Таиах,
Следом за мной идет...

Всё как во сне –
Ногами земли не касаясь,
Я как будто лечу!
Сегодня я
Моложе и красивее всех,
Огромная тяжесть
Рухнула с плеч моих,
Изнутри
Новым огнем
Я осветился!
Этот огонь –
Крылатая улыбка Таиах,
Этот огонь –
Крылатая улыбка,
Вечных Небес!

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Волошин – вечный дух Коктебеля.
Он умер. Душа его до сих пор
Бродит вокруг волшебного Крыма,
Вокруг священных, поющих гор.

Синее небо – как купол над нами
До горизонта, там оно с морем сольется.
Дух поэта летит над горами,
Эхом свободный шаг отдается.

Кудрявое облако – его волосы,
Сильнее небесных быков – его сила!
Морская волна говорит его голосом,
Гора Карадаг – он как братец милый...

Идут времена, но с нами поэт не прощается,
Не слабеет картин и стихов работа.
Человеколюбивый – к людям он возвращается,
Защищает, просит и борется за кого-то.

В революцию он сохранил равновесие,
Ни к кому не склонился, оставаясь свободным поэтом.
Красных спасал от белых, белых от красных.
Тем и другим помогая не только советом.

Поэт и художник, отмеченный даром Неба,
Путешественник, непоседа, он движеньем жил,
В Париже, Мадриде – следы его, где бы он не был,
Он искусство России и поэзию крепко любил.

Но родной Коктебель любил он особой любовью,
Эти горы и воздух – край, что был ему мил,
Дыханием моря наполнено море поэта,
Берег стук его посоха не позабыл...

Мастера дар здесь скалою прибрежною вырос,
Он бессмертен, как горы, не умрет он нежданно и вдруг,
Ведь Волошин есть светлый хозяин, душа Коктебеля,
И по этим камням будет вечно бродить его дух...

1991 г.

* * *

Только что
На свет
Человек родился.
Посмотрите,
Он сморщен,
Как старец,
Доживающий
Долгий век.

Он слаб,
Некрасив
и очень стар!

Обгоняя судьбу
И течение времени,
Угадывая
Будущее
В тумане лет,
Я думаю,
Что человек
Своим рождением,
Как зеркало,
Отражает свою
Глубокую старость.
В новорожденном
Видна
Мудрость прожитых лет,
Дороги,
Ещё им не пройденные,
Знаки
Жизни его...

* * *

Три моих сына выросли,
На ноги поднялись.
У каждого дом, очаг, семья,
У каждого своя жизнь...

У каждого сына своя свобода,
Дорога, чтоб жизнь пройти.
У каждого свое восхождение,
Свои препятствия на пути.

Дети вдали, а я старею –
Грустно мне сознавать.
Даже собаки нет у меня,
Лошади, чтоб оседлать.

Ежедневна моя печаль,
Что осталось жизни немного.
Солнца жар не греет меня,
Коротка и темна дорога.

«Свет твой медленно гаснет,
Путь твой к закату лежит», –
Вечное Небо прошепчет –
И эхо, вздохнув, повторит.

* * *

Над юной весенней зеленью,
Над светлой землей весенней,
В лазури птаха дрожит
Лицо, осеняя тенью.

Поймать бы мне волю птичью,
Но птица парит высоко.
И мне, как она, полететь бы,
Невыразимо легко!

Воля птичья так схожа с моею,
Да не схожи судьба и пути.
Увы, никогда мне птицей не стать,
И в небо пути не найти...

1999 г.

* * *

Поэт! Ты работай как вол,
ты работай как раб,
Будет время – труду своему будешь рад!

СТРОКИ

(Сто стихотворений)

1.
Брат брату – кровь не прольет.
2.
Малы ресницы – а солнце закрывают.
3.
Молоток сам себе голову не расколет.
4.
Сплетня, как собака, следом бежит.
5.
Сплетня, за подпругу ухватившись, рядом едет.
6.
Сплетня быстрее зайца мчится.
7.
Звезды годы свои не считают.
8.
Дурень даже радугу хочет выпрямить.
9.
Дурак с тенью своею бьется.
10.
Мудрость аксакала – не в длинной бороде.
11.
Богатый, чтобы казаться мудрым, бороду отпустил.
12.
Богатый, чтобы казаться умным, голову обрил.
13.
Глупцы глупца славят.
14.
На пепелище цветы не цветут.
15.
Кости сгниют – цветы расцветут.
16.
Болезнь пульей не вылечишь.
17.
Материнское молоко – лекарство из лекарств.
18.
Летающую пулю в горсть не поймашь.

19.
Из железа пот не выжмешь.
20.
Безголовому по лбу не ударишь.
21.
Шевелись – и гору перевалишь.
22.
Небесная мелодия сердце возвышает.
23.
Стих расцветает в созвучии.
24.
Ленивый или больной – но все ж таки конь это твой.
25.
Лишь состарившись, узнаешь всю тяжесть жизни.
26.
Огонь мудрости Вселенную осветит.
27.
Как хочешь, живи, но лица своего не теряй.
28.
Горька соль, но и в ней польза есть.
29.
Властолюбцы – как пули, отлитые в одной форме.
30.
Новый талант – всегда интересен.
31.
У тени нет глаз, но она не заблудится.
32.
Тень солнца не боится.
33.
Тающий снег пахнет весной.
34.
Есть на луне Алтай – или люди лгут?
35.
Даже если на Луне есть Алтай, я здесь, на своем Алтае
останусь.
36.
Взяв займы огоньку – пожара не разжигай.
37.
О сиротах подумаю – печаль настает.

38.
Пахаря ладонь так схожа с пашней.
39.
Первый детский шаг – начало всех дорог.
40.
Умение охотника тайга проверяет.
41.
Тайга густая – родина птиц и зверей.
42.
Над строкою стиха сердце мое надорвется.
43.
Сижу и плачу – с лица собака слизывает слезы.
44.
Я – на языке народа своего еще несказанное слово.
45.
Я – видящий невидимое глаз.
46.
Страдает сердце, слыша птицы крик печальный.
47.
В груди моей Солнце – живое, красное сердце.
48.
Если не веришь – раскрой мою грудь и взгляни в
мое сердце.
49.
Клянусь – спокойно прожить не смогу!
50.
Проклятье – пусть лень твою кровь обуздает.
51.
Можно растоптать поэта, но не его песню.
52.
Ноги поэта – в грязи, но голова ближе к звездам.
53.
Я не атомный взрыв, чтобы затмить белый свет.
54.
В груди моей – муравейник кипит!
55.
Сердце мое и лицо ношу одну несут.
56.
Стал твой ученик метко стрелять – будь осторожен!

57.
Если правду сказал – то терпи!
58.
Если несхож с другими – до самой смерти терпи.
59.
Правду, брат, сохранит только правда.
60.
Будь терпеливым – и правда тебя не покинет.
61.
Камень не ладонь, под голову не положишь.
62.
Без причины горе не приходит.
63.
Даже умирая, на хлеб не плюй.
64.
«Я умер!» – сказав, не слишком-то радуйся.
65.
«Мой враг еще жив» – сказав, не слишком-то злись.
66.
Смерть – не переупрямишь.
67.
Нищему даже собака дороги не уступает.
68.
Кто друг, кто враг – увидишь перед смертью.
69.
Комар попил моей крови – и умер мгновенно.
70.
Глянь – на спине змеи резвится муравей.
71.
Коль сам ленив – терпимей будь к ленивым.
72.
Ворон, нашедший падаль, громче всех кричит.
73.
Самое большое счастье – ожидание счастья.
74.
Ожидаемое счастье – всегда далеко.
75.
Счастье где-то рядом, совсем близко.

76.
У жадного мешки бездонны.
77.
Скалу плетью не раздобишь.
78.
Колючку береги, не береги – плодов не дождешься.
79.
Яд ядом не испортишь.
80.
Яд два раза не выпьешь.
81.
Силен человек, а Солнце – сильнее.
82.
Облик человека – от Солнца.
83.
Врагов лучше не замечать совсем.
84.
Характер человека на лице проявляется.
85.
Если я упаду, будешь ли посохом моим, сынок?
86.
Мелодия сердца созвучна голосу этой кукушки.
87.
Народившийся юный месяц – совсем как новая песня.
88.
Дурак большой и тень его тоже большая.
89.
Ждать тебя – у Времени времени нет.
90.
Свободный ветер не поймает, не удержишь.
91.
Сидящий на вершине – далеко виден.
92.
Если в горах родился, будь как они, высоким.
93.
Где смерть – только пуля знает.
94.
Самое опасное убийство – беспамятство.

95.
Только умер – и Слава пришла.
96.
Слава – знамя мертвых.
97.
Слава – со знаменем мчится.
98.
У стыда – язык длинный.
99.
Родился в горах – за горы держись.
100.
Время убивает, время оживляет.

МОЯ ГОЛОВА – НЕ МОЯ ГОЛОВА

Моя голова – не моя голова,
Есть много голов над моей головой.
Но я отличаю своей головою
Черную сплетню от правды святой.

Если стану я независим,
Буду стремиться свой путь проложить,
Над головой моей многоголовье
Может и вправду меня раздавить.

* * *

У меня за спиной не один перевал
И все же – как будто не жил!
Случалось ездить, плавать, летать,
Спешить, не жалея сил!
И, думаю, стоило жизнь мне понять,
Чтоб завтра, в сердцах, на всё наплевать...

* * *

Выйдя спозаранку, я зажмурюсь –
Выпал первый, яркий белый снег.
Чтоб на первоснежье след увидеть,
Как мальчишка, я рвану вразбег!

В НАЧАЛЕ ГОДА ЗМЕИ ПОЛУШЕПОТОМ СКАЗАННАЯ МОЛИТВА

Под Луной и Солнцем,
На всем белом свете,
Из всех живущих
На Земле животных –
Опаснее многих –
Это Змея,
Мудрее многих –
Это Змея,
Таинственнее многих –
Это Змея...

Куда Змей-Каан устремится –
Туда устремлюсь,
По неведомым землям
Вдаль потянусь,
Верным слугой
Буду следом бежать.
Если падучей звездой
Змей-Каан полетит –
Вслед за ним полечу,
Если Змей-Каан
В Млечный путь превратится –
В нем растворюсь...
В Верхнем Море,
Жертвенным молоком окропленном,
Смертный человек –
Жить я стану.
Если Змей-Каан пожелает,
Учеником его стану,
Если мудрость его постичь позволит –
Голосом его стану.
Если Змей-Каан пожелает –
Я последую вслед за ним!

Баш болзын, баш-болзын, баш болзын...³
Куруй-куруй, оп-куруй!
Куруй-куруй, оп-куруй!⁴

Дикого человека
В себе одолеть я хочу,
Из рабства
К высшей мудрости сделать шаг...
В этот бесчеловечный век
Пусть любовь моя к ближнему
Раскроется,
Пусть Буркан нас благословит,
Из сострадания к нам
Мудростью высшей поделиться...

Змей-Каан
Впервые сегодня к Вам обращаясь,
Не великих богатств прошу,
Молочно-белую сокровенную жемчужину –
Малую толику благоденствия
В своей краткой жизни прошу...

От неостывающих звезд
Искру взяв,
Очаг мой зажгите!
Баш болзын, баш болзын!

Всем умом к Вашей воле склоняюсь!
Трех сыновей моих
На жизненном пути
Пожалейте незаметно...
Утроившись,
Ваша доброта
К Вам возвратится.

На вопросы мои
Священную Книгу-Судур⁵
Безмолвно разверните,
Всепроницающим взглядом своим –
Благословите...

Куруй-куруй, оп-куруй,
Куруй-куруй, оп-куруй!

О, Змей-Каан,
Из несметных сокровищ своих
Молочно-белую жемчужину – эрдине
На землю оброните –
Чтобы народ мой жил спокойно,
Чтобы вокруг не дрожала Земля...

С поклоном я к Вам обратился.
Айланайын!⁶
Баш болзын, Змей-Каан,
Баш болзын, баш болзын!

От всей Земли говорю
У светлого Неба прошу!
Баш болзын, Змей-Каан,
Баш болзын, баш болзын!

В подобном Млечному Пути
Одеянии Вашем,
О, Змей-Каан,
Вы возглавляете этот год!
От имени своего
Небольшого народа
На золотоверхом Алтае живущего,
Перед Вами склоняясь,
Вас благословляю!

2001 г.

* * *

Я стою у окна одиноко.
Манит синью лесная даль,
Где кукушка, окликнув сердце,
Заронила в душу печаль.

* * *

«Кукушка кукует – весна пришла», –
Так алтайский народ говорит.
Далекой кукушки жалобный голос –
Зеленые листья кровью кропит.

* * *

Сегодня ли Смерть за мною придет,
Или в день другой постучится?
Не угадать, когда это случится...
Если Смерть захочет прийти –
Пусть в любое время войдет.

Если жизнь мою захочет забрать –
Пусть пушинкой с ладони сметет.
Хочет дать отсрочку – пусть даст,
Мне и час сейчас – словно год!

* * *

От холода проснулся рано утром –
На травы и деревья иней пал.
Сырая осень проникает в кости,
А заморозок тело защищал.

* * *

Многие наши поэты
Уехать в Париж мечтают.
Праздный Шум и Славы огни –
Их к себе привлекают.

Что же мне нужно,
Когда черные годы
Щерят злобный
Оскал?

Я состарился
Раньше времени,
Я смертельно
Устал...

Мне лишь кроха хлеба нужна,
Водки стакан последний...
С наслаждением выпью огонь,
Уйду безоглядно, бесследно...

* * *

Я не спугнул эту серую пташку –
Вздрогнув в листве, она ринулась ввысь.
Как, человека увидев, ей не пугаться,
Как, человека узнав, не спасти свою жизнь?

* * *

На Земле я родился и жил.
А теперь мое время земное кончается.
Это время ухода. Взлетела душа
В Верхний мир, где смерть не встречается...

Верю, что Ак-Буркан и Юч-Курбустан⁷,
Мои светлые боги в дорогу меня призовут.
Журавли, притяжение земли разрывая,
В Небо легкую душу мою вознесут.

Я молился всю жизнь бесконечному Небу,
Подарившему счастье жизнь земную прожить,
С этой бедной земли навсегда улетаю,
Стану Вечному Небу и Солнцу служить!

1998 г.

* * *

Осень Жизни пришла. Золотая кукушка молчит.
Днем холодным иду по дороге осенней.
Суждено ли мне эту тяжелую зиму прожить,
И кукушку зеленую слушать порою весенней?..

2003 г.

* * *

Сердце мое сострадание жжет,
Сердце мое – не камень холодный.
Пешего на коне подвези,
Хлеб преломи, если кто-то голодный...

Сердце мое – не осколок льда.
Не приемлю я мудрого слова –

«Другого жалеешь – себе же беда»,
А мне бывает жалко другого.

Трудно мне быть, как лед, спокойным,
Страшно камнем прожить свою жизнь.
К старшему-младшему будь благосклонным,
Чем ты богат, тем поделись.

1999 г.

* * *

В бессонную ночь, в звенящей, как нерв, тишине,
Друзья, что ушли, возвратились бы снова ко мне!
Вернулись бы вновь невозвратные годы мои,
Чтоб снова смеялись друзья, и гремели в ночи соловьи!

ХОРОШО БЫ...

Хорошо бы, другие миры открыв,
Разглядывать их в ночной темноте?
Забудь про лень, хорошо работай,
Будь верен себе, своей мечте.

Хорошо б победить и самое смерть?
Сделать больше добра для людей поспеши.
Не мсти, не завидуй, работай, работай,
Мысль о смерти гони от своей души.

Хорошо б умереть во время работы,
Когда, работая, сердце замрет –
Это лучше смерти во время дремоты.

Хорошо бы обман и ложь победить?
Их обмани постоянной работой –
Только так их возможно убить.

Хорошо бы пустых разговоров увидеть край?
Слов не теряя понапрасну, работай, работай –
И вопросов мне больше не задавай.

* * *

У поэта судьба такая –
Бездны Смерти бродить по краю.
Жизнь ему не примерит лица
Дурака или мудреца!
Он и в жизни, и в смерти один!
Айланайын!

НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ

В темноте слышу стук лошадиных копыт,
Звуки эхом в далеких горах отдались...
Что за Всадники эту встревожили ночь?
Что за люди, откуда они принеслись?

Если всадники мой не заметят ночлег,
Пусть продолжат полночный неистовый бег,
Ну, а если устали, останутся пусть у огня,
Угощение найдется для них у меня...

Ухо Неба в чуткое Сердце Земли
Стук безумной беды различают в дали,
И тревожная иноходь конских копыт
С сотворения горя в горах этих ночью звучит...

1999 г.

* * *

Почему я не камень?
Камню завидую я...
Правды не скажет,
Стыда не покажет...

Почему я не камень?
Камню завидую я.

1993 г.

* * *

Журавли Алтай покидают.
Крик печальный в осенней дали...
И друг друга они призывают
Долететь до далекой земли.

И охвачен тоской журавлиной,
Я хочу, как они, улететь,
Покружить над родимой долиной,
На Алтай с небес посмотреть.

Безоглядный путь дикой воли,
Ветра свист на пути к небесам.
Где вдохну я предвечной доли,
Неподвластной земным часам.

1999 г.

К ВЛАСТИТЕЛЯМ

К бывшим и нынешним
Власть предержащим
Хочу обратиться,
Горькое слово сказать:
«Есть своя власть у поэта,
Не вам его унижать,
Нет у вас свободного слова.
Нет у вас головы.
Вы живете в подножье поэта,
Ваши мысли – мертвы».

* * *

И дольше века длится день...

Чингиз Айтматов

Я болею. Болезнь надо мной
Словно черная птица кружится.
И поэтому день для меня,
Дольше века земного длится.

Непроглядная грозная ночь
Тянет ввысь, сквозь кости струится,
В небе черное солнце стоит,
День, как век, мучительно длится.

Так мне больно, что даже стонать не могу,
Отчего так душа в этом теле томится?
Чую дальний, неведомый зов,
Он торопит меня,
он стремительно мчится...

1999 г.

* * *

Всякий, кто появился на свет,
Вольным рожден, как зверь или птица.
Чтобы к этому небу расти,
И судьбою в себя превратиться.

Зверю человеком не стать,
Ветру в дерево не воплотиться, –
Век мне дан, чтобы мудрость познать,
И ответом всему к себе возвратиться.

1999 г.

* * *

Лишь по-русски мой младший сын говорит,
Предков язык забывая,
Язык, проросший сквозь камни веков
На древней земле Алтая.

Мой младший сын с молоком материнским
Заветное слово не смог впитать...
А мало ли нынче алтайцев с виду,
Что речь родную не могут понять?

Обрывается нить языка живая,
Связь, что детям и внукам должны завещать.
Я боюсь, что с годами, как родник, высыхая,
Перестанет алтайская речь звучать.

* * *

Я очнулся в долине, утратив путь
Среди грозных, отвесных скал...
Я не знаю, как теперь мне найти
Путь, который всю жизнь искал?

* * *

Трудно рос я на белом свете,
Сквозь земные дни и труды,
Разрывая зубами спутанные,
Нескончаемые узлы беды.

Мое сердце билось всегда
Удивленною вольною птицей,
Мне казалось, взлечу в небеса,
Стоит мыслям ввысь устремиться.

Как влюбленные в небо взлетают,
Чтобы вместе в огне сгореть,
Хитрецы глаза опускают,
Чтоб в глаза небес не смотреть.

Если встретятся двое мудрых,
Станет ясно на свете жить,
Но порой глупец начинает
Мудреца чему-то учить...

Я любви высокие муки
До конца еще не постиг,
Но от глупости к мудрости шел я –
Труден этот путь и велик.

Мудрость я к любви устремил,
Слово – жизни моей залог.
В мире этом о многом могу говорить,
Но себя объяснить я не смог...

1999 г.

* * *

Сегодня я один, ни трезв, ни пьян...
В окно взгляну – в глаза мне полночь прянет.
И кажется, вся жизнь – сплошной обман,
Одна лишь Смерть, быть может, не обманет.

* * *

Лишь закрою глаза,
Кровь в виски мои бьет,
Время черной беды
Днем и ночью течет.

Это грозный мой век
Бьется, плачет, болит,
Это время мое
Всею кровью кричит.

Век двадцатый прошел,
Двадцать первый придет,
С детства и до седин
Век мой кровный пройдет.

Нервен времени пульс,
Близок жизни закат...
Время, только вперед,
Нет пути мне назад!

1999 г., с. Ай-Балык

* * *

Я не похож ни на кого на свете,
В искусстве – одинок, как этот ветер.
Творец, прошу, не будь ко мне жесток!
Но и Творец небесный одинок...

Я, пришедший из другого времени,
Будущему веку не под стать.
Новой эры, жгучей, неизведанной,
Не увидеть мне, не испытать.

На порог святой тысячелетия
Я шагнуть несмело не смогу,
Своего двадцатого столетия
Я корнями врос на берегу.

Век мой подарил мне испытания,
Осознать которых я не смог,
Был мой век и яростен, и радостен,
Щедр и мощен, а порой – жесток.

Вот порог святой тысячелетия.
Широко распахнутая дверь...
Не вхожу покорно, не склоняюсь я,
Я решил, что делать мне теперь.

Век двадцатый, поглотивший жизнь мою,
Беды, радость, боль, стихи и грусть.
Я, пришедший из другого времени,
В нем родившись, в нем и остаюсь!

1999 г.

Истинный поэт –
Похож на скакуна.
Он и задремлет,
Стоя на ногах!

Ему и суета –
Как будто не видна.
А дух – то в бездне,
То – на небесах!..

В душе поэта –
Новой жизни ярость,
Ошибок груз,
И откровений радость!

* * *

Не целясь, я в свою смерть стреляю,
В спящую, черную ночь,
Я ей, как врагу своему, кричу:
«Исчезни с глаз моих прочь!»

Но медленно моя смерть крадется,
Крадет за мгновеньем мгновенье...
А может быть – это вовсе не смерть?
А может – второе рождение?

Но снова я в свою смерть стреляю,
Она мой конец – не рождение,
Не целясь, я бью в спящую тьму,
Та тьма – моя смерть, без сомненья...

НАДЕЖДА

Когда я умру, к могиле моей,
Шелестя густою травой,
Враги мои тихо потянутся –
Мой посмертный конвой...

«Рано ушел он, однако», –
Шепчет один, чуть смутившись душой,
«Пойми и прости нас», –
Запоздало обронит другой.

1993 г.

* * *

Время мое, как лесной пожар,
Смертью меня сжигает...
Я не бегу – я устал, я – стар,
В жилах кровь высыхает.
Вспыхни ярче, последний костер,
Смертью моей разгорись!
Пепел серые крылья простиер,
Гасни быстрее, моя жизнь!

2003 г.

* * *

Ночую в горах, укрытых туманом,
С рассветом домой вернусь.
Простите, святые горы мои!
Прощайте, святые горы мои!
Когда ещё к вам возвращусь?..

* * *

Летнее солнце склонилось к закату.
Я лежу на земле, одинок и забыт.
Давит тяжелый вечерний зной,
Сердце смертельной тоскою теснит.

Вдруг неожиданно шорох слышится –
Кровь мучительно вздрогнет во мне.
«День твой окончен, идем со мною», –
Смерть позовет наяву, не во сне.

* * *

Доживая свой краткий век,
Знаю – я не простой человек.
Не простой человек, а поэт.
И поэтому – смерти нет.
Потому, что слышна мне
Земная печаль,
Потому, что ясна мне
Небесная даль.

Потому, что я
Не простой человек.
Я – поэт.
И поэтому – смерти нет.

1999 г., с. Ай-Балык

* * *

Я не смогу с катунскою волной
Умчаться вдаль, ни с кем не прощаясь...
Прекрасный Алтай, остаюсь я с тобой,
На камень скалы опираясь...

2003 г.

Комментарии

1. **Ак-Буркан** – Белый Бурхан, божество пантеона буддизма.
2. **Юч-Сюмер** – название одного из отрогов Теректинского хребта в Онгудайском районе РА.
3. **Баш болзын!** – возглас у алтайцев, закрепляющий слова молитвы, благословления.
4. **Куруй! Оп-Куруй!** – молитвенный возглас у алтайцев, просьба об исполнении желания.
5. **Книга-Судур** – книга Судьбы, книга предсказаний.
6. **Айланайын!** – возглас у алтайцев, означающий добрые отношения к живому и неживому миру.
7. **Юч-Курбустан** – трехликое божество Верхнего мира, создатель и покровитель неба, светил, суши, воды и олицетворение этих стихий.

ЭПИГРАММЫ И ПОСВЯЩЕНИЯ

Алтайская литература прошла короткий, но извилистый и тернистый путь. Несмотря на это, наша литература широко использовала все литературные жанры. Наши поэты и писатели творили в любом жанре, начиная с однострочных стихов, заканчивая романами, – все это большие завоевания нашего недавнего времени. Но среди литературных жанров в нашем современном искусстве отсутствует только жанр эпиграммы. Почему же так произошло? Может быть, алтайские литераторы не умеют шутить? Или они не любят шуток, юмора? Нет, мы не можем так сказать! Для нас убедительным примером использования юмористического жанра служат сатирические басни Михаила Чевалкова, произведения Лазаря Кокышева и других одаренных поэтов и писателей. Но эпиграммы в нашей литературе встречаются редко или вообще отсутствуют. В связи с этим хочется вспомнить смешной и в то же время поучительный случай, произошедший в конце далеких пятидесятих годов.

После службы в армии в 1959 году, я работал в редакции газеты «Алтайдын Чолмоны». В это же время я написал одну эпиграмму. Она была посвящена писателю И.П. Кочееву, автору детской книжки «Спесивая жаба»:

Неспешна жаба, тяжела,
И поговорка есть про это,
А вот глядите ж – привезла
В Союз писателей поэта!

(перевод И.Фонякова)

В те годы в одном кабинете мы сидели и работали вместе – мой дядя Евгений (Иженер) Модестович Чапыев, Аржан Ойынчинович Адаров и я.

– Остановись, это нельзя отдавать в печать! – дядя встал на моем пути. – Ты кто? Ты только что входящий в литературу желторотый птенец! А Иван Петрович – уважаемый человек, член Союза писателей. Тебя он целиком проглотит вместе с шерстью...

Прошли годы. Алтайская литература росла и развивалась, стремилась вперед. Количество издаваемых книг наших прозаиков и поэтов с каждым годом увеличивалось. В эти же самые вдохновенные годы Лазарь Коқышев сочинил эпигramму, адресованную на мое имя:

Укачин-гений удивляет мир:
Отныне буду пить один кефир!..
Задумал стать поэтом самым лучшим:
– Всех обгоню вас на таком «горючем»!

(перевод И. Фонякова)

Правда, это так и было! Я в течение 2 или 3 лет не пил спиртного. Коқышевские, любящие пошутить, глаза этого момента мимо просто так не пропустили. Тогда и я не остался в долгу и ответил поэту своей эпигramмой:

Наш знаменитый Коқышев-поэт
Напиткам крепким верен с давних лет,
К себе домой дорогу не находит,
Любой проулок в «Алтын-Кель»¹ приводит.

(перевод И. Фонякова)

Эти две эпигramмы молодой Бронтой Бедюров, работавший тогда в «Алтайдын Чолмоны», отдал в печать... Боже мой! словно небесные облака на землю опустились, а земная пыль на небо поднялась. Вроде бы ничего в этом не было удивительного! Но эпигramмы двух писателей в те времена эхом пронеслись, начиная от Горно-Алтайского обкома КПСС – долетели до крайкома партии. По моему мнению, наверное, именно из-за этого шума и дальнейшей проработки меня и Л.Коқышева, алтайским эпигramмам были обрезаны крылья на долгие годы. Вокруг воцарилась пустота, наш пыл заметно поугас...

После этой истории пролетело немало времени. Ушли из жизни некоторые наши талантливые поэты и прозаики, в том числе наш друг Лазарь Коқышев. Несмотря на это, когда на нас наваливаются трудные минуты в жизни и творчестве, костер искусства не сдается, не гаснет, он не прекращает искать новые мосты в грядущее. Нет сомнений в том, что новые книги, романы, повести, стихи и поэмы наших писателей

навечно останутся блестящим зеркалом нашего Алтая и соответственно появятся новые поэты и прозаики, способные создавать произведения в любом жанре литературы.

В конце семидесятых годов среди работников редакции газеты «Алтайдын Чолмоны» ходила такая эпиграмма:

На голове шапка из лучших соболей,
А в мозгу туман клубится сумерек темней...

(перевод С. Дыкова)

Эта эпиграмма то ли обо мне, то ли об Аржане Адарове. Потому что в те годы среди наших знакомых первыми стали носить шапки из соболиного меха Адаров и я².

Продолжая писать свои эпиграммы, которых скопилось немало за все эти годы, будь что будет, чему быть, тому не миновать, отдаю теперь их в печать, открывая новый путь этому жанру в алтайской литературе...

Борис Укачин
1998 г.

* * *

*Чалчыку³ Чунижекову, автору многих книг,
в том числе книги «Лучшее, что написано мною»*

Книгу «Лучшее, что написано мною»,
Писатель, чье имя Буян, наконец-то, издал.
Но лучшее все оказалось такое плохое,
Встретил автора я, возмущенно буйнить начал.

* * *

Поэту, кайчи Таныспаю Шинжин⁴

В Хабаровке тишь – ын-шын...
Проживает там поэт – Шин-жин.
Он готовит корешки – жень-шень,
Продает, шуршит деньгами – шын-шын...

ЧИСТОТА И ПУСТОТА

Поэту Эркемену Палкину

Рано утром вскочил, огляделся:

Пустота,

Пустота,

Пустота!

В лист бумажный уныло вгляделся:

Чистота,

Чистота,

Чистота!⁴

* * *

Поэту Паслею Самыку

Толпа и крик –

Посреди – Самык!

Он юн и пьян, глаза хитры,

Усы обвисли, штаны – мокры...

* * *

Поэту Паслею Самыку

(вариант)

Был немного Маяковским

И немножечко – Хикметом,

Был «кукушкой среди снега»,

«Сыном Солнца»⁵ в мире этом.

А теперь, скажи нам, кто ты?

А теперь, скажи нам, где ты?

Ждут в Каспе, в Горно-Алтайске

Почитатели поэта!

* * *

*Поэту, литературоведу
Сазону Суразакову*

«Кому нужна теперь литература?
О чем писать? – профессор думал хмуро, –
Чем жить? В Сайдыс родимый поспешу –
Орешки собирать и черемшу...»

* * *

Критику Товару Тюхтенову

«Алтайская критика есть или нет?»
Плечами пожмет собеседник в ответ.
Но пишет и пишет Тюхтенов Товар –
Плодит не имеющий спроса товар.

* * *

Эзендею⁶ Тоюшеву – поэту, очеркисту

Вчера твой стих звучал убого,
Сегодня – лучше ненамного.
Когда ж порадуешь людей –
Быть может, завтра... Эзендей?

* * *

*Александру Ередееву, поэту,
автору сборника «Эзлик»⁷*

Теплый ветер поля овевал,
Чтобы колос в тиши созревал.
А поэт ожидать не привык:
Преподнес нам незрелый «Эзлик».

* * *

*Шатре Шатинову, автору известного
стихотворения «Птица-лебедь»*

В ненастную глухую ночь
Куда летишь ты, лебедь-птица?⁸
Хмельной Шатра из дома прочь
Средь бела дня за чем стремится?

* * *

Профессору С.С. Каташу

Взошла литература на новый перевал,
Профессор не заметил, профессор прозевал.
В низине по дороге замешкался, увяз,
Не пишет и не учит, не критикует нас.

* * *

Поэту Буучаю Бурмалову

Куда-то подевался Бурмалов Буучай?
Он, может, в Саратане, а, может, в Язулу?
Прокис его остывший литературный чай.
Когда ж заварит новый, почистив пиалу?

* * *

Поэту и врачу Байраму Суркашеву

Средь поэтов ты – врач,
Средь врачей ты – поэт...
Как двух зайцев догнать,
Видно, знаешь секрет?

* * *

Диману Белекову, поэту, певцу, политику

Поляны в голубом цветенье
Когда успел засыпать снег?⁹
Прекрасной юности стремленья,
Куда умчались вы навек?
Поляны в голубом цветенье
Воскреснут после злой зимы,
А новые твои творенья
Услышим ли однажды мы?

* * *

*Николаю Воинкову,
певцу, исполнителю известной
алтайской песни «Койонок»*

Как оловянная чашка, зубы его пожелтели,
Словно у белого зайца, волосы поседели.
Где Воинков сладкогласный? Никто мне сказать не смог,
Лишь по Алтаю эхом песня его – «Койонок»...

* * *

*Предупреждение писателю Токшыну Торбокову,
взявшемуся переводить Библию на алтайский язык*

Библию на алтайский честно перелагай,
Но «белую веру» предков напрочь не забывай,
Напрочь не забывай, насмешкам не подвергай,
Старых богов глумливым словом не обзывай...¹⁰

* * *

Писателю Дибашу Каинчину

Повесть он сочинил – «Голова жеребца»,
И доставил в Москву жеребец удалыца.
Вот на русский та повесть переведена –
Почему ж названа... «Головой кабана»?

* * *

*Кюгею Тёлёсову,
автору сборника «Где та дорога?»*

«Где та дорога?» – он спросил и поглядел вокруг,
Покинул горную Каспу, в Москву пустился вдруг...
«Где та дорога?» – вопрошал, блуждая там в толпе.
И был ему указан путь. И снова он – в Каспе.

* * *

*Директору издательства
Юч-Сюмер-Белуха» Таукену Яйтынову*

Юч-Сюмер – Белуха – славная гора,
У нее вершина вся из серебра.
«Юч-Сюмер» – издательство бедное теперь...
Прячется от авторов, как пугливый зверь.
Чахнет наше слово, не увидев свет,
Слышим постоянно только «денег нет»,
Букваря для школьника не издать, увы...
Или те, кто «во главе» – все без головы?

* * *

*Поэту Кюлеру Тепукову,
редактору детского журнала «Солоны» («Радуга»)*

О журнале «Солоны»
Все ребята знать должны!
Горы все удивлены,
Все леса удивлены:
Радуга была – и нет!
А ребята им в ответ:
– Не волнуйтесь, в этот час
«Радуга» в гостях у нас,
К нам привел ее наш друг,
Удалец Кюлер-кюлюк!

Когда бы парой шапок
Собольих я владел,
Одну бы на Аржана
Адарова надел.
Вторую нахлобучил бы
До самых до бровей
На буйную, шальную
Башку твою,
Паслей.

А сам во всей природной
Взлохмаченной красе
Ходить бы стал без шапки:
«Я не такой, как все!
Отважным, уникальным
Я выглядеть хочу!...»

Друзья мои, коллеги,
Не злитесь:
Я шучу...

От составителя

Писать эпиграммы – сложное и опасное занятие. Нелегко вместить в малом количестве строк образ и характер портретируемого, написать этот портрет легко, с юмором, стараясь никого не обидеть – это удается не всегда.

Возможно, поэтому Борис Укачин долго не решался опубликовать свои эпиграммы. Они появились в газете «Алтай-дын Чолмоны» лишь в декабре 1998 года на алтайском языке. На русском языке они печатаются впервые.

Эпиграмму трудно написать, еще труднее перевести на русский язык. Мы рады, что И. Фoniaков и С. Дыков постарались передать в переводе силу и сочность оригинала.

Для того, чтобы передать дух и реалии прошедшего времени, понадобился столь обширный комментарий, дополнительное разъяснение имен, терминов, названий... Публикуя эти эпиграммы, мы надеемся, что юмор и сатира не будут редким явлением в алтайской литературе.

Амыр Укачин

Комментарии

1. «Алтын Кёль» – легендарный ресторан в г. Горно-Алтайске. Ныне здание банка «Ноосфера».
2. Автор здесь явно лукавит, это двустишие написано самим Борисом Укачиным и вошло в его сборник «Эхо вечного Алтая» (1977 г.), а кому посвящено – не вызывает сомнения.
3. **Чалчык** – в переводе с алтайского – Буян, Дебошир.
4. Здесь в основу стихосложения взяты строки из стихотворения Э. Палкина «Сары киштейт» (1970 г.)
5. «Сын Солнца» – сборник стихов П. Самыка (1964 г.)
6. **Эзендей** – в переводе с алтайского – Будущий, Завтрашний.
7. **Эзлик** – в переводе с алтайского – несозревшая завязь кедровой шишки.
8. Здесь в основу стихосложения взята строка стихотворения Ш. Шатинова «Птица-Лебедь».
9. Строка взята из известной песни Д. Белекова «Кёк-Таманду дьяландар».
10. В оригинале обыгрываются слова, звучащие почти одинаково: по-русски – «Бог», а по-алтайски – «бок». Смысл этих двух слов совершенно различен.

БОРИС УКАЧИН - ДЕТЯМ

СТИХОТВОРЕНИЯ-ЗАГАДКИ

1.

* * *

Очень нужен человеку,
Очень нужен, чтобы жить!

(Хлеб)

* * *

Мыслей ярче, света ярче
И желанно во сто крат.

(Счастье)

* * *

Люди ищут, не находят,
Но стараются искать.

(Правда)

* * *

Тёмной ночи дождались,
Вместе на небе сошлись.

(Звезды)

* * *

Что ни сделаешь – кручина,
Что ни сделал – то печаль.

(Горе)

* * *

В эту темноту войдешь,
А обратно не уйдешь.

(Смерть)

2.

* * *

Что всего на свете слаще?

(Сон)

* * *

Что бежит всего быстрее?

(Мысль)

* * *

Что там мчится и кружится?

(Ветер)

* * *

«Хруст, да хруст» – что там хрустит?

(Снег)

* * *

«Кап, да кап» – что там стучит?

(Дождь)

* * *

Что вверху над головами,

И сверкает и слепит?

(Молния)

* * *

Что гремит, что гремит,

Что там, на небе гремит?

(Гром)

3.

* * *

«Мне лучше ночь» – одна сказала,
«Мне лучше день» – другое отвечало.
Что есть что? Найди ответ.

(Луна и Солнце)

* * *

Один сказал: «Болото лучше».
Другой ответил: «Нет, гора».
Что есть что? Найди ответ.

(Расторопша и Дикий лук)

* * *

Одна сказала: «Родина мне море».
Другая отвечала: «Небеса».
Что есть что? Найди ответ.

(Рыба и Птица)

* * *

«Снег лучше» – одни говорят.
«Лед лучше» – другие вторят.
Что есть что? Найди ответ.

(Лыжи и Коньки)

* * *

Одна в лесу зовет: «Кель да кель»,
Другая в болоте отвечает: «Кель да кель».
Что есть что? Найди ответ.

(Кукушка и Лягушка)

НАСТАВЛЕНИЯ

* * *

Нет ничего священнее огня.
Перешагнешь его – беда произойдет.
Огонь казан' согреет для меня
И соберет вокруг весь мой народ.

* * *

На солнце не указывай ты пальцем,
Лучистее, чем луч не станешь никогда.
И землю, сын, не взваливай на плечи,
Всю землю поднимать – труднее нет труда.

* * *

В долг у кого-то взял ты пиалу,
Назад её пустой не возвращай!
Руке дающей будь ты благодарен –
Заветы предков чаще вспоминай!

* * *

Собака – это верный друг,
Беда, коль ты ногой её поддашь.
Пойдешь охотиться – она твой чуткий слух,
Оставишь дома – будет дома страж.

* * *

Какой бы ни был ты охотник меткий,
Мой друг, по журавлям ты не стреляй...
Ведь пара журавлей всю жизнь верна друг другу,
Ты пары верной, друг, не разлучай!

* * *

Любого зверя подстреливши, навзничь,
Сынок мой, никогда ты не клади,
Душа звериная мгновенно убегает –
Не жди тогда удачи впереди...

* * *

Переднюю луку, когда седло положишь,
На двери никогда не направляй...
Хозяин дома, может статься,
Угаснет рано – ты не забывай...

* * *

Привычки эти смолоду важны –
Садись на лошадь с левой стороны,
Корову доят с правой стороны...

* * *

С ведром, повешенным на локоть,
Не вздумай по воду ходить –
В нужду вступишь и будешь вечно
Ты подаяние просить...

* * *

Пиалу – против солнца
Не проносят на молениях.
Пиалу – с тыльной стороны не наливают –
Пред тобой живой, не привиденье...

* * *

Если плетъ под голову положишь,
Чёрт тебя во сне не поберет.
Если плетъ повесишь к колыбели,
То к ребенку сглаз не пристаёт.

* * *

Если на ночь поел ты мяса,
На огонь подуй перед сном –
Нечисть рта твоего не коснется,
Заколдована светлым огнем...

* * *

Не играют с подстреленным зверем,
Не бросают в огонь его шерсть.
Не накличь себе неудачу –
То хозяйки звериной месть...

* * *

Перед охотой избегают ласки женской –
Дух женщины с тобой увяжется, спеша...
Когда прицеливаться станешь в зверя,
На мушке встанет женская душа...

* * *

Для наставлений возраст нужен,
Важна удачная пора.
Не то мне молодые скажут:
«Твоя эстетика стара».

* * *

Рождает много изречений
Из недр своих народ мой вечный:
И цель всех мудрых поучений –
Чтоб человек стал человечней!

ЖЕЛАНИЯ МАЛЬЧИКА

Я сегодня уже не маленький,
Выше ростом и шире в плечах!
Мне двенадцать, я почти взрослый,
Богатырское имя ношу – Эр-Адучак!

Одного лишь хочу я, одного лишь желаю,
Чтобы мама с отцом меж собой не ругались,
Даже в школе, наверное, меньше страдаю,
Если двойки по русскому мне повстречались!

Одного лишь боюсь, одного не хочу я,
Чтобы пьяный отец, приходя, громко
в двери стучал.
Когда спать я ложусь, ожидаю тоскуя,
Чтобы сон этой ночью мне он не прервал...
Как приходит зима, ожидаю я лета,
Чтобы, глядя на небо, на мягкой
траве полежать.
Если лето приходит, зимы ожидаю,
Чтобы лыжи свои по горам объезжать.
Многое, многое в жизни увидеть хочу я,
Я хочу, чтобы дальние страны в мои сны
опускались.
Ну и самое главное, одного лишь желаю,
Чтобы мама с отцом меж собой не ругались...

Комментарии

1. Казан – котел для приготовления пищи.

НЕ ИЗМЕНЯЯСЬ, ТЕЧЕТ ВОДА...

*(Стихотворения, никогда
не публиковавшиеся в сборниках поэта)*

ИЗ «СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА»

ПИСЬМО СТАРШЕГО СЫНА

Дорогие папа и мама!
Я пишу и смотрю с крылечка:
Все мне нравится в Каярлыке –
Домик бабушки, лес и речка,
И, конечно, зеленые горы,
И телята все, и ягнята...
Лишь когда говорить по-алтайски пытаюсь –
Надо мной смеются ребята.

«Твой отец – алтайский писатель, –
С разговором вчера подсели, –
Почему-же ты по-алтайски
Объясняешься еле-еле?
Или в городе все такие?»
А сегодня бабушка тоже
Мне сказала: «Родной забывать язык –
Это, внучек, совсем негоже!»

Дорогие папа и мама!
Вы теперь поглядеть могли бы:
Каярлыкских ребят не хуже
Научился ловить я рыбу.
И когда один по горам хожу,
Не боюсь я с дороги сбиться,
И на белом бабушкином коне
Я умею летать, как птица.
Научился капканы ставить –
Говорят, как папа когда-то...

Лишь когда говорить по-алтайски пытаюсь –
Надо мной смеются ребята.

Вроде, бабушка мной довольна:
Утром долго я не валяюсь –
Подхватив два ведра гремучих,
За водой бегом отправляюсь.
Завтра с бабушкой мы поедем
На луга, в места сенокоса.
Буду ей помогать, буду копны возить –
Пусть никто не посмотрит косо!

...Это, нынешнее, письмо я
По-алтайски пишу впервые.
Вы простите мне все ошибки,
Вы простите буквы кривые!
Просит бабушка передать вам:
Дни горячие наступили,
Приезжали бы вы хоть на день,
На косьбе чуть-чуть пособили!

Дорогие папа и мама!
Когда снова я буду в школе,
Не забуду, чему научился здесь,
На покосе, в лесу и в поле.
Буду вам помогать во всем и всегда
И старательнее учиться,
И по-русски и по-алтайски
Говорить без ошибок, чисто!

ЗАПОЗДАЛЫЕ СТИХИ О ТОМ, КАК Я ОДНАЖ- ДЫ ИЗ МОСКВЫ РАЗГОВАРИВАЛ С МАТЕРЬЮ ПО МЕЖДУГОРОДНОМУ ТЕЛЕФОНУ

Заказал я из Москвы-столицы
С мамой телефонный разговор.
А меж нами – столько рек струится,
Столько поднялось холмов и гор!

Тьма народу на переговорной!
Девушка с пролившейся на лоб
Рыжеватой челочкой задорной
Ждет Париж. А кто-то – Конотоп.

«Горький, Горький, пятая кабина...»
«Барнаул... Чита... Улан-Удэ...»
Ждет Берлина парень из Берлина,
Весь в очках и рыжей бороде.

В тесноту кабины телефонной
Торопливо входит абонент.
А выходит – как бы отрешенный,
Как бы став нездешним на момент.

Всей Земли живую панораму
Представляя, – слушай и гляди.
«Вот сейчас и я услышу маму!» –
Сердце так и прыгает в груди.

Чу!.. «Горно-Алтайск!..» – бесстрастно, ровно
Голос металлический изрек.
Я бросаюсь к телефону, словно
Может убежать он, как зверек.

И сквозь все снега и все туманы,
Через все поля и все хребты
До меня доходит голос мамы,
Полный ласки, полный доброты.

Радуетя, плачет и смеется,
Сразу все узнать она должна:
И когда сынок домой вернется,
И пришла ли к нам в Москву весна.

– Да, пришла! Москву околдовала,
Прикоснулась к сердцу моему!..
– А кукушка-то – закуковала?
Нет? А что случилось? Почему?

Верить потрясенная не хочет!
Что сказать мне, чем утешить мать?
– Больно уж Москва шумит-грохочет,
Вот кукушки мне и не слышать!

Но летит опять ко мне с Алтая
Голос озабоченный, родной:
– Неужели есть земля такая,
Где кукушки не слышать весной?

И, как прежде, о себе – ни слова!
Я спросил: – А дома как дела?
– Отелилась белая корова,
Белого теленка принесла!..

Вот и все. Поговорили, вроде.
Трубку я задумчиво кладу
И опять, затерянный в народе,
По московской улице иду.

Надо мною мамина забота
Светит, как незримая звезда.
...И опять я главного чего-то
Не сказал ей нынче, как всегда!

НЕЗАБЫВАЕМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Олененок-сирота в лесу блуждает.
Потерялся, наверное.
Горький сок молочая со стебля
Слизывает, наверное.

Крошка-дочурка моя в колыбели
Плачет, наверное.
«Безотцовщина, сирота» – злые люди
Болтают, наверное.

1958 г.

СЫНОВЬЯМ

«Ноги моей здесь не будет, не возвращусь никогда!» –
Так сказав, ушла от меня ваша мать.
«Плохое и хорошее – одна беда, –
Терпеть не могу, буду новую жизнь начинать».

Амыр, сынок! Боль в груди у отца –
Выпив горечь разлуки, я лишился покоя.
Расул, сынок! Слёзы в глазах отца –
Счастье ушло – но я помню, что это такое.

Вспоминаю, впервые, над тобою склонясь,
«Балам, сынок!» называю, любя,
Мы ребенка купать не умели, соседку позвали,
С мамой твоей мы впервые мыли тебя.

Раскрываю наш семейный альбом,
Чтоб ушедшее снова ко мне вернулось.
Дороги жизни, дороги любви
Сердце моё сожгли, в разуме тенью свернулись.

Снежная улица... Я в черном пальто.
Сынка своего, в самом светлом в жизни часу,
Несу я, на свете самый счастливый,
Словно счастье свое на руках несу!

Амыр, сынок! Твой конь деревянный в углу –
Не кружится, не скачет, печально стоит,
А отец твой один, в опустевшей квартире
Не зная, что делать, одиноко сидит.

Амыр, сынок! Велосипед трехколесный твой,
Рядом со мной неподвижно стоит, размышляет.
А на стенах, на детских рисунках твоих
Воины бьются, кони к солнцу взлетают.

Соседского мальчика Игоря звонкий голос
Раздался внезапно, где-то рядом со мной.
Сыновья мои не со мной, они далеко-далеко,
А я здесь, один в квартире пустой...

Амыр! Скажи, пожалуйста, маме своей,
Скажи ей: «Поедем к папе! Поедем домой!»
Расул! Издалека прокричи мне:
«Мы возвращаемся, жить будем дружно с тобой!»

Этих дней беспросветных беспокойная тяжесть,
Не забудется мною до самых седин!
Сыновья! В стихах отца останется горечь,
Где вы? Слышите ль крик мой из самых глубин?

1969 г.

СТИХИ О МАЛЬЧИКЕ АМЫРЕ

Поезд

В алтайский горный городок
Не ходят поезда.
Амыр увидеть их не мог
Нигде и никогда.

Ему привычен самолет,
Знаком автомобиль,
Который весело вперед
Летит, вздымая пыль...

Он в Бийск приехал в первый раз,
Вот перед ним – вокзал.
«Поедем в поезде сейчас!» –
Отец ему сказал.

Амыр вовсю глядит кругом,
Он вертит головой:
«Какой красивый длинный дом,
Зеленый и живой!»

Потом послышался гудок!
Амыр, хоть и храбрец,
В купе забился в уголок:
«Скажи скорей, отец,

Кто там гудит, кто там ревет?
Наверно, бык – дракон!
Кого на битву он зовет?
С кем драться хочет он?..»

И вот вершин в снегу седом
Давно уж не видать,
И далеко остался дом,
А в доме – брат и мать,

И только ёлочки одни
За поездом летят,
Должно быть, с мальчиком они
Расстаться не хотят...

В пути

В окне – поля, в окне – степной
Светло-зеленый мир...

Такого в стороне родной
Не видывал Амыр:
Какие ровные поля,
Какой большой простор!
Он раньше думал, что земля
Вся состоит из гор.

Он знал, что солнышко в дозор
Выходит из-за гор,
Оно выходит из-за гор
И прячется – среди гор...

Амыр к стеклу припал щекой
И думает опять:
«А здесь куда же, в дом какой
Уходит солнце спать?

Наверно, так заведено:
Дневной закончив путь,
В степи, как бабочка, оно
Садится отдохнуть.

В степи всю ночь горит оно,
Как яркая звезда,
И не бывает здесь темно,
Должно быть, никогда...»

А поезд мчится все вперед,
Летит, набрав разгон.
За поворотом поворот...
Быть может, это сон?

Но не во сне, а наяву
Который час подряд:
«В Москву, в Москву, скорей в Москву!» –
Колеса говорят...

В Москве

Летит Москвой, шуршит в листве
Прохладный ветерок.
Бегут машины по Москве,
Течет людской поток.

Амыр глядит по сторонам?
Как много пап и мам
Идут, спешат к своим домам,
К любимым малышам!

Амыр и сам спешит вперед,
Освоившись вполне.
– Вон черный дяденька идет,
Он улыбнулся мне!..

Шагает черный человек,
Весь черный, лишь одна
Улыбка, белая как снег,
Сверкающе ясна.
Он молод, строен и высок,
Он крепок и силен...

– Из жаркой Африки, сынок,
В Москву приехал он.
Москву-столицу знает мир,
Учиться едут к нам!..

Идет и слушает Амыр,
Глядит по сторонам.
И вдруг застыл в толпе людской,
Дыханье затая:
– Вон Мавзолей!
Точь-в-точь такой,
Как в книжке видел я!
Мы пол-Москвы прошли вдвоем,
А нынче, наконец,
Мы в гости к Ленину пойдем,
Не правда ли, отец?..

В метро

Москва сверкает под дождем,
Спешит умыться мир.
«А мы где дождик переждем?» –
Задумался Амыр.

И только так подумал он –
Отец сказал: «Смотри!»
Дом перед ними, ряд колонн
И яркий свет внутри.

Такие в сказках терема!
Вошел, ступил – и вот
Живая лестница сама
Под горку вниз плывет.

Другая – вверх, навстречу ей,
Ползет из недр земных,
И едет множество людей
На лестницах чудных.

В степи всю ночь горит оно,
Как яркая звезда,
И не бывает здесь темно,
Должно быть, никогда...»

А поезд мчится все вперед,
Летит, набрав разгон.
За поворотом поворот...
Быть может, это сон?

Но не во сне, а наяву
Который час подряд:
«В Москву, в Москву, скорей в Москву!» –
Колеса говорят...

В Москве

Летит Москвой, шуршит в листве
Прохладный ветерок.
Бегут машины по Москве,
Течет людской поток.

Амыр глядит по сторонам?
Как много пап и мам
Идут, спешат к своим домам,
К любимым малышам!

Амыр и сам спешит вперед,
Освоившись вполне.
– Вон черный дяденька идет,
Он улыбнулся мне!..

Шагает черный человек,
Весь черный, лишь одна
Улыбка, белая как снег,
Сверкающе ясна.
Он молод, строен и высок,
Он крепок и силен...

– Из жаркой Африки, сынок,
В Москву приехал он.
Москву-столицу знает мир,
Учиться едут к нам!..

Идет и слушает Амыр,
Глядит по сторонам.
И вдруг застыл в толпе людской,
Дыханье затая:
– Вон Мавзолей!
Точь-в-точь такой,
Как в книжке видел я!
Мы пол-Москвы прошли вдвоем,
А нынче, наконец,
Мы в гости к Ленину пойдем,
Не правда ли, отец?..

В метро

Москва сверкает под дождем,
Спешит умыться мир.
«А мы где дождик переждем?» –
Задумался Амыр.

И только так подумал он –
Отец сказал: «Смотри!»
Дом перед ними, ряд колонн
И яркий свет внутри.

Такие в сказках терема!
Вошел, ступил – и вот
Живая лестница сама
Под горку вниз плывет.

Другая – вверх, навстречу ей,
Ползет из недр земных,
И едет множество людей
На лестницах чудных.

Внизу – красиво и светло,
Внизу – в огнях перрон,
Тоннеля черное жерло
И рельсы с двух сторон.

Амыр подумал и узнал:
«Отец, а мы с тобой
Опять попали на вокзал,
Но только под землей!»

Вокзал подземный – как дворец,
Подходят поезда...
«Подземным поездом, отец,
Домой поедем, да?»

Глаза у мальчика блестят,
Отец в ответ: «Скорей
Садимся, едем в зоосад,
Посмотрим на зверей!»

Сидит Амыр, глядит в окно,
Глядит во все глаза.
...А там, вверху, небось, давно
Окончилась гроза.

Колеса весело поют,
Как в сказке, станции встают,
Огнями залиты,
Бегут навстречу поезда,
Но вот уж хочется туда,
Где солнце и цветы...

Полет

Душа невольно замерла
В груди, когда в полет,
Как оперенная стрела,
Рванулся самолет!

Как в старой сказке чародей,
Ты полетишь, Амыр!
Над головами всех людей
Ты полетишь, Амыр!

Над половиной всей страны
Ты полетишь, Амыр!
У самой, может быть, Луны
Ты полетишь, Амыр!

Сидит Амыр, глядит в окно,
К стеклу прижался лбом:
Уже из глаз давным-давно
Исчез аэродром.

Внизу видны издалека
Поселки, городки.
Как поезд, выгнулась река,
Машины – как жуки...

Но вот исчезли и они –
Дома, шоссе, река,
И за стеклом плывут одни
Седые облака.

«Смотри, отец, здесь все бело
И холодно на вид,
А там, внизу, сейчас тепло,
Там летний день стоит.

Согреты солнышком дома,
Деревья и река...
На лето прячется зима,
Должно быть в облака!»

Глядит Амыр – со всех сторон
Как будто снег вокруг.
И планетарий вспомнил он
Тут почему-то вдруг.

Такое ж сделал он и там
Открытие, точь-в-точь:

Не веря собственным глазам,
Он днем увидел – ночь!

...Зажгла равнины дальний край
Заката полоса.

И почему-то невзначай
Слипаются глаза.

Плывут в окошках облака,
И добрый самолет
Качает мальчика слегка
И песенку поет.

Амыр дома

Амыр объехал полземли,
Вернулся на Алтай,
К нему приятели пришли:
«Рассказывай давай!»

А у него – не по годам
Серьезный, важный вид.
«Я для начала вам задам
Задачу, – говорит. –
А ну, реши, кому не лень,
Подумай, кто охоч:
Когда сюда приходит день –
Куда уходит ночь?
Реши загадку, кто охоч,
Ответь, кому не лень:
Откуда к нам приходит ночь,
Когда уходит день?»

У мальчугана взгляд лукав,
Он продолжает, помолчав
Минуту или две:
«Не отгадать? Могу помочь,
Я видел сам, где днюет ночь –
Она живет в Москве.

И подтвердит вам папа мой,
Что это – не вранье.
Там с круглой крышей дом большой
Построен для нее.
И может запросто зайти,
Кто хочет, в гости к ней –
Взглянуть на звезды, на пути
Межзвездных кораблей.
Луна и звезды там живут,
Их видеть можно днем,
И планетарием зовут
Чудесный этот дом!
Мы были там, я видел сам,
Теперь узнайте вы,
Что вечерами звезды к нам
Приходят из Москвы!»

Ребят сомнение берет
От таких бесед:
Быть может, чуточку и врет
Их сверстник и сосед?
Но повидать волшебный дом
Так захотелось им...
«Еще немного подрастем –
Поедем, поглядим!»

ЧЕРНОМОРСКИЙ ДНЕВНИК

Под крылом Черноморья укрывшись,
Моего дорогого сына я глажу спину.
Сам себе вопросы задаю,
Сам себе на них я отвечаю:

Ты чей, сынок?
Я мамы любимый сын.
Ты чей, сынок?
Я папы золотой сын.

Ты чей, сынок?
Я бабушки драгоценный внук.

Любимый мой,
Маленький мой ребёнок,
Ты как ягнёнок,
Как маленький жеребёнок...

Откуда ты появился, сынок?
Из священного Алтая,
Из золотого Алтая...

Под крылом Черноморья укрывшись,
Любимого сына я глажу спину:

Ты чей, сынок?
Отца своего кровиночка...
Ты чей, сынок?
Мамы своей кровиночка...

1973 г.

ЛЮБОВЬ

Среди тысячи ягнят проворных
Золотой один ягненок – ты.
Среди тысячи аржанов' горных
Лишь один с водой целебной – ты.

Среди тысячи ярчайших красок
Самая сияющая – ты.
Среди тысячи волшебных сказок
Самая волнующая – ты.

Среди тысячи ценнейших кладов
Есть один бесценный – это ты.
Среди тысячи сильнейших ядов
Есть один смертельный – если ты

вдруг покинешь меня,
о, моя чудо-птица любви!

ДОМ, ГДЕ ОБРЕТАЮТ ДЕТЕЙ

Светаает. Начало дня.
Своими глазами бессонными
Родильный дом
Взглянул на меня:
«В такую рань
Не ходят гулять.
Наверное, что-то
Мне хочешь сказать?»

Я отвечаю ему без затей:
«Сыновья мои уже выросли,
Спасибо тебе за моих сыновей,
Дом, где обретают детей!»

Всеми своими окнами
Он на меня посмотрел:
«Да, теперь вижу я,
Как ты с тех пор постарел...
Зачем же пришел ты
Наверное, чего-то
Просить у меня ты хотел?»

«Дом, где обретают детей,
Перед тобою склоняюсь я,
Пусть здесь рождаются
Сыновей моих сыновья...»

Дом, где обретают детей,
Всеми окнами
Мне улыбнулся в ответ:
«Жди, – сказал он – когда-нибудь,
Явятся те, кого еще нет...»

* * *

Яна,
Моя новорожденная
Внучка,
Еще совсем маленькая,
Но меня уже
Узнает...

СЫНОВЬЯ

1.

У моего дяди –
Три сына.
Выросли сыновья,
Бросили дядю,
На три стороны
Разошлись.

Один – в пески Средней Азии,
Другой – в мерзлоту Оймякона,
А третий, я слышал,
Тут, на Алтае,
В ущельях, скалах таится.

В молодости мой дядя
Большим начальником был,
Большие посты занимал.
И потому-то его сыновья,
Не крутили, как я,
Хвосты отощавших коров,
На морозных пастбищах
Горных...
Никто из них
Не голодал, как я,
Не замерзал, не бегал
Босиком по зимнему снегу!

Никто из них
Не грыз костей коров,
Зарезанных волками,
Никто из них
Не ведал вкуса потрохов,
От голода издохших
Лошадей!

Дяде моему
Сейчас за восемьдесят лет.
Забыв отца,

Его три сына
Бродяжничают
В разных сторонах.

2.

Мне – за пятьдесят.
Я рано отца лишился.
Дважды лежал
Под ножом хирурга,
Множество раз болел,
Находясь на краю
Черной могилы.
Много в жизни работал.
Много искал,
Много терял...
Я устал, истекают силы,
Как звездочки, гаснут
Клетки мозга
Одна за одной...

У дяди моего
Три сына,
А он один
На белом свете.
А у меня...
У меня тоже
Три сына...

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА

На нашем озере любимом Золотом
(По правде-то оно – зелено-голубое)
В зеленый летний день на берегу крутом.
Однажды довелось нам встретиться с тобою.

И взгляд зеленых глаз вошел в меня иглой.
Зеленая волна двоила наши лица,
И, как волна, что вдруг раздвоена скалой,
Душа моя с тех пор мучительно двоится.

Как прежде, дорог мне домашний мой очаг,
Но дорога и ты – с зелеными глазами!
А сердце-то одно – не разделить никак,
И мучаюсь теперь я долгими часами.

Мне вспоминаются зеленые глаза,
Зеленый звездный свет и в этом свете – двое,
Зеленый блеск зарниц – далекая гроза,
И утро, наконец – зелено-золотое.

Я не пойму себя с собой наедине,
Раздвоенность моя мне душу разрывает.
Зеленые глаза ночами снятся мне,
Зеленая волна мне сердце оmyвает.

* * *

Проложил прокос в траве зеленой –
И, на землю колкую упав,
Жадно освежаюсь, утомленный,
Запахом шестидесяти трав.

Снова нет усталости, на свете
Смерти нет! Я вновь косить готов,
И не слышен мне в минуты эти
Тихий стон подкошенных цветов.

Вновь черпну воды в протоке,
У земли подмоги попрошу.
Каждый взмах косы – как вдох глубокий.
Я дышу-кошу. Кошу-дышу.

* * *

Странная ты женщина –
Меня к моей жене приревновала!
«При мне с женой
Под руку не ходи» – неласково сказала.

* * *

Всякий раз, Каярлык посещая родной,
Где когда-то я рос, где сегодня я гость,

Я тихонько спускаюсь на берег речной
И на память беру пестрых камешков горсть.

И когда загрущу в городской тесноте,
Вспоминая родню и соседских ребят,
Голосами знакомыми камешки те,
Голосами забытыми заговoryт.

* * *

В самых красивых туфлях на свете
Стройных ног твоих белый атлас.
Что там ветры-дожди для нас –
Если б навстречу шла ты сейчас...

Ты прекрасна, как солнце красное,
С ярким зонтом идешь как во сне,
Памятных встреч радостным голосом
Ты снова и снова слышишься мне...

Светлый ливень, пройдя перевалы,
Шепчет весне-невесте слова.
Жизни, солнцу, дождю удивляясь,
На могиле твоей шелестит трава...

КАЯРЛЫК-РЕКА

Помню я разливы твои,
Каярлык-река.
Едешь вброд верхом, и вода
Плещется до потника...

Нынче не выше конских копыт
Ты, Каярлык-река.
Куда ушли твои воды,
Отчего ты стала мелка?

Богатые кедром леса
Вырублены стоят.
Певучие речки в долине
Высохли, не журчат.

Где ты мой синий, тенистый лес?
Был ли ты, или нет...
Высохшего болотца
Мертвенно-желтый цвет.

Не видят все это мои земляки –
Привыкли они ко всему.
«Ты поэт, – мне они говорят –
Отвык, не живешь по уму...»

Это время, кровь и слезы –
Наша река Каярлык...
Сохнет река, стирается память,
Забывается древний язык...

МИНИАТЮРЫ

* * *

Любое слово мудреца –
Дар неба, данный для полёта.
Глупец любые словеса –
Как будто лепит из помёта.

* * *

Счастье упустив, я плакал.
Время мимоходом рассмеялось...
Счастье ухватив, я засмеялся,
Время мимоходом разрыдалось...

* * *

Горе-злосчастье разбудив,
Родственники принесли.
А остальные страдания
Соседушки добавили...

* * *

Травы живой на свете больше, чем людей,
Пойми, мой сын, ведь это истина земная.
Жизнь коротка, но радость жить сильней,
О горе позабыв, живи, добро и солнце зная!

* * *

В этом дивном мире все мы смертны,
Но ухода времени не знаем.
Оттого, что мы с тобой не вечны,
Первый снег так радостно встречаем...

* * *

Даже никудышный мужчина
Себе жену – найдёт.
Даже паршивая собака,
Если разозлить – куснёт...

* * *

Если глаза не видят –
Все твои речи без цвета.
Коль сердце никому не страдает –
В словах твоих нет ни тепла, ни света...

* * *

Плохая собака – для хозяина стыдоба,
Плохое седло – для скакуна стыдоба,
Плохая жена – для мужа стыдоба,
Плохой муж – для житья стыдоба...

* * *

Когда садишься на коня перед байгою²,
Узнай поближе норы скакуна.
Ввязавшись в спор, ищи такое слово,
В котором жилка каждая видна.

* * *

Если хочешь спросить, спроси, не стыдись,
Если что-то скрываешь – вот это стыдно.
Хочешь что-то сказать, скажи, не стыдись,
Если люди ругают тебя – вот это стыдно...

* * *

И века, и годы мимолетны,
Что поделать, человек не вечен.
Только кровь у человека вечна,
Смертен мир живой и быстротечен...

Родина есть у меня, баш болзын!
Есть сыновья у меня, баш болзын!

* * *

Высокое небо Луна освещает,
Родная земля освещает наш путь.
Наш малый народ, может быть, уничтожат,
Во все времена, Алтай наш, пребудь!

* * *

Находясь на собрание мудрецов,
Много раз не повторяй одно:
Если слово много повторять –
Загнивает, портится оно.

* * *

На закатном, на западном склоне кукушка,
Уходящие годы считая, кукует.
На восточном, на утреннем склоне кукушка,
Предстоящие годы считая, кукует...

* * *

Одни лишь камни да сухие пни
Знать в мире не хотят своей родни.

* * *

Небу, земле и солнцу будь благодарен ты
За семицветную радугу – сокровище красоты.
Народу будь благодарен, чья речь бессмертно жива:
Семьдесятю лучами лучатся его слова.

* * *

Сколько в небо не стреляй –
Не прострелишь, так и знай.

* * *

Отправляясь в жестокий бой,
Покидая родной Алтай,
Пулей грудь свою защищай,
Грудью – Родину защищай!

Слушай, сын мой:
 Как-то в путь пустился
Наш земляк – решил объехать свет.
И домой, объехав, воротился:
Ничего милей Алтая нет.

ИЗ «ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕТРАДИ»

РИЖСКОЕ ВЗМОРЬЕ

Светло-коричневый на берегу песок...
Летнее море манит к себе людей.
Сколько народу и как небосвод высок!
Тут и влюбленный лежит на песке, и книгочей.

Как хорошо! Горячего воздуха дрожь...
Но на душе тоска, поскольку Алтай далёк.
На загорелое женское тело похож
Светло-коричневый этот теплый песок...

Из тихого моря женщины вышли гуськом –
Пахнут соленым ветром, солнцем, песком.

НОЧНОЙ СИНГАПУР

Ночной Сингапур –
Многоцветное чудо,
Огонь,
Вырывающийся из-под спуда,
Взрезающий тьму
Удивительным клином
И в небо летящий
Огромным павлином!

Ночной Сингапур –
Это возле причала

Далекого рейса
Конец и начало...
Гудки пароходные,
Тише которых –
Судов караульных
Таинственный шорох.

Ночной Сингапур
На базары ночные
Кидает
Богатства свои неземные...
Тут столько народов
И столько наречий,
Что даже теряется
Сын человеческий!

Но с голосом «Сони»,
Как гиды – степенны,
Идут по базару
Японские иены, –
Пока не накроит их
Темною тучей
Волшебник и жадина –
Доллар могучий.

Ночной Сингапур
Говорит по-малайски,
А то по-английски,
А то по-китайски...
Меж «здесь» или «там»
Он метаньями занят.
И этот, и тот
Берега его манят.
Он в Азии Юго-Восточной
Шаманит –
Ночной Сингапур...

*г. Сингапур, 1981. Год курицы.
Месяц Зимней косули*

ТРИ ОБЕЗЬЯНЫ

Три обезьяны в разных позах
У входа в храм «Никко» застыли...
Они теряются в вопросах
О человеческом бессилье.

Одна глаза свои закрыла,
Чтоб боль людскую не видали,
Другая – уши: ей постыла
Тьма человеческой печали.

А третья, губы сжав упрямо,
Рукой закрыла их сурово:
– Не быть свидетельницей срама,
Не говорить о нем ни слова!

...В японском небе – большекрылы,
Вселяя страх в людские соты,
Исполненные грозной силы,
Гудят над нами самолеты.

А по немыслимым просторам,
Где холодно и бесприютно,
Стирая даль железным взором,
Военное несется судно.

И я подумал: далеко ли
От пращуров своих – потомки?
Да! Мы такой секрет открыли,
Что Жизнь идет по смертной кромке.

Да! Страшной мощью осиянны,
Мы можем вмиг взорвать планету.
Но распознавши тайну эту,
Ты стал ли старше обезьяны?

* * *

Чайки!.. Слушаю их
Бесконечные крики.
Он велик, но не тих –
Тихий, или Великий.
Только волны кругом...
Чайки, где же ваш дом?

В море – не на земле:
Ни холма, ни тропинки.
В небе, как в пиале,
Чайки, словно чаинки.
Не поймет человек:
Где их дом? Где ночлег?

*Тихий океан. 1981. Год Курицы.
Месяц Укорачивания света.*

ПЕСНИ ЯПОНСКОЙ ДЕВУШКИ

Резво автобус туристский бежит,
Песню запела нам девушка-гид.
В лад мановениям нежной руки
Пляшут в глазах у нее светлячки.

Чудо-автобус: все блага внутри!
Есть телевизор – включай и смотри.
Предпочитаете магнитофон?
Можно врубить: наготове и он.

Только милее всего нам живой
Голос, японская девушка, твой!
Пой и сомненья мои разреши:
Это – по службе? Иль – от души?

Что бы там ни было – верится мне:
В вашей стране, как и в нашей стране,
Песне противны притворство и ложь!
...Где ты сейчас? Для кого ты поешь?

ДЕТИ ВЬЕТНАМА

Ребята Южного Вьетнама,
Где «ма» простое значит «мама»!
Все мнится: отблески войны
У них в зрачках отражены.
Вы нас повсюду окружали,
Вы нас повсюду провожали,
Иголочками острых глаз
Как бы ощупывая нас.
Мы к вам с улыбкой нагибались –
И вы ответно улыбались,
И я захлестнут был такой
Любовью, жалостью, тоской!..
Знал:

 вы слышали в колыбели,
Как бомбы выли, пули пели,
Как бой гремел, и неспроста
Здесь каждый пятый – сирота.
А жизнь трудна еще и ныне,
И до сих пор из вас иные
Привычны спать, встречать рассвет
Не в клочьях тряпок и газет.
Еще едите вы не сладко,
Еще к заплатке льнет
 заплата,
Но труд уже вам по плечу,
И я о жалости – молчу.
Никто не хнычет здесь, не плачет:
Тот месит глину,
 тот рыбачит,
Тот нянчит младшего,
 а тот,
Как взрослый,
 улицу метет.
Волна речная у причала
Большую лодку раскачала,
Полно на лодке детворы.

Над лодкой весла ввысь
 воздеты.
И мы любуемся: надеты
Кувшины дивной красоты
На весла,
 Словно на шесты.
Блещат кувшины
 в ярком свете,
Их на еду меняют дети.
Еда бедна, еда скудна,
Но так сегодня им нужна!..
Ах, прихватить бы
 из России
Буханки добрые, простые,
И сразу всем
 раздать бы, но...
Всем не хватило б все равно.
Всем по рубашке
 привезти бы –
Всем, просто так, не за «спасибо»,
Присесть на камень,
 посмотреть,
Глаза украдкой утереть.
На редкость вдоволь
 наглядеться,
Как будто
 собственное детство
Слезами взрослыми омыть
И приодеть, и накормить...

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

СВОБОДА

Свобода!
Сегодня –
 Девятое мая,
Сегодня –
 в разгаре весна,
И счастливы люди,
 ее узнавая:
Свобода!
Все это – она!
Свобода!
По влажным долинам,
 по склонам
Деревья шагают
 гурьбой.
Свобода!
С тобой хорошо
 и светло нам
С тобой!
Свобода!
Коровы на пастбище горном
Лежат, раздувая бока,
Толпятся ягнята на
 склоне узорном,
Как маленькие
 облака.
Свобода!
Бьет сильными
 крыльями птица
Над самой моей
 Головой.
На синем небесном
 Сверкающем ситце
Она –
 как рисунок живой.

Свобода!
И даже червяк
пропыленный,
И мышка из темной
Норы
Приветствуют мир
Золотой и зеленый
По правилам
Древней игры.
Свобода!
Огромное небо
сияет,
Ручей, пробегая,
поет,
Сегодня
Никто ни в кого
не стреляет,
Никто никого
Не убьет.
Сегодня патроны и ружья
забыты,
Забыты – и дело
с концом.
Ты – правда сама,
Ты – живому защита,
Свобода
С весенним лицом!
И сам я
Прилег у реки на песочке,
на светлой его чистоте,
Подобный
Едва народившейся
строчке
На чистом бумажном
листе.
И доброе солнце
Глядит с небосвода,

Катясь по нему
колесом...

Свобода, свобода,
Богиня-свобода!
Дыханье Свободы –
Во всем!

СТИХИ О ТОМ, КАК Я УЧИЛСЯ ГОВОРИТЬ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Я знаю вкус алтайского языка
С белого материнского молока.

Родной язык!
Родной язык!
Алтайский мой глагол –
Земля живых созвучий и соцветий!
Я здесь искал,
И слово здесь нашел,
И выдохнул единственной на свете.

Я знаю свет алтайского языка
С пламени отчего очага.

Я понемногу набирался слов
От всех гостей в родительском аиле,
И равно слушал мудрых и глупцов,
Но мне не только люди говорили.

Я знаю плоть алтайского языка
От беркута, волка и от быка.

И запах дыма – слово для меня,
И летних пастбищ прозелень сквозная,
И хрип и пот алтайского коня,
И тяжкий стон предвечного Алтая.

Я знаю боль алтайского языка
С белого материнского молока.

Я с волком по-алтайски выл в горах!
Коровы обреченное мычанье
Я понимал, не зная слова страх,
Утрата, горе, голод и молчанье.

Я знаю высь алтайского языка –
Вечные горы... Белые облака...

Мне по-алтайски шепчет горный снег,
И мощный кедр – над озером глаголет,
Трава и камень, зверь и человек,
И журавли, плывущие в раздолье.

Хочу я, чтоб моя строка
Постигла глубь алтайского языка.

Он шире слов, древнее умных книг,
Он свет и счастье нищенского детства,
Богатство неразменное – язык,
Завещанное предками в наследство!

СТИХИ О ТОМ, КАК Я УЧИЛСЯ ГОВОРИТЬ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Отнюдь не красота его, не сила
Смогли меня в те годы покорить:
Война и голод – вот что побудило
На русском языке заговорить.

Былое время не вернется снова,
Иные зори светят впереди...
Но первого освоенного слова
Я не забыл – оно в моей груди.

Я помню, как зимой на тощей кляче
В наш позабытый богом Каярлык
С излишком урожая, – не иначе, –
Привез мешок картофеля мужик.

Сменять его на мясо предлагая,
Он по аилам день бродил, другой,
В глубокие сугробы увязая,
Своею деревянною ногой.

Забрел и к нам. Но мяса мы и сами
Не видели. Забившись в уголок,
Глядели мы голодными глазами
На занесенный в комнату мешок.

Невыносимо дуло из окошка,
На улице свирепствовал мороз...
– Дай! – произнес я. –
– Дай, Иван, картошка.
– Дай! – я опять по-русски произнес!

Я сам не понимаю, как, откуда
Оно ко мне явилось, слово «дай».
Но не было здесь никакого чуда –
Была война и бедствовал Алтай.

– Да, братец мой, с тобой не заскучаешь, –
Вздыхнул Иван. Бери картошку, что ж.
Коль слово «дай» сейчас ты понимаешь,
То и другие вскорости поймешь.

...Былое время не вернется снова.
Иные зори светят впереди,
Но слово «дай» святое это слово
Я не забыл – оно в моей груди.

Превыше всех я ставлю слово это,
Хотя немало слов других постиг.
– Дай опыта, Иван! Дай света,
Дай мудрости твоих хороших книг!

Какие нам теперь открыты дали!
Давно уж мы не бедствуем, и все ж...
– Дай! – я шепчу, заглядывая в Даля.
– Бери, – он говорит, но долг вернешь.

Нет без России Горного Алтая.
Навеки с Русью связан милый край.
И Пушкина в волнении листая,
Шепчу я вновь святое слово «дай»!

Мой друг Иван! Пока синеют реки,
Я в неоплатном у тебя долгу.
Я столько взял, что может быть, во веки
С тобою рассчитаться не смогу.

ОП-КУРУЙ

Оп-куруй,
Оп-куруй!

Если б снова на свет я родился,
На земле
С этим солнцем её и луной, –
Что бы было со мной?
Что бы было со мной?

Оп-куруй,
Оп-куруй!

Если б вновь на земле я родился.
Под луною и солнцем,
На Каспии
Или
Чёрном море,
Чья кровь мне была бы дана
И какие края?
На каком языке говорил –
«мой отец», «мать моя»?
Чтил бы дух Руставели?
Гордился бы славой Шамиля?
Оп-куруй,
Оп-куруй!

Если б вновь на земле я родился,
С этим солнцем и небом,

Многоглавый Кавказ
Мне б, наверное, родиной не был.

Я б в Березовке, где-то родился...
А лучше бы выбрать Москву.
Не Катунь – голубая река, –
Расплескав синеву,
Сквозь меня протекла,
А к Каспию медленно воды,
Омывая мне сердце,
Могучая Волга несла.
И как малым моим –
Я б гордился великим народом.

Оп-куруй,
Оп-куруй!

Если б вновь на земле я родился,
С ее солнцем и этой травой,
То родился бы в южном,
А, может быть, в северном штате.
Нет, в Нью-Йорке родиться –
Пожалуй, мне более кстати,
В небоскребе, который
Квадратною головой
Упирается в небо,
Сидел бы я у окна.
И кто знает,
Может, моя только подпись одна
В трепет мир приводила...
А может быть, лишь у подножья его,
Небоскреба роскошного, стоя,
Просил бы работу,
Негр ли, белый ли раб,
Ждал, надеясь на что-то,
Все готовый продать:
Совесть, честь
И себя самого.

Оп-куруй,
Оп-куруй!

Если б снова на свет мне родиться,
На земле
С этим солнцем ее и луной,
И не в Горном Алтае,
А там – за Великой стеной
(что на ум не взбредет).
Был бы рикшей, страдавшим жестоко.
Или наоборот –
Я б считал себя солнцем Востока,
Бесконечно уверовав,
Что всетворящий создал
Нас и прочие расы.
Так пусть же нуждаются в хлебе.
Пусть живут, прозябая, –
Меня бы не трогал их жребий.
Что другие народы мне?
Я б, словно бог, восседал.
Мы – создатели пороха,
Мы всех живущих древнее,
Нас всех больше,
Мы – выше...
Иное смешно утверждать.
Разбирайте оружие,
И – побеждать, побеждать...
Остальная земля
Все равно, что бы ни было с нею.

Нет, куруй,
Нет, куруй!

Мне опять никогда не родиться
На земле
С этим солнцем ее и луной.
Не привлечь меня счастьем иным,
Никакою иною страной.
Лучше буду язычником.
Вещий огонь,
Осени собой сына.
Я тепло твое славлю,

Я славлю седые вершины,
Кедры синих долин.
Славлю мудрую древнюю суть.
И твой конус,
Горе уподобленный,
Юрта простая.
Белым солнцем
И белой луной
Осенья мой путь,
Буду жить в вечном лоне
Подобного богу Алтая.

Оп-куруй,
Оп-куруй,
Оп-куруй!

Пусть заветная песня моя
В ранний час,
Как проснутся мои сыновья,
По эфирной волне,
На крылатых страницах газеты взлетая,
На закате достигнет горы Каярлык,
Где живет один добрый пастух.
Пусть мой стих его душу ласкает.
Пусть мой стих усладит его слух,
Оп-куруй, мой бесхитростный стих,
Оп-куруй, речь и слово Алтая!

Оп-куруй,
Оп-куруй!

Сердцем,
Мозгом
И даже усилием спинного хребта
Укрепи свою душу.
Трудись!
Черным хлебом работы
Не побрезгуй,
Легко не дается душе высота.
Да не втянет тебя яма пропасти...

Чувство полета,
Высота,
Устремленным к тебе, как надежду даруй.
Растворись! – стучу в двери твои.

Оп-куруй,
Оп-куруй!
Оп-куруй!

Слово чистое, словно весенний цветок.
Это слово правдиво,
Как суровость седых матерей.
Полнокровный на диво,
О, язык моих предков,
О, голос далеких веков!
Как трава, пробивайся
Сквозь толщу иных языков,
О природе пропой, о земле моей,
Завороженный Алтаем,
Расскажи, что мы строим,
Что любим, живем и рожаем,
Как завещано, скот свой пасем,
И по-прежнему так же бело молоко.
Чуток слух,
И глаза наши узкие
Видят лучше, чем встарь, – далеко.

Оп-куруй,
Оп-куруй!

Сердце, молодо будь,
Молодым отправляйся в путь, слово.
Заворожено дивным и властным
Неведомым зовом.
Мое слово и сердце моё,
В тяжкий час вы моих сыновей
Поддержите.
Да будет им светлой и ясной дорога!
Встаньте, слово и сердце,
Как страж, у порога
И аила родного
И мощной державы моей!

БЕЛАЯ КОСУЛЯ

*«Белая косуля³ мчится
к нам по свету»*

Скалы обегая,
горы огибая,
брод одолевая,
к нам она стремится,
росы рассыпая
на луга Алтая –
белая косуля,
млечная зарница.
Бело-голубое, –
к нам явилось утро
и, меня приветив,
как родного брата,
осветило юрту –
душу полонило,
потому, наверно,
что оно мне радо.
Знаю – будет грустно
в сероватый вечер
оттого, что утро
с нами растается.
Знаю – будет снова
радостная встреча:
белая косуля
снова к нам вернется!..

ГЛЯЖУ НА КОЛДОВСТВО

Мерцает бледный лик
полночного светила:
Безмолвны, величавы
пики древних гор.
На скалах –
будто кто пролил на них
чернила –

синеет колдовской,
загадочный узор.

Гляжу на колдовство
и звукам ночи внемлю.
Не там ли тайны тайн
вселенской маяты?
Там стынут ледники,
там дебри чутко дремлют –
они о счастье грезят
или ждут беды?..
Природу и меня
от века разделяла.
Загадка.
Но ее – не разгадать
вовек!
А если б этой тайны
не существовало. –
Как мог бы Человеком
зваться человек?..

БРАТЯ ЗАВОЛОКИНЫ

Веселые, задорные, высокие,
Откуда это чудо – Заволокины?
Из недр Сибири снежной появились,
Крылатой песней в душах воплотились.

Среди вершин с туманной поволокою
Поют с экрана братья Заволокины.
Поют родное, светлое, хорошее,
И в летний зной, и зимнею порошею.

В руках их балалайка и гармонь,
Тоска-страданье или пляс-огонь.
В стране огромной и родной Сибири
Они сердца людские покорили.

В сибирских просторах, в березовых рощах,
Их русские души с их песенной мощью
Забытую силу певучей гармонии
Вернули источником новых гармоний.

Слышу Заволокиных песенный огонь,
Так и тянет самого в руки взять гармони.
Но с надеждой тихою на топшур⁴ гляжу,
И в алтайском пении тайну нахожу.

* * *

Не изменяясь, течет вода,
С заката и до восхода.
Только что умер друг у меня –
Не изменилась природа.

Не изменяясь, течет вода,
Солнцем в волнах играя!
Цветут цветы, бегут облака,
Смерти не понимая.

Смерть не удержит бегущую жизнь –
Она кипит, расцветая.
Вслед за счастьем приходит печаль,
Что-то в нас изменяя...

Ветер зеленой листвою шелестит,
Ветер землю вращает,
И лишь человеку горестна весть,
Что близкий его умирает...

1975 г.

КОГДА Б Я ПТИЧИЙ ЗНАЛ ЯЗЫК

Когда б я птичий знал язык,
Мою печаль я им сказал.
На свете, думать я привык,
Вначале птаху Бог создал.

А птицы жалобы мои
Несли бы ввысь, до слуха Бога,
Вернувшись с вестью для земли,
Спасли б меня в пути-дороге.

Когда б я птичий знал язык,
Я, может быть, забыл печали,
Как птицы ждал рассвета миг,
Мы б вместе с ними распевали...

* * *

Иногда мне кажется,
Я – Эйзенштейн!
А в другой раз чувствую,
Я – Эйнштейн!

И потому еженощно и вечно,
Ищу чего-то, тружусь!
В стремлении открыть что-то новое,
Не находя отгадки,
Отчаиваюсь, сержусь!

Но все равно
Работаю, работаю
Не покладая рук,
Потому, что чувствую в себе
Эйзенштейна,
А в иной миг
Эйнштейна дух!

Кто такие
Эйнштейн, Эйзенштейн?
Не различая,
Путаю созвучные имена.
Мне все равно –
Я ищу, я работаю,
Как и они
В свои времена.

Ни Эйнштейном,
Ни Эйзенштейном –
Я хочу быть иным,
Хочу не терять
Очаг свой родной
И юрты алтайской дым!
Жажду остаться
Поэтом алтайским,
Славить алтайских коней,
Коней, что несутся
Как будто в небо –
Мчатся мысли быстрее!

Нет, дорогие мои товарищи –
Эйнштейн, Эйзенштейн,
Буду всегда я
Учиться у Вас
Устранению ненужного,
Разрушению старых стен!
Без передышки
Буду работать, трудиться,
Найдя что-то новое,
Раскрою на это глаза людей.
А нет – на себя лишь буду сердиться –
В воздухе много новых идей!

Отчаянья миг работой развеян,
Заново надо браться за дело
Как Эйзенштейн и Эйнштейн!

И оставаться при этом
Алтайцем –
Табунщиком и поэтом!

ОТКРЫТЫЙ ВЕТРАМ

Сколько людей, столько лучей –
Прожекторы глаз меня освещают.
Что хорошо, что плохо во мне –
Свет этих глаз до пылинки являет.

Стою, открытый ветрам и времени,
Как и прежде, без страха стою,
От своей земли, своего рода-племени,
Буду петь по-алтайски – хоть в аду, хоть в раю!

* * *

– Фейербах, кто он такой?! –
Спросили ученики
У учительницы молодой...

– Фейербах, кто он такой?! –
Учительница удивилась –
Вопрос этот очень простой.

– Фейербах, кто он такой?! –
Навсегда запомните, дети,
Фейербах был учитель большой,
Самого Карла Маркса учитель.
Запишите это в свои тетрадки,
Запомните это своей головой!

– Разве может учитель быть
У великого Карла Маркса? –
Ученик упрямо спросил –
Есть чему удивляться.

– А Фейербах – кто он такой?! –
Нет ли в этом вопросе
Намека, подначки какой?
Учительница молодая,
Краснея и закипая,
Всмотрелась в ученика –
Упрямца, озорника.

– Я объяснила вам, дети,
Что Фейербах, учитель Маркса,
Величайший учитель на свете!

Но из класса один из детей
Тянет ручонку с места:

– А я считал учителем учителей
Маркса, автора манифеста...

– А Фейербах, кто он такой?! –
Сердито сверкнув очками,
С дрожащей нижней губой,
Дробно стуча каблуками,
Из класса исчезла учительница,
Измученная учениками.

– Давайте теперь подумаем сами –
Кто он такой – Фейербах?! –
Сами пошевелим мозгами! –
Класс загудел, как улей.
Маркс, Фейербах, кто учил и как,
Слова полетели, как пули.

– Кто Фейербах и Маркс это кто? –
В споре узнать, познать их ученья –
В классе творилось черт знает что...
Откуда повеял ветер свободы?
Могло ли случиться такое
В тридцатые и другие годы?

* * *

Куда спешим, чего желаем?
Хорошей жизни, а чего еще...
Порой друг другу жить мешаем,
Беря хорошее в расчет...

Все так и нет другой причины.
Кто скажет, как нам лучше жить?
Жизнь проживаем лишь наполовину,
Как трудно жить – и человеком быть.

РАСКИНУВШИ РУКИ, ЛЕЖУ НА ЗЕМЛЕ

Раскинувши руки, лежу на земле.
Синее небо стоит надо мной.
Счастье мое – там, в вышине,
В куполе неба, в лазури живой.

Если взлечу высоко над землей,
Меня не коснется зависть людская.
Я из тех, кто вдыхает небесную синь,
Душою в небесные выси взлетая.

Раскинувши руки, лежу на земле.
Бескрайнее небо так высоко.
Деревья шумя, летят надо мной,
Алтай затихает внизу далеко...

Небо деревья к себе призывает –
Деревья с земли в небеса улетают.

Раскинувши руки, лежу на земле.
Синее небо летит надо мной.
Голуби плещутся в вышине,
Ниже – кружится бабочек рой.

Раскинувши руки, лежу на земле.
Небесная синь поёт надо мной.
Небо широкое, небо свободное,
То коснется земли, то дразнит высотой.

Там счастье мое. Туда я хочу улететь.
На печальную землю свою, вспоминая, смотреть...

* * *

Птиц, цветы, воду, землю,
Детей этого горе-времени –
Кто в будущем их защитит?

Как, мой сын, уберечься
От порока собственной жадности?

Не жаль мне себя, мой сынок,
Жаль, не знаю, как в будущем защитить:
Землю-воду, птиц и зверей
И детей, и детей, и детей...

ЖЕРЕБЕНОК

1.

Вслед за кобылой бежал
Маленький жеребенок...
Огненный язычок,
Ветра задорный вихрёнок!

В город впервые попал он,
В шумный, кипящий котлище,
Темно-вишневым глазом косил
В шалой толпы глазища.

Дрожал и к боку матери жался,
Его глаза летали, как птицы,
Гулким потоком машин смущен...
Робко и чутко звенели копытца.

Ах, жеребенок, мячик тугой,
Мальчик шустрый и озорной!
Капелька ртути живой,
Звездочка новая над землей!

2.

Хозяин их обоих привел
В базара шумную, пьяную чадь.
Радостно к маме прильнув губами
Жеребенок начал соски сосать...

Как возрадовалась кобылица
Ласково нежа сына своего!
Не знал он, что это прощальная ласка
Радость последняя для него...

Хозяин хмурый и косоглазый,
Жадно считая монету звонкую,
Вору, цыгану-бородачу
Продад маленького жеребенка!

Тонко плача вскричал жеребенок –
Глухо плача, ушла кобылица...
Падали капельки молока
Чтобы в пыль дорожную вбиться.

Хозяин часто плеткою взмахивал,
В бока вбивая злость и досаду.
Торопил кобылицу в дорогу обратную...
Туда, где закат обронил прохладу..

ЖАРКИЙ РЁВ

Осень... Вдруг в горах
Самец-куран заревел.
Будто сильный удар по мячу
Или солнечный шар полетел –

Жаркий рёв крутанулся,
Ударяясь о горы,
Несется вдаль!
Это эхо живое,
Круглое и крутое,
В сердце чистое
Больно вбивает
Печаль!

ЗИМНЯЯ СТЕПЬ

Голая снежная степь.
Для посоха деревца нет.
Боже, что же мне делать?
Медленно меркнет свет.

Голая снежная степь.
Где люди, дороги-пути?
Боже, что же мне делать?
Встать, сделать шаг, идти...

Но, чтобы подняться и встать –
Посоха нет у меня,
Чтоб опереться и встать
Нет у гор у меня...

НОЧНАЯ СОВА

Темь. Хоть бы одна звезда.
Небо с землею сплелось.
Глушь. Ночь. Пустота.

Ни души. Одиноко еду я на коне.
На моем лице дыхание тумана,
Горы стонут, склоняясь ко мне...

Бездонная ночь. Но вдруг
Тело мое пронзил
Крик полночной совы,
Все оборвалось внутри:

У-уп, у-уп – умри, умри!
У-уп, у-уп... умри, умри!
Ты – умри,
Ты – умри!

Вздрагнул всем телом,
Потом холодным взмок,
Черт побери!

У-уп, у-уп...
У-уп, у-уп...
Умри, умри,
Ты – умри
Ты – умри!

Может быть, то
Не ночная сова,
А голосом диким ее
От одиночества, страха
В груди
Вскрикнуло
Сердце мое?!

* * *

Не завидуй штанам,
Что носит мудрец,
Такие штаны,
Может быть, когда-нибудь,
И ты себе найдешь...

Не завидуй коню,
На котором ездит мудрец,
Такого коня,
Может быть, когда-нибудь,
И ты себе найдешь...

В ГОРАХ

Я на гору взобрался.
«Э - э - эй!» – прокричал.
Горы вокруг улыбнулись.
«Э, глупец...» – голос мне отвечал.

Весело глядя с вершины,
«О, Алтай мой!» – я восклицал.
Эхо ответило сразу –
«Эх, и глупый...» – кто-то сказал.

«О, Небо» – шептал я,
К небу лицо поднимая,
«Боже мой» – я взмолился,
Шапку свою снимая.

«Умереть не хочу, помогите...»
Я всей душой умолял...
«Границы Смерти всегда открыты» –
Голос свыше я услышал...

* * *

В сердце твоём,
В глубине,
В черной пропасти
Желтый дух
Тебя вечно
Ждет.

На гору тебя
Не поднимает он,
Но в черную пропасть
Столкнет.

Бойся себя –
Ты сам своя пропасть,
А желтый дух
В твоём сердце
Малейшей ошибки
Ждет.

* * *

Ты проснулось...
Я тоже проснулся!
Здравствуй, новое утро!
Ты откуда пришло-возвратилось?

Из-за гребня горы,
По старой дороге
Тяжело поднимается
Вешнее солнце...

А внутри меня –
Черная-черная
Ночь...

Сколько дней,
Сколько лет,
Враждует со мною неправда,
Мстит мне бегущая жизнь...

Устало и почернело
Сердце моё.

Ты проснулось...
Здравствуй, новое утро!
На встречу со мною
Ты так спешило.

Прости и прощай,
Последнее утро моё...

* * *

Ночь. Сохнет кровь. Воды бы, воды...
Тяжко в груди. Сердце болит.
Ветер осенний в саду плачет-рыдает.
Мой старый сад стонет, шумит...

Яблоки падают, глухо бьются о землю.
Сердце вот-вот сорвется, яблоком упадет!
Боже, как загнанный конь, я дышу с перерывами,
Темень вокруг – утро не скоро придет...

ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ – ОСЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Пережившие лето цветы весны
В звезды осени превратились.
Собираясь по слову, стихи мои,
В книгу новую воплотились.

Книги мира – одну за одной
Библиотека в себя вбирает.
Ищущий Правду в жизни земной,
Может, книгу мою прочитает.

Хотел сказать я строками стихов
Жизни дыхания, весну цветов.
Мысли менялись, меня изменяя,
Шел я тяжелой дорогой слов.

Годы идут. Все ближе старость...
Полвека уже на моих плечах.
Учусь писать, забывая усталость,
А тайна вся – в обычных словах.

«Цветок весны – осенняя звезда» –
Мне эта осень открывает снова.
Свет этих звезд отыщете в стихах –
А книга новая моя для вас готова.

* * *

Сердце моё, кому ты завидуешь? –
Сердце своё я спросил без затей.
Да, я завидую! Сильно завидую! –
Сердце в груди забилося сильнее.

Как я завидую людям ленивым,
Их сердца не болят никогда,
Не рвутся к свободе, не рвутся к новому...
Не рвутся обвисшие провода!

ОГОНЬ ВНУТРИ ОГНЯ

Огонь, огонь внутри огня,
А мой огонь внутри меня.
Когда б был весь я из огня,
То ни беда, и не чума,
Ни голод, ни алчба,
Ни проклинаящая тьма,
Ни тайная волшба,
Не защитили б свет души,
Не превратили б в черный прах,
И не коснулись бы меня –
Когда б был весь я из огня.

Ах! Ай-Ай!
Какая девушка, какие глаза!
Походка легка, как летящий платок!
Ах! Ай-Ай!
Молода она, горяча, жарка,
Словно пламени лепесток!

Отражая глазами огни Москвы,
Вот проходит она. Красота!
Не знает она цвет альпийских лугов,
Высокогорные наши места.

Дорогая, поедem на мой Алтай?
Будешь мчать на лихом скакуне,
Крыльями ресниц не стреляй,
Будешь потом скучать обо мне...

Не хочу я ехать на твой Алтай,
Не хочу я падать с лихого коня,
Не хочу никогда покидать я Москву –
Станет скучно ей без меня!

Ха-ха-ха! – смеется она надо мной,
Белоснежной улыбкой меня пленя,
Лучше ты оставайся в Москве со мной,
Брось Алтай свой ради меня!

Ах! Ай-Ай!
Как шагает она, словно плывет!
Алтай! Алтай мой, Алтай!
Меж двух любовей стою...
Этот выбор с ума сведет!

ШАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Я собак пугать люблю,
Чтоб залаяли в испуге...
То на хвост я наступаю
Мирно дремлющей гадюке!

Я нередко с отчих мест
Устремляюсь на чужбину.
А чужбина надоест,
Убегу – и ветер в спину!

Во родную сторону
Ворочусь, как полоумный:
Пыль с одежды отряхну,
Посижу в тени бесшумной...

А потом напьюсь воды –
И опять собак пугаю!
И на черные хвосты
Спящим змеям наступаю...

ЛЕЧУ

Наш самолет куда-то на восток
Летит, и месяц следует за нами.
Как на земле когда-то мой щенок
Бежал по первопутку за санями.

Наш самолет летит в краю ночном,
Где облака на высях гор уснули,
Где звезды, словно белые косули,
Вприпрыжку пролетают за окном.

Но вот уже рассвет едва-едва
Ночную темень высветляет с края,
И зреют в глубине души слова
В честь там внизу застывшего Алтая.

И, кажется, нет горестей былых,
Нет неудач, и давних и последних,
Ничтожны споры наши, зависть, сплетни.
Я на семь тысяч метров выше их.

Печали нет и нет земных забот.
Лишь мерный гул турбин сейчас я слышу,

Парит высоко в небе самолет,
Душа моя парит намного выше.

Летим мы вдаль, и нет иных дорог,
И бледный месяц мчится вслед за нами.
Так на земле когда-то мой щенок
Бежал по первопутку за санями.

ПЛАЧ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Жил в дали я от бранных полей,
И хоть пули в меня не попали,
Все же был я одним из детей
Той великой войны и печали.

Уходили мужчины в тот год.
Вскоре многих и вовсе не стало.
Жизнь сурово брала в оборот
И оставшихся: старых да малых.

И любовь, что меня обожгла,
В те военные дни на Алтае,
Без сомнения первой была.
А любовью была ли? Не знаю!

Но поныне я помню слова,
Что в холодные ночи украдкой
Мне, мальчишке, шептала вдова –
Умудренная горем солдатка.

Кто и не был на этой войне,
Всех война не жалела нимало,
И в великом всеобщем огне
Гибло детство и юность сгорала.

И любовь, что любовью была ль.
Не забылась, хотя миновалась.
И тогдашняя наша печаль
Так печалью моей и осталась.

Та солдатка была молода,
Был я мальчик, что было, то было,
И коса, что чернела тогда.
Что, наверно, теперь уж седа,
Будто снова мне горло сдавила.

И поныне во мраке ночном,
Озаренном стыдливой любовью,
На плече полудетском моем
Плачет женщина громко, по-вдови.

ЛЮБОВЬ

Среди тысячи ягнят
Ты – овечка золотая,
Среди речек, что журчат,
Ты – моя вода живая.
Среди всех цветов живых –
Ты – цветок других
красивей.

Среди сказок всех моих
Ты одна иных правдивей.
Тысячи огней горят,
Ты – огонь, во мне
горящий.
Ты – мой самый сладкий яд.
Наповал меня разящий.

ДВЕ ПЕСНИ О ЛЮБВИ

1. Письмо с песней девушки

Пиала, с голову гуся величиною –
Сейчас это чернильница моя.
Который день я думами с тобою –
Пишу тебе, тоску свою тая.

Который день я думами с тобою –
Пишу тебе, тоску свою тая.

Из ранки в пальце высосана кровь –
Сейчас это чернильница моя.
И день, и ночь я думами с тобой
Пишу тебе, печаль свою тая.

И день и ночь я думами с тобой
Пишу тебе. Печаль свою тая.

О, друг мой, нежный и далекий,
Когда же свой ответ ты мне пришлешь?
Когда через дожди, снега, туманы,
Ко мне приехать время ты найдешь?

Когда через дожди, снега, туманы,
Ко мне приехать время ты найдешь?

2. Письмо с песней юноши

Кольцо, что подарил тебе на память,
Быть может, черной патиной покрылось?
О том, что не вернусь к тебе с чужбины
Быть может, ворожит оно тебе,
Быть может, ворожит оно тебе?

Пушистый кедр, растущий у аила
Быть может, стал желтеть и засыхать?
Того, что не вернусь к тебе с чужбины,
Хотя бы раз почувствовала ты,
Хотя бы раз почувствовала ты?

Кольцо, что подарил тебе на память,
Не может черной патиной покрыться,
Слова, что я сказал перед отъездом,
Не могут измениться никогда,
Не могут измениться никогда...

Пушистый кедр, растущий у аила,
Не может пожелтеть или засохнуть...

Слова, что я сказал тебе от сердца,
Не могут позабыться никогда,
Не могут позабыться никогда...

Когда весна наступит на Алтае,
Когда деревья вновь зазеленеют,
Весь белый скот довольным, сытым станет,
Весь белый скот довольным, жирным станет...

Мой рыжий конь, сверкающий на солнце,
Перед твоею коновязью встанет.
А сам я и здоровый, и веселый,
С улыбкою перед тобою встану,
С улыбкою перед тобою встану...

* * *

Алтай, Алтай – Кан-Алтай,
На краю ль ты последнего века стоишь?!
Народ мой, живи – страданий не знай!
Народ мой, народ, отчего ты молчишь?

На северных, южных, зачем нам делиться?
С горами мы связаны силой земли.
Избранием божьим зачем нам хвалиться?
Мы, как можжевельник, на скалах выросли!

Неясного времени грозные речи
Пуškai не внушат заблуждения нам!
Пусть племя младое становится крепче,
И время сверяет по звездным часам!

Алтай мой, Алтай, родной мой Алтай!
Дорогой своею к свершеньям иди!
О, Ак-Буркан, священный наш бог
Народ мой от горя и зла огради!

1993 г.

Комментарии

1. **Аржан** – источник целебной воды.
2. **Байга** – скачки на лошадях.
3. **Белая косуля** - образное выражение в алтайском фольклоре. Под «Белой косулей» понимается приближающееся утро.
4. **Топшур** – алтайский щипковый музыкальный инструмент.

ПОЭМЫ

ИРОНИЧЕСКАЯ СКАЗКА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАТУНСКОЙ ГЭС

Буй, буй, буй! –
Зачинаю песню мою!
Буй, буй –
Для тебя, Алтай мой, пою!

Не избранник я, не пророк,
Не скажу, что великий бог
Говорит моими словами,
Но когда я слышу опять и опять,
Что хотят Катунь плотиной сковать,
Всем лихим проектантам хочу сказать:
Нет, не с вами я,
нет, не с вами!

Я не с вами, не с вами,
не ваш, не ваш,
Я острою иронический карандаш,
За усмешкою слёзы прячу,
Я смеюсь...
Потому что плачу!

Как послушаешь вас, уж в который раз,
Получается всё красиво:
Чуть построят ГЭС – возникнет тотчас
На Алтае новое диво.
Словно в сказке, изменится всё вокруг,
Так, что впору будет гордиться,
И второе Телецкое озеро вдруг,
Золотое второе озеро вдруг
На Алтае нашем родится.
Будет небо сиять над ним в вышине,
Отраженьем своим любоваться,
И не с конскую голову там на дне
Самородок будет скрываться,

По преданью, брошенный бедняком –
А, пожалуй, с коня всего целиком
Золотой драгоценный слиток:
То, что сами отправили мы на дно,
То, что нам вернуть уже не дано –
Многомиллиардный убыток!

Буй, буй, буй!

И курганы в долинах, и письма, и
И художников безымянных
На камнях рисунки – на все времена
Пропадут в глубинах туманных.

И дороги наших богатырей,
Чьи дела в преданиях громки,
Все утонут под крики:
– Скорей! Скорей! –
И забудут о них потомки.

Буй, буй, буй!

Говорят, как построят новую ГЭС,
На Алтай небывалый придёт прогресс,
Вся природа нам подчинится,
Как послушная ученица.
Будет волю свою диктовать человек –
Механизм уже отработан:
Нужен снег – пожалуйста, вот вам снег!
Нужен дождь – пожалуйста, вот он!

И воскреснут деревья, которых нет,
Те, что мы сгубили за много лет,
И хлеба зацветут – что надо,
На столах – полно, в закромах – полно,
Покупают с восторгом наше зерно
Калифорния и Канада!

Будут рыбой озёра и реки полны,
И талоны на сахар не будут нужны:

Кто подаст нам сегодня
мудрый совет?
Я ответа жду,
но ответа нет.

Я кричал, мой голос был одинок,
Я сорвал его, но докричаться не мог,
И никто не сказал мне: «Ты прав, поэт!..»
У меня же
и времени больше нет.

Потому что
мне слышится, как вдали
Протрубили мёртвые журавли,
Как в затопленных норах стонут сурки,
Погибая от нашей бездумной руки.

Мой Алтай, мой алтарь,
эту песню мою,
Ироническую и трагическую,
Сочинил я
на злобу текущего дня,
И, однако, желание есть у меня,
Чтобы сын мой
её сохранил и сберёг –
Час неровен: а вдруг пригодится и впрок?

1990 г.

МАТЬ ЧИНГИЗХАНА

*Поэтическая версия
одноименной картины Н. К. Рериха*

На долгой монгольской равнине,
Где небо и горы в огне,
Кочует с печалью о сыне
На хмуром мохнатом коне

Безмолвная мать Чингисхана.
Куда ее гонят ветра?
Под сень ли сыновнего стана?
Иль прочь от пустого шатра?

Ни гнева, ни слез, ни порыва...
Где плоть ее – раб иль каган?
Колеблется конская грива,
Лицо – словно серый туман.

Байкальского рода меркитов,
Та самая – мать Темучи...
Свершилось, что было сокрыто.
Мир страшен – кричи не кричи!

Как черная буря из Гоби,
Поет в ее сердце беда.
Ее – он был только в утробе,
А нынче далек, как звезда.

* * *

Сородичи – злые нойоны –
Упали на юрты вчера,
Связали под вопли и стоны,
Смеялись под пляски костра.

В колодку-кангу заковали,
Всю шею сдавив Темучи.
И плеткой сырою хлестали,
Глумясь, как враги-палачи.

От стиснутой деревом шеи
Все тело горело в огне.
И алые молнии-змеи
Струились по голой спине.

В плену он... Кто матери скажет:
Он жив ли – батыр и герой?
А, может, бежал из-под стражи?
А, может, под хохот и вой

Затравлен собаками?.. Боже!..
Все едет, все едет хатун².
Никто ей уже не поможет
В чреде убывающих лун.

* * *

...Когда разлетится колодка,
Какие ударят грома?!
Дар Неба – не рабская плетка:
То мать прозревает сама.
Как знамя небес азиатских,
Покинув враждебный улус,
Из мрака урочищ аратских
Звезда вознесется Монгус!

Затмится светил половина
Звездой, чье имя Чингис.
И лопнет земли пуповина,
И горы покатаются вниз,

Очнется вселенское лихо...
Но сын ее пленник пока.
Таинственно, мудро и тихо
Небесная мреет река.

Когда еще соколы хана –
Любимцы Тулуй и Бату –
Падут на бессильные страны,
Весь мир превращая в орду.

Пусть мать и не ведает близкой
Беды, что посеет война.
Пусть едет по степи Хентийской
Таинственной тенью она.

.....

.....

Двуосную Степи основу
Раздавит копытная Тьма,
А тихое ханское слово
Прокатится, словно грома.

Так будет!
Роды и народы
К Владыки ногам упадут,
Звук клятв перед ликом природы
Взыскует и милость и суд.

Баргуты, туматы, кыпчаки,
Татары, уйгуры, все-все
Сойдутся под ханские стяги,
Став слугами Ясы!
И се
Державою станет.

Из пленных,
Из дальних чащоб и полей
Шлют хану коней драгоценных
Да черных, как смоль, соболей...

* * *

Благое да сеется семя! –
Рек бывший колодник. –
Так вот: Пусть выживет каждое племя,
Пусть дружит с народом народ.

Пусть с небом все соединятся
В один необъятный Улус,
Чтоб жить ради Правды стараться,
И Правда скрепит их союз!

Пусть станет над ханством великим
Великой души господин.
Орды племена стоязыки
Лихих пусть не знают годин.

...Но знать ли равняется с чернью?
С рабами не пьют богачи.
Хоть вышел в Чингисы кочевник,
Нойоны все мстят Темучи:

Есть каждого племени ханы –
Кровь разная, песня своя!
Где юрта под стать великана,
Чтоб села в ней Мира семья?

* * *

Все разом обняться не сможем,
В сто змей расползутся пути.
Владыку рабов уничтожим,
Тропу свою чтобы найти.

Так рухнет же знамя Чингиса!..
Есть доли-долины свои:
Кому-то лосниться от риса,
Кому-то труды да бои.

Ведь даже два брата забыли
Кровь Рода – как псы на цепи:
Сердца их и лица застыли,
Как древние камни в Степи.

Так шепчут нойоны заглазно,
Стравляя с народом народ.
При хане – кивая согласно.
Нет хана – и каждый плюет.

То мать Темучи и не знает...
Но Сыну дарован Простор!
Златая звезда прозревает,
Грозя из-за каменных гор...

Качаясь в повозке злаченной
 Чингиз движет тьмы на Закат,
 Ор войск, и рыдания, и стоны
 За ним, словно чайки, летят.

За лодкой рыбацкой... Качаясь,
 В повозке злаченой он спит.
 И тучами пыли вздымаясь,
 Война на Закате кипит.

Волнуется в сердце победа.
 Сон Хана, как пламя, встает.
 Сребристое облачко света
 Таинственным знаком плывет

За ним в поднебесье...
 Вдруг – махом! – мир гаснет.
 И – сажей на снег –
 Вся жизнь идет комом и прахом,
 И мраком кончается Век...

Где Хана тумены промчались,
 Пирь для волков и орлов,
 Над трупами псы одичали,
 И нет ни овец, ни коров.

Война, без пожара и мора,
 Жрет все, что скопили года.
 Раздавлены оси Простора,
 Мир скачет туда и сюда.

Где рыскали стаи нухуров,
 Посеяны угли и кость.
 ...И дети врагов-багатуров
 Разрублены надвое вкось!

...По-прежнему, тихо качаясь,
 В повозке злаченой спит Хан.
 И сны золотые, вздымаясь,
 Текут, как Небес океан.

Но дернется ус его рыжий,
И – трепет в коленях владык:
Становятся ниже и тише
Улусы Великой Орды.

.....

.....

Труд матери – служба творенья,
Где нежность, печаль и любовь
Рождают иное горенье,
И Року здесь не прекословь!

Под сердцем взлелея младенца,
В слезах и мученьях родив,
Мать может лишь в очи вглядеться,
Грядущее ж – словно обрыв.

В груди, что полна молоком лишь,
Ни зависть, ни злость не живут –
Лишь звук колыбельной вспомнишь
Под сенью родительских юрт.

И мать ли виновна в жестоком
Порядке на долгой земле,
Где демоны борются с богом,
И – чья-то печать на челе...

...Чингиса текучие рати
Сметают страну за страной.
Сдаются, лишь Имени ради,
Орде и эмир, и герой.

Невольницы, девы и вдовы
Рожают по следу войны
Детей, что в Отечестве новом
Не знают отцовской вины.

Их матери плачут ночами,
И скорбь над вселенной стоит...
Кого называть палачами?
Кого же Господь обвинит?

.....
.....
...И груди красавиц не ядом,
А гнойным полны молоком.
Младенцы мертвы или взяты,
Ком огненных игл под соском.

В очах боли марево брезжит,
Под кожей – холмы мурашей.
...А грудь кто в отчаянье взрежет
– Гной брызнет по следу ножей.

...Пусть души от ужаса голы,
Пусть демоны Богу грозят,
Но кони сквозь степи и горы
На крепких ногах прорысят.

...Смешаются крови жестоко:
Тавром на столетних листах
Широкие скулы Востока
Проступят в Европы чертах.

Но матери грозного Хана
Не ведать о знаках судеб.
Есть линии Божьего плана,
Есть вечные Небо и Хлеб.

Пусть травные ветры Отчизны
Смирят мыслей огненных рать.
Хентийская степь, поле жизни
Врачует великую Мать,

Врачует красой и покоем...
Мать вдаль едет, зная одно,
Лицо наклоня, – но какое?..
Не видно, какое оно...

ГОЛОВА ШАМАНА

Поэма-молитва

*Молитва первая,
обращенная к богам Верхнего мира*

В надежде победа моя и во взмахе,
В порыве до самых высоких высот!
Сокровища древних – в пыли и во
прахе,
А тайна – ячеях божественных сот.

Решусь ли нырнуть в морок лет
беспросветный?
Осмелюсь ли тронуть надзвездную
дверь?

Открою ли чуждым свой кладезь
заветный?

Зачем? И до древней ли песни теперь?

Живущий в наверхшем небесном
пределе.

Сам-свет, опоясавший тысячи стран,
К тебе обращаюсь, взыскаю о цели,
О, разума Разум, о, Юч-Курбустан!

Да скажется эхом духовная треба
За крепкую крепью невидимых стен,
В десятом пределе Великого Неба –
В тебе, благодатный и грозный Ульген³.

В тебе, обитающий в белых палатах,
Бурхан-охранитель, врачующий Бог,
Обитель молитв, кто в дни мора и хлада.
В дни скверны великой Народу помог.

О, Солнце-Отец, у златого престола
Грудь полнится жаром полуденных
слов!

О, Дева-Луна, свет небесного дола,
Владычица чар и полночных пиров!

Даруй же мне власть! Свободу даруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!

Я верный слуга ваш, Великие Боги,
Я корень от Корня, от Духа – душа.
На смелую речь да не будьте же строги,
Я ваш, коль предстану свой труд соверша!

Вселите надежду! Я верой и правдой
Открою пути сквозь прошествие лет.
А коль ошибусь, мне, как малому брату,
На помощь придя, ниспошлите ответ.

Запретами уст моих не заграждайте,
Пусть предки восстанут из небытия,
Бесстрашьем и славой во мне воссияйте,
Молю, и да сбудется вера сия!

Даруй же мне власть! Свободу даруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!

Склонюсь, прозревая небесные лики,
Молюсь, благодарен и благословен.
Тэнгри всемогущий, Бог-Небо великий,
И ты разорви моей повести плен.

Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!
Даруй же мне власть! Свободу даруй!

О, верхних пределов Верховные Боги,
Дано вам из чаши всеведенья пить,
Разбейте заслоны, разрушьте пороги,
В мир духов-посланцев, о, дайте ступить.

Ни легких путей, ни веселых сказаний!
Прошу лишь о Правде, что сердцем несу:
Сколь можно, умножьте дух добрых дерзаний,
Сокровища чести и слога красу.

Даруй же мне власть! Свободу даруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!..

Стучат ночами шаманские бубны

Несутся, бурлят над землей облака...
От степи монгольской полынной
Разбойного черного дыма река
Стремится в родные долины.

Где светлый Бурхан, что белее,
чем снег?

Чем застило солнце на сини?
Согбен и хребет, и кижичеловек
От горя, что горше полыни.

Где ласточек песни, где зяблика звон?
Во тьме обезлунели звезды.
Жизнь сникла под гнетом, застыла, как сон,
А сон, словно каменный воздух.

Как злобные осы, снуют нукера,
Гром-топот копыт по долине...
Где счастья Аржаны? Где веры Гора?
Где трепет полуденной сини?

От долгих монгольских полынных степей
До гор моих девственно-чистых,
Повсюду звон сабель, потоки скорбей,
Стон эха в теснинах скалистых.

То отпрыск Эзена, он зачат мочой –
Угрюмый Чадак-воевода,
В крови его ус, что свисает камчой, –
Казнь края и кара народа!

Сквозь степь Кош-Агача кромешною
тьмой

Все ниже – по Чуе, по Чуе
Рать движет Чадак кривоногий, рябой,
Как ворон, по трупам кочуя.

Бурхан или Будда ему не указ,
Он косит людей, словно траву.
Шаман, ярлыкчи⁴ – одинаков приказ,
Любого ведут на расправу.

Сам миродержатель Великий Чингис
Всегда сторонился шаманов,
Прилюдно он чтит их малейший каприз
В боязни волшбы и дурманов.

Но, хуже Владыки, шаманов Чадак
Казнит лютой смертью повсюду,
Чтоб камы Алтаю не подали знак,
А люди не верили Чуду.

Старух ли, девиц ли – его нукера.
Как псы, без разбора позорят.
Беременных прочь волокут со двора,
И духи насильникам вторят.

Под вопли кёрмёсов⁵ творится разбой...
Горит на груди у Чадака
Печать разрушителя, знак золотой,
Подобие лунного знака.

Чингисов посланник, чингисов шакал.
Он разом с Алтаем покончить
Усердствует... Втопан – кто, стар и кто мал –
Копытом в навозные кочки.

Аилы горят, полыхают хребты...
Злат-серебро, кожи, пушнина,
Всё тонет в сумах грабежа и вражды...
Как черного пуха перина,

Что вспорота саблей, так смрадной пургой
Кружит человеческий пепел.
Ликут шакалы. Одна за другой
Гоняются стрелы по степи,

Нет жертв для них боле... На трупах кричат
От сытости тяжкие враны...

Но бубны, но бубны ночами стучат!
Но бубны стучат непрестанно!

Камлают, камлают, спасая Алтай,
Шаманы, шаманы, шаманы.
И страхи, как вопли невидимых стай,
Тревожат монгольские станы.

И фыркают кони в ночных выпасах,
И, рыкая, лают собаки,
И варится мясо в огромных кострах,
И в пляске костров дико скалится страх,
И тени стекают в овраги.

И воины Чадака ночами кричат,
Им дышит в лицо Тьма-горбунья.
А бубны все громче стучат и стучат.
И близится ночь полнолуныя...

***Вторая молитва,
обращенная к родовой горе тёлёсского племени
Абаган-Бажи и к озеру Алтын-Кель***

Ни род, ни очаг мой во веки веков
Ни злом не задев, ни хворобой,
Семье и дневных и подлунных Богов
Своя – головой и утробой.
Гора родовая сеока тёлёс,
Святой Абаган златоликой!
Я пал на колени, я к почве прирос
В молитве, как Небо, великой.

От имени древнего рода отцов,
О, дух Алтын-Кёля могучий! –
Хозяин глубин и скалистых гольцов,
Владыка над бездной и тучей,

От имени Матери древних родов
Я шапку пред вами ломаю,
Пошлите Добро! Я прародину слов,
Я духов следы понимаю!

Есть слово, как соболь, как жемчуг, как гром,
Мое родословное древо,
Оно породило на Небе втором
Из Божья благого посева.

О, главная в главах гора Абаган!
О, чистая глубь Алтын-Кёля!
Примите друзей, не отдайте врагам,
На все Ваша светлая воля!

Пусть ветви воскурит смолистый арчин
Встречь Дня голубому объятью.
Пусть Бог наш Ульген, трех миров
господин,

Одарит Алтай благодатью.
Я горы и воды кроплю молоком,
Я жертвой смываю преграды,
Пусть меты беды нам не знать ни на ком –
Мой род не лишится отрады.

Поэме о древних шаманах моей
Не застятся дальние дали –
Пусть высится пиком средь горных
цепей,
Верст за сто чтоб люди видали!

От века святая вода Алтын-Кёль.
Вершина вершин, Абаган мой!
Опора души, поклониться позволь
В молитве у вещего камня.

Пусть вечно с незримой для нас стороны
Вас Месяц-Бурхан освещает.
Пусть щедро с прекрасной, как Мать, стороны
Вас Солнце-Бурхан окропляет.

Даруй же мне Свет!
И Благо даруй!
Куруй, Куруй, Куруй-Оп-Куруй!
Куруй, Куруй, Куруй-Оп-Курун!

**Голова Капшагая –
родового шамана тёлёсского племени**

Тёлёсов великий шаман Капшагай
Не знает ни сна, ни покою:
Встревожена бубном седая тайга,
Вновь кам⁶ полетел над тайгой.

Он духом вознесся до верхних богов
И к нижним богам опустился.
Он стелется вьюгой поверх облаков,
Он в юрте волчком закружился.

Он бьет колотушкой свой бубен-марал,
И духи, как дивные птицы,
Возносят камланье до Солнечных скал,
Где смог лишь Ульген поселиться.

Все знает: имеет шаман Капшагай
Два сердца. И – вымолвить жутко –
В огне не горит, убийцу-врага,
Воскреснув, лишает рассудка.

Он белых шаманов справляет обряд,
Он веретенем завывает:
– Беда на Алтае! Аилы горят! –
О помощи к Небу взывает.

В семнадцатый ярус бездонных Небес
Возносятся духи шамана.
Куруется арчин до престола Чудес,
Как синие клубы тумана.

– О, Юч-Курбустан, о, Ульген Всеблагой!
Я лью молоко кобылицы,
Курю можжевельник, рожденный тайгой,
Молю, обратите же лица

На бедную землю, что стонет в огне,
На беженцев вьюги осенней.
Народ погибающий страждет во мне
О милости и о спасенье.

Колышатся ленты шаманских одежд,
Гул бубна, бросок, остановка...
Что видно за трепетом сомкнутых вежд?
Чем стала простая веревка

У кама в руках?.. Вновь, камлая, дрожит
Всем телом, вновь пляшет и вьется,
Звенят колокольцы, одежда шуршит,
Рой звуков по кругу несется.

Вновь шелест разряда и грома раскат,
И молния с искрами в хоре,
Кукушка кукует, собаки скулят,
И странные тени по кругу летят,
И с дымом сливаются вскоре.

Как руку засунул в горящий очаг
И целую пригоршню углей
В рот бросил. И пепел осел на плечах.
А угли во рту и шипят и трещат,
Бунтуя, как огненный улей.

Пар валом валит изо рта и ноздрей.
Зуб на зуб – грызутся, как тигры,
Из двух раскаленных глаз-пузырей
Секутся зернистые искры.

Стук бубна, стук бубна над темным бугром,
Камланья протяжны и глухи...
Но вновь загремел, сверху падая, гром:
Видать, возвращаются духи.

Всю юрту колыхет неслышимый смех,
Посуда со звоном летает,
Смятение и ужас на лицах у всех...
И кам, как мертвец, упадает,

Да, падает наземь шаман Капшагай.
Дрожит, и хрипит в лихорадке...
Видать, велика злокозненность врага
И тайной повиты повадки.

Глаза закатились; по мутным белкам –
Прожилки, как алое сито;
Пот – смертной истомой на лбу,
по щекам,

Все тело рососою покрыто.
Но камовы духи, его двойники,
К хозяину с Неба вернулись,
Кам принял дары из Всевышней руки,
И веки его вострепнулись.

...Молчи! Погасают во рту угольки,
Слюна вытекает белёсо.
Кам сел, отхлебнул два глотка араки,
Вдруг прыгнул самцом молодой кабарги
И встал – озирается косо:

«О, бог мой подземный, могучий
Эрлик⁷!» –

Вновь замер и бороду гладит. –
«О, бог и Отец мой, всеильный Эрлик!
Живущий в огне и во хладе!»

И вновь закружился вокруг очага.
И вновь на мгновение замер,
Налил, отхлебнул араки два глотка,
Завыл и залился слезами.

И тяжкую голову вниз наклоня,
Весь мокрый, весь в огненных бликах,
Кропит араку прямо в жерло огня,
Кричит, призывает Эрлика.

А духи шамана, собакам сродни,
Исполнят приказы любые,
Упругими ветрами мчатся они
В подземный чертог Эрлик-Бия.

А сам Капшагай с маху пал на порог
И – ужас родне и соседям –
Он, трижды вертясь через голову, смог,
Взревев, обратиться медведем.

Шарахнулись овцы. И лошади ржут,
И рвутся, хрипя, с коновязи.
А бурый медведь, сея хаос и жуть,
Шлет рев свой подземному князю.

Лишь люди, как трупы, безмолвно лежат,
Их члены недвижимее камня.
Медведь же, вокруг юрты семь раз обежав,
Вновь принял обличие кама.

Он бьет колотушкой свой бубен-марал,
И духи, как псы огневые,
Уносят камланье до Сумрачных скал
В подземный чертог Эрлик-Бия.

«Отец мой Эрлик, ниспошли заговор
Из бездны бездонного мрака,
На пришлых шакалов да свалится мор
Увидим пусть спину Чадака.

Жемчужные горы, собратья мои,
Закройте врагам перевалы!
Крылатые водами, реки мои,
Залейте врагам переправы!»

Как коршун кружит по аилу шаман
В охоте невидимых целей.
«Пусть сгинет разбойных послов караван
На дне пропастей и ущелий».

И слыхом не слыхивал хищный Чадак
Про тропы великого кама.
Гадать не загадывал лживый Чадак
Про войско могучего кама.

Матёр Капшагай, как косматый сарлык⁸,
Но духом крылат и свободен:
Двум разным мирам поклоняться привык
Двум разным вселенным угоден.

И Небо, и Бездна, вторя заодно,
Твердь Сил возвели в его теле.

И Белая с Черною верой равно
Качали его в колыбели.

Он Дара служитель и данник костров,
Он зрит за пределами Года,
Любое ущелье в любом из Миров
Открыто ему для прохода.

Яда-таш⁹ волшебный обрел Капшагай
Он тушу Чадака рябую
Заставит навеки зарыться в снега,
Он вызовет горную бурю.

Потребует кам, и грозней, чем гроза, –
Обрушится огненный ливень.
Вновь бубен заденет – и вновь небеса
Чисты и неопалимы.

В жару, когда влага в озерах кипит,
И сосны льют знойные слезы,
Лишь камень Яда-таш, шаман окропит.
И грянут на землю морозы.

...Пусть совы безумья летят за полком:
Поход не напрасно ли начат?
...Тёлёсский шаман! Он на бубне верхом
Всё скачет, всё скачет и скачет!

* * *

У кама жена удалась красотой –
Увит, словно изгородь хмелем,
Тяжелыми косами стан молодой.
И если закрыт по неделям

Буранными тучами звездный шатер,
То вместо Луны, озаряя
Сияньем своим склоны сопок и гор,
Встает Ак-Шанкы¹⁰ молодая.

В пастушеской юрте она родилась.
Из рода кыпчак – недотрога,

Умна и скромна. Но ни бай и ни князь
Не чтили кыпчаков сеока.

Две радуги в росчерке тонких бровей!
Два моста над синей долиной!
А шапка каракуля белого, эй!
Острится Алтая вершиной.

Но в пору нашествия пасмурным стал
Свет лик ее... Верить не в силах:
Спасет ли любви заветный кристалл
От зла двух сынов ее милых?

Гроздь жемчуга, белый венок, Ак-Шанкы!
Сияние божьего в малом!
Она, как роса, по утру у реки
В бутоне шиповника алом.

А груди, кормившие двух сыновей, –
Шатры белоснежного рая.
А голос мелодией нежной своей
Не раз опьянял Капшагая.

* * *

Нукеры Чадака крикливой ордой
Шамана аил окружили.
Псы лают до визга. Но, смята бедой,
Семья подчиняется силе.

И стрелы горящие гибель поют.
И лошади, падая, бьются.
И мечется скот у разрушенных юрт.
И черные тени мятутся.

И гулко колотится бубен-тюнгур,
Он в сердце Алтая стучится...
Но полог небес неподвижен, и хмур,
И мрачен, как серая птица.

Чадак налетел, как сырая пурга,
Во мраке и песня ослепла,

Средь юрты захлопал огонь очага –
Сложились златые крыла мотылька,
И взвихрились перышки пепла.

И, в юрту вломившись, Чадак, словно зверь,
Пнул по полу скачущий бубен.
В лицо ему плюнув, кам бросился в дверь,
Но сбит был... И, стиснувши зубы,

Смотрел, как нукеры терзают жену,
Как рвет она белые крылья...
Как выдержать, вынести мужскую вину,
И стыд свой, и муку бессилья!?

Вот кинулись к маме два малых птенца,
К подолу надежды и веры,
Но в миг отсекли на глазах у отца
Их слабые руки нукеры.

Гудит, не смолкает наш бубен-тюнгур,
Проткнут, хоть и саблей искрошен,
Священный и круглый, как солнце, тюнгур
На угли кёрмёсами брошен...

– Тюнгур, превращайся! – Вдруг кам прохрипел, –
Стань птицей! Сынов моих милых
Спасай, уноси же в небесный предел
От глума пришельцев постылых!

Я сам предаюсь Силам смежных миров
Я гнев их – душой и повадкой!..
И бубен, вспорхнувши под войлочный кров
Багряно-седой куропаткой,

Забился, запел, закружил над огнем,
Объял, словно душу природа,
Детей, уже сморенных мертвенным сном,
И скрылся в дыре дымохода.

На темной излуче небесной реки
Прошли два златых метеора.

Вздохнув облегченно им вслед, Ак-Шанкы
Не прятала слезного взора.

И, глядя на это, свирепый Чадак
Весь обмер... и серые тени
Вползли на лицо – словно дух-вурдалак,
Что заклят, он пал на колени.

И холод связал по рукам и ногам
Врагов. И застыли нукеры.
Их взгляды влекло к ледяным берегам
В немые полночные сферы...

– Слепцы, оттащите волхва от жены! –
Чадак заревел, подымаясь,
И голосом темника пробуждены,
Бойцы хоть на самую малость

Очнулись, опомнились... – Баба моя! –
Нукер произнес похотливо.
– Шалишь, недоносок, опробуя я. –
Осклабился сотник игриво

И меч обнажил...
– Дряни! Пастбища вшей! –
Возвысился голос Чадака, –
Жена Капшагаева будет моей! –
И все вы – свидетели брака.

И страстью мужскою Чадак закипел,
Отрывисто дышит и тяжело,
Потеет над станом, что гибок и бел,
Свалил, с треском рвется рубашка...

– Эй, вы, отрубите шаману башку! –
И в миг голова покатилась.
Но очи не меркнут. И смотрят врагу
В лицо. В них как будто открылась

Бессмертная сила. В огне докрасна
Мечи накаливши, глумливо,

Орда тычет в очи, чтоб выжечь до дна.
Но смотрят сурово и живо

Глаза Капшагая. А лютый Чадак
Уж тащит жену на лежанку,
На войлок с овчиной, сквозь копоть и мрак
Кровь, смерть и бойцов перебранку.

Гурьбой продолжают потеть рубить
Грабители голову кама.
Но то, что не смертно – мечом не убить
Как мяч, как ядро над врагами,

Катается, скачет, кружит голова,
Зубами скрипит и пугает
Чадака огнем своего колдовства
По смерти жену защищает.

Язык окровавленный вывалив вон,
Зрачками на бесов вращая,
Не хочет, жену чтоб угнали в полон,
Грозит голова Капшагая.

В бессилье сердца ожесточив,
Аил запалили шакалы.
А холм, что был столь доброточив,
Поляны, и кедры, и скалы,

Всё дымом покрылось. Все дымом
Зашлось,

Но пнем обгорелым, упорно
Торчит голова! – как проклятая кость,
Застрявшая поперек горла.

Торчит голова, продолжает войну!
Нукеры уж яму копают,
В суму переметную прячут жену,
А кости золой засыпают...

Багровыми углями яму едва
Засыпали... В стремя ступили –

Из пекла могилы встает Голова,
Подвластна неведомой силе.

И всадники снова, сошедши с коней,
Тяжелые камни таскают:
– Курган поскорей навалите над ней!
Пусть камни башку не пускают!

Исчезни и проклят будь дух мертвеца!
Чадак со злорадством хохочет, –
Всяк будет достоин такого конца,
Кто пакости мне напроорочит.

Ничтожный, жена твоя будет моей
Сегодня ж, на первой стоянке...
Снялись
И лишь гаснувший топот коней
Тревожил шамана останки.

Трусливо ушел по дороге тумен.
Бежит за пределы Алтая.
Там ждет Ак-Шанки поруганье и плен,
И ранняя старость седая.

Клонятся и плачут вослед Ак-Шанки
Деревья, холмы светлолики,
И скорбно летят от реки до реки
Кукушек зовущие крики.

А комья рыданий застряли в груди –
Путь рабства и горестей начат.
Алтай мой родимый! Постой, погоди.
Послушай, как дочь твоя плачет:

«Ой, гуси потянутся вдоль Кадын-Су
На Север, на старые гнезда,
И вспомню я милого дома красу
И отчего пастбища воздух.

Обратно потянутся по Иртышу,
Раскинув пуховые крылья,

И словно родным чабрецом задышу.
И слезы сглотну от бессилья».

Отравлена кровь ядом черной тоски...
Где, где Синь-Алтая откосы?
И грезит, и тужит хатун Ак-Шанкы,
И с песнею катятся слезы:

«Мой любосплетенный аркан власяной
На шее отца-аргамака...
Два сына, рожденные лаской земной.
Бурханом укрыты от мрака...

О, нежный аркан мой на шее коня.
О, дети, владельца края,
Что бережно унесены от меня
И спрятаны в сердце Алтая!..»

Что ждет Ак-Шанкы?
Обрывается связь...
С вершины уж холодом веет.
И каждой полынке, травинке молясь,
Она только песни лелеет:

«Здесь белых ромашек густые стада
Родит ли любая полянка?
Что будет, что будет? Вернусь ли когда
На светлый Алтай, полонянка?

Здесь неба синей незабудку-цветок
Раскроет ли взору полянка?
Просторных долин белоснежный росток,
Вернусь ли назад, полонянка?..»

.....
.....

Но вновь голова над курганом торчит,
Блистая бессмертным оскалом...
Да бубен как прежде, как прежде стучит,
И катится грохот по скалам.

Глядит. Вдруг на миг обнажился оскал
И клацнули зубы шамана:
– Отдай Ак-Шанкы. Или ты не слыхал?
Вновь бубен средь вражьего стана

Запел, застучал...
– Эй, шаман, не могу
Терпеть, как ты лаешь повсюду:
На ужин сожру твою дурью башку
И женушку потчевать буду...

Хохочет Чадак, лютой ярости полн,
Казан и клубится, и плещет.
В лазурном шатре полонянку монгол
Терзает, как лебедя кречет.

...А в юртах окрест средь простора земли
Спят воины, устав от похода.
А псы караульные вой завели,
Мянутся, почуяли что-то.

И только забрезжил белёсый рассвет,
Сквозь редкие клочья тумана
Увидели – черный проклятия след
На поле походного стана.

Вокруг ни души, кроме гор и орлов.
Но тайная вызвана Сила –
Сто доблестных воинов лежит без голов,
Как сосны, что бурей свалило.

Вокруг ни души, кроме гор и орлов.
Но мороком минувшей ночи –
Сто кровью забрызганных конских голов,
И вороны долбят им очи.

Сто вранов над трупами каркают в раз,
Как стражи шамановой ночи:
– Погибнешь, погибнешь, разнузданный враг...
И эхо, как бубен, хохочет.

В степи Кош-Агача, в безлюдной стране –
Привал. Сабли вложены в ножны.
Внутри белой юрты, подобной луне,
Ковры постелили и кошмы.

Скот белый – добыча зеленых долин –
Пасется в широком просторе,
Устало молчит на кошме властелин,
Нукеры в тревоге и горе.

И вьются по ветру хвосты табунов,
Как волны, колеблются гривы...
А мысли, как вихри запутанных снов,
Как мака цветущие нивы.

Верблюды осанку и стать обрели
Средь горной широкой равнины.
Как Божьи творенья – по краю земли
Дворцами сияют вершины.

И овцы, как звезды, молочной рекой
Текут поднебесною степью,
Кругом тишина, высота и покой...
Но стянута огненной цепью

Утроба Чадака. Как ядом полна,
Вздывается грудь его шатко.
Шумит голова, хоть ничуть не пьяна.
А в сердце и впрямь копошатся

Сосушие черви... Приносят кумыс.
Не видит китайской пиалы
Чадак. А в груди, словно скопище крыс,
Ком боли свирепый и алый.

Качается, ноги поджав под себя,
На кошмах, забыв об осанке...
Но пляшет огонь, ни о чем не скорбя,
Но пляшут пред ним полонянки.

Увы, не до них. Всё противно ему.
Прочь, прочь! И орет во все горло.
Уж слуги тибетского кличут ламу,
Чтоб вылечил хана-монгола.

В глазах у Чадака безумье и ярь,
Лама, не войдя, сразу сгинул.
– Где, где эта баба, шаманова тварь?..
Удар. И казан опрокинул.

– Танцовщиц вернуть! Пусть танцуют
пока.

И сник в содрогании странном,
Уставился в тлеющий зев очага
И замер немым истуканом.
На кошах цветных, средь лазурных
шелков

Танцуют наложницы тихо.
Но хан ни мелодий, ни нежных стихов
Не слышит. В нем черное лихо

Гнездо себе свило...
Но вот привели
В шатер Ак-Шанкы. Только, Боже,
Она, словно лилия в серой пыли,
Седа, на старуху похожа.

В глазах нет огня, и рассудок угас.
В клочки изодрала одежду.
Но взгляд на Чадака упал, и тотчас,
Рукой из огня головешку

Схватив, уж готова вонзить во врага,
Вцепиться в лицо, как пантера.
Рвет волосы, в воздухе скоблит рука,
И – бьется в руках у нукера.

Безумная... – Вон! Уберите скорей! –
Чадак отползает в испуге...

Движением бедер и пляской грудей
Вновь хана смиряют подруги...

Струится и пенится крепкий кумыс
В цветастых китайских пиалах.
Душа изнывает, как медный комыс"...
Хан бродит в мирах небывалых...

* * *

Как войска большого костры по степи,
Во тьме загораются звезды.
Табунщик не спит. И протяжно храпит
Испуганный конь. Даже воздух

Пронизан тревогой. Как звезды – огни:
Всю степь опоясав кострами,
Войска отдыхают в шатровой сени.
Повозки с Большими дарами

Для стана Чингиса горбато молчат
И застыт полнеба ночного.
В котлах варят мясо. Мутовки стучат.
И слышится крик часового.

Назавтра монголы покинут Алтай.
Слышь, песнь горловая: сказанье
Кайчи о походе в нетронутый край,
Где славно Чадака призванье.

Все рады той песне. Но сдавленный страх
Ожил. И мохнатые птицы
Кружат и кричат. И в усталых телах
Беда, как змея, шевелится.

«Всегда, словно бес, за спиною беда».
Тень смерти восстала у крова,
И кровью налилась в зените звезда,
И бубен слышался снова.

Все четче гул бубна, он зол и суров,
Он души нукеров чарует,

Под окрики, ругань, под гомон и лязг
 Все выше – по Чуе, по Чуе
 Качанье верблюдов, да конницы пляс,
 Да трупная птица кочует

Вослед за войсками... Верблюды ревут,
 Навьючены тяжкой добычей,
 И плавно шагают, и хлопает кнут.
 И белые горы пообочь плывут
 В недвижной суровости бычьей.

Монголы лихие свершивши грабеж,
 Уходят. Но вслед за туменом –
 Опять Голова!
 – Эй, псина, не трожь,
 Не мучай жену мою пленом!

И вновь суетится насильников рать,
 Вновь курят арчин на закате,
 Пытаются снова рубить и топтать,
 Но нет, не избавиться, не убежать:
 Всё войско в тревожном разладе.

Ломаются копья, тупятся мечи,
 Страх рыщет вдоль ратного стана,
 Скачи не скачи и кричи не кричи,
 Не скрыться от взгляда шамана.

Отчаянья полон последний приказ:
 «Башка, расплзись же кусками!
 Сварить её! Пусть из ошпаренных глаз
 Дух вытечет вместе с мозгами.

В казан Её – полный, кипящий ключом!»
 А пламя взлетает до неба.
 Кипит голова. Только все нипочем;
 Мучительно, грозно и немо

В нем слышатся зовы голодных волков,
В нем ворон на трупях пирует.

В мозгах у Чадака пронзительный звон,
Там огненный рой поселился,
Там жалящий страх, завывающий стон...
Как выжить? Откуда свалился

Сей ужаса призрак, сводящий с ума?
Сон демонов лезет из мрака,
Как будто вот-вот преисподня сама
Живьем заглохнет Чадака.

Вся в пене кровавой опять Голова
Катится под ноги кагана,
По следу шамана дымится трава,
Смятение средь вражьего стана,

Курени проснулись, костер за костром
Развален, разбит и развеян,
Вращает белками и скачет ядром,
И носится пламенным змеем

По стану. А воины вновь с Головой
Сражаются – рубят и колят,
Кричат, суетятся под хохот и вой,
Но проку от битвы нисколько.

...Безумье ревет Ак-Шанкы возле юрт,
И, тщетно он – рвется на волю.
...Но Силы иные на помощь идут
По смутой объятую поля.

Там, вспыхнув, трещат, угасая, костры,
Там в небе сшибаются тучи.
Умри же, Чадак! Иль не зная поры,
Беги от беды неминуемой.

...Поутру – покой на просторах небес,
Как будто бы не было грома.
Но бойся, Чадак! Враг из пепла воскрес,
Не знать тебе мира и дома.

Стук бубна, стук бубна. И небо темней
Вдруг стало. И вновь засверкало,
И ринулся град раскаленных камней
На головы пришлых шакалов.

И мир обернулся изнанкой своей,
Свет солнца – как бездна колодца.
Как будто бы войско накрыл снеговой –
Никто не поет, не смеется...

...Глядите, у сотни нукеров глаза
Повыпили вороны кама!
«Пришельцы, вас ждет роковая гроза.
Суд здешний – вам помнить веками!»

...На сто аргамаков, что пали в степи,
Как морок, сто грифов спустилось.
А бубен стучит: «Бог мой, кровь искупи!» –
Миров призывая Немилость.

Глядите, сто черных косматых быков
Бодают и топчут кострища.
Сто рослых, как лошади, серых волков!
А воронов целая тьмища!
И чудится в каждом шаман Капшагай.
Вон вепри грохочут лавиной,
Возмездье и гибель неся на клыках,
И молнии ярости львиной.

И чудится в каждом телёсский шаман –
Везде голова Капшагая!
Сто змей желтоглазых напали на Стан –
У всех голова Капшагая!

Сто жрущих чудовищ глотают табун,
Как сотня голов Капшагая.
А в небе зажглись знаки огненных рун,
Как духов горящая стая.

Но в пене кровавой сама Голова
По полю отдельно катится.

Весь свет сотрясает угрозы слова:
«Аил твой во прах превратится!

Отдай мне жену!» А хатун Ак-Шанкы
Безумна – смеется и плачет.
Земля закачалась пьяней араки.
Час пробил и мщением начат.

...Пришельцы очнулись, как пламя, дрожа,
Вокруг же – лишь бездна отверста,
Как будто превечной природы душа
Покинула гиблое место.

Лишь режущий свист чернокрылых ветров,
Лишь рев одичалых верблюдов,
Стон стрел, угли бурей разбитых костров,
И вздох Божества ниоткуда...

Земля раскололась! Восходят из недр
Быки – словно мрака стихия!
Монголы бегут. Вопль слышен сквозь ветер:
– Послы самого Эрлик-Бия!

Вмиг тысячи всадников сходят с ума,
Их кони несут как попало.
Что делать, как быть, коль природа сама
На врагов гневно восстала?

И проклял свой день появления на свет
Чадак в роковой круговерти.
Он видит – ни Власти, ни воинов нет,
Он просит у Бога о смерти.

– Не тронем, не тронем Священный Алтай! –
Клянутся безумцы и воры.
– Не троньте, не троньте Бессмертный Алтай! –
Им вторят пречистые горы.

Утихли стихии. Полуденный свод
Раскрылся. Хрустальная сфера
Сронила две звездочки — радости плод
Снискали надежда и вера.

Два сына слетели к ногам Ак-Шанкы,
Как прежде светлы и здоровы,
На месте у каждого обе руки,
И мать их – красавица снова.

Смеется и плачет, и гладит сынов,
Поет Ак-Шанкы молодая,
Как будто бы все вереницею снов
Сокрылось за гребни Алтая.

Вот так, оглянуться никто не успел:
Нет смерти, полона, разлуки –
Стоит Капшагай снова молод и цел,
Лучится – как не было муки.

Восставший из праха великий шаман
С семьёю целуется вволю,
– Ловите коней, и – к родимым домам!
И дети помчались по полю...

Лучистое ведро. Небес благодать.
Преддверие синего рая.
...Лишь бубен, как встарь, не устанет стучать,
С Алтая врагов изгоняя.

***Последняя очищающая молитва автора,
обращенная к огню своего очага***

Алас-Алас! Пламя - Мать!¹²
Тридцатиглавая Пламя-Мать
Алас-Алас! Пламя-Мать!
О, стоязыкая, Пламя-Мать!

Я, кто имеет и рот, и речь,
Я, кто имеет очаг и дом,
Чтобы Язык и Родство беречь,
Чтобы до цели идти трудом,
Я очищаюсь чистым огнем,
К Солнцу склоняюсь, склоняюсь к Луне,
Ночью простят пусть и белым днем –
Эту поэму простят пусть мне.

Дети, внуки, весь мой род,
Горе и Голод вкусивший народ,
Пусть мирно на белом свете живет.
Алас-Алас! Очисти меня,
Пламя-Мать!
Алас-Алас! Благословение дай,
Пламя-Мать!

Тайна святая средь этих строф,
Я преступил запретный порог,
Тронул я двери иных миров,
Но ведь не сам – мне мой Бог помог.

Алас-Алас! О, Пламя-Мать!
Тридцатиглавая, Пламя-Мать!
Алас-Алас! Пламя-Мать!
О, стоязыкая, Пламя-Мать!

Высшее Небо,
Земная Твердь,
Что отмерили нам
И Жизнь и Смерть,
Благословите!
Алас-Алас! Алас-Алас!
Благословите, Юч-Курбустан!
Благословите, Ак-Буркан!
Ульген-Кудай, благословите!

Даруй же мне Свет! И Благо даруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!
Куруй, Куруй! Куруй-Оп-Куруй!

1992 г.
Ай-Балык

ЛЕГЕНДА О СЕМИ БРАТЬЯХ

1.

В глубинах неба сверкающего
Созвездие есть – Семь Каанов¹³,
Об этих звёздах небесных
Легенду хочу рассказать я.
Её, словно люльку, пытаюсь
Тихонько-тихонько раскачивать,
Тихонько-тихонько баюкать,
Друзья мои,
Эту легенду услышав,
Одобрите, если по нраву,
А не по нраву –
Снова сложите...

2.

Когда ещё мир был пустынен,
В далёкие давние годы,
Когда племена не смешались ещё,
В те древние дивные годы
Под вечной Луною и Солнцем,
В долинах святого Алтая,
В земле красоты несказанной
Бродяжили, праздно шатались
О предках не знавшие братья,
Про мать не слышавшие братья,
Отца не выдавшие братья,
Безродные семеро братьев –
Не глупые вовсе батыры
Под небом удачу искали.

3.

Блуждали без дела и прока,
Частенько голодными были,
Но вдруг им долина открылась –
Владенья Большого Каана.
Над матерь-рекою в сиянье
Дворец Белокаменный к небу
Шатры свои гордо возвысил,

А рядом, объята огнями,
Вся в золоте и самоцветах
Стоит коновязь расписная...
Великий Каан был законным
Хозяином этих владений,
И белым скотом переполнен
Был край – и луга, и долины,
Всё было покрыто стадами,
При них и народ благодарный
Трудился в довольстве и мире.
Безродные семеро братьев
Опешили от удивленья,
Как быть и что делать не знают
И стали судить меж собою.

4.

Что будет, то будет – решили.
Бесстрашные семеро вместе
Вошли во дворец, так помолвив:
– Убьёт если, пусть убивает.
Ступают, о смерти не помня,
И каждый – мудрец-прорицатель,
И каждый – смельчак-предводитель,
Желают взглянуть на Каана,
Желают Каана услышать.
Стократно-зеркальные двери
Тихонько они открывают,
Стократно заклётые камом-шаманом
Пороги с трудом переступают,
И внутрь войдя, озираются братья,
В убранстве сверкающем залы,
Богатство такое и роскошь,
Что кружатся головы кругом.
На войлоке лунного снега
Великий Каан восседает.
В глазах, что пиалам подобны,
Плескаются хитрые искры.
А мышцы его сталью виты,
Седа голова и огромна,

Как радуги-дуги – две брови,
С тайгой борода лишь сравнима,
И нос – как утес каменистый.
Безродные семеро братьев,
Став кругом пред мудрым Кааном,
С поклоном промолвили:
«Здравствуй!».
Великий Каан не дивится,
Приветствием им отвечает,
С расспросами к ним приступает.
– Откуда вы, смелые люди?
Куда направляетесь ныне?
Отец ли растил вас под небом,
Кормила ли мать молоком вас,
Кого назовёте роднёю?

5.

Не дрогнули семеро братьев,
Колени склонив с уваженьем,
Они отвечали Каану:
– О матери мы не слыхали,
Отца мы не знали в помине,
Быть может, Земля нас родила?
А Небо – отцом называть нам?
Иль дети мы Солнца с Луной,
Иль дети мы Скал и Деревьев?
Безродные семеро братьев
Мы бродим степями-горами,
Устали бродить по Алтаю,
Кормиться по бедным аилам
Людской добротой... поддержи нас,
Ты славен и великодушен,
А мы – лишь сироты простые.
От гнева Каан не затопал
И резкого слова не молвил:
– Уж если вы голодны, дети,
В полях моё белое стадо,
Вы можете есть, что хотите –
Вот стол с наилучшей едою,
С достойнейшим Арчы-Курутом¹⁴.

6.

Как будто золотая кукушка
 Для братьев из рожи запела,
 Они из дворца поспешили,
 Аркан власяной, перевитый,
 На крепкие руки смотали,
 Из Белого Стада середины
 Кобылу арканом поймали,
 (Упитанной она была, нежеребой,
 Сало её, как грибы белые,
 Вкусная, жирная была, оказывается,)
 Ещё до рассвета – всё съели,
 К утру ничего не осталось.
 И так всю неделю гуляли
 Безродные семеро братьев,
 Семь жирных кобыл нежерёбых
 Из Белого Стада середины
 Арканом они изловили,
 Семь лучших кобыл они съели.

7.

Великий Каан удивился:
 – Что делать, как быть мне с гостями?
 Седой головою качает,
 Коврами туда-сюда бродит.
 – Прикончат они за полгода
 Все наши стада и отары...
 И чёрная кровь у Каана вскипает,
 И желчной слюной он исходит.
 И шлёт он гонца семи братьям,
 Горят его сердце и печень.
 Безродные семеро братьев
 Приходят по зову владыки,
 Склоняются в полупоклоне,
 Великий Каан чуть с издёвкой
 Выспрашивать старшего взялся:
 – Скажи мне, на что ты годишься?
 Талантом каким ты владеешь?

– Я старший. И младшим опора,
Какое бы не было море,
Широкое бурное море,
Я братьев пучине не выдам,
Чрез бездну смогу переправить,
На берег их вынесу разом.
И правой рукой указывает
Великий Каан на второго:
– Скажи мне, на что ты годишься?
Талантом каким ты владеешь?
Второй, не смущаясь нисколько,
Ответствует хану-владыке:
– Я создан с великим талантом,
Я вор самый главный на свете,
Взглянуть не успеешь, я тут же
Похитить смогу что угодно.
Смеётся Каан, указывает
На третьего брата рукою:
– Скажи мне, на что ты годишься?
Какими дарами владеешь?
Не скрой, расскажи нам всю правду.
И третий ответствует твёрдо:
– Шесть братьев своих драгоценных
Избавить могу от огня,
Шесть братьев родных и любимых
Из грозного боя спасу я
И в мир шестиярусной бездны,
К Эрлику в объятья не выдам.
Дивится Каан этой речи,
И вновь с недоверья улыбкой
К четвёртому брату склонился:
– А ты? Для чего ты был создан?
Какую ты пользу приносишь?
– Я создан невидимым Духом,
Стрелок дальнотрящий и меткий,
Я птицу под куполом Неба,
Я змея во чреве Подземья
Стрелою навывлет пронзаю.

Уже не смеётся владыка,
Чело его пасмурным стало:
– Скажи мне, а ты, неужели
И ты обладаешь талантом?
– И я неспроста родился, –
Каану отвечает пятый, –
Я брата упавшего с неба,
Я брата из бури воздушной
Спасу, не позволю разбиться,
Руками над самой землёю
Сумею его подхватить я.

«Беспамятны юноши эти,
Не знают родства и невежды,
Но выдумкой Бог не обидел,
Чего-то мы дальше услышим?»
И, руку подняв, вопрошает
Он дальше с усмешкою грустной:
– А ты чему в жизни учился?
На подвиг способен ли тоже?
– Я духов слуга, прорицатель, –
Шестой сирота отвечает. –
Камлаю и сон насылаю,
Могу в забытье погрузить я,
В тяжёлую вязкую дрёму.
И веря всему и не веря,
Дивится Каан, размышляет:

«Как видно, могучие Боги
Гостей не простых мне послали».
Глядит он на брата седьмого,
А тот улыбается, дремлет,
Лежит на ковре, как блаженный.
Каан ему: – Эй, просыпайся!
Не хочет вставать самый младший,
Сквозь дрёму чуть слышно бормочет:
– Я спящий, я снов соглядатай.
Всю самую нежную пищу,
Все самые сладкие соки,

Что старшие братья добудут,
Я съем — и опять засыпаю.
И пуще задумался мудрый
Могучий Каан: «Ох, не просто
Вы созданы Небом, пришельцы».
— Ну, что же, — он вслух произносит, —
Похоже, вы непобедимы,
Поэтому вот вам задание —
Сумеете это исполнить,
Богатство моё забирайте,
Всё царство, Престол и владенья.
До края земли моей дальней,
Где плещется Чёрное море,
Пойдите и там через море,
Коль сможете, переплывите,
За морем огромное царство,
Владения Укту-Каана¹⁵,
Жену его выкрасть посмейте,
Царицу-красу привезите
Сюда — во дворец мой. И больше
От вас ничего мне не надо.
Наказ мой таков. Если вправду
По слову вы всё совершите,
Престол я покину до срока
И всё вам отдам во владенье:
Дворец мой, стада и отары,
Народ в куренях и аилах,
Запасы, сокровища, сбруи,
Оружие — всё забирайте!
Имейте прекрасных наложниц!
Резвитесь на царской охоте!
Зовите соседей Каанов,
Пируйте в согласье и дружбе!

8.

Безродные семеро братьев
Решили, что с ними удача,
И радостно к Черному морю
Они налегке устремились.

Но встретило Черное море
Их валом, кипением, бурей,
Подобные тучам громовым,
Метались могучие волны,
Сплетённые в тёмные косы,
Хлестали по берегу волны,
И в полночь рыдали и выли,
И утром, и в ветреный полдень.
Смиряются, шёлку подобны,
Все волны с луною восходом,
Однако пока обернётся
Волна через Чёрное море,
За месяцем месяц проходит,
Шумит и бушует пучина.
Заспорили семеро братьев,
Едва ли не в бой друг на друга
Бросаются, к старшему младший
С угрозой, с насмешкой: – Не ты ли
Хвалился, что младшим опора,
Что вынесешь нас из пучины,
Не дашь утонуть?! Выполняй же.
– Что ж делать, на шею садитесь,
Все вместе меня оседлайте...
И братьев чрез Грозное Море,
Сквозь бурю и гром перевозит.
На том берегу самый старший
Понёс укоризну на брата:
– Кто Вором великим назвался?
Бесстыжий, не ты ль похвалялся?
Иди же в хоромы Каана,
Кради молодую царицу.
– Однако шаман-прорицатель
Идет пусть со мною в хоромы,
Камлая и сон насылая,
И всех погружая в дремоту.
Шестой со вторым по дороге
К Дворцу зашагали, обнявшись,
И лишь самый младший из братьев
Шептал сквозь истому-дремоту:

«Воротятся пусть мои братья», –
В калачик свернулся, бормочет,
Спит сладко и видит победу...
Вот кам, заклинатель кёрмёсов,
Принялся читать заговоры,
Он кружит и молится Небу,
Кружится, Земле поклоняясь,
И просит о Сне непробудном,
И вдруг уплотняется воздух,
Свиваясь в тяжёлый, горячий
Поток, и цветы запылали,
И травы поникли, пожухли,
И запахи распространились...
Жена молодая Каана
Вздохнула, по саду гуляя,
В глазах Абакай¹⁵ помутилось,
Она цепенея, упала,
И сном, и красою объятую,
Её из владений Каана
Стремительно братья выносят.

9.

...К безбрежному Черному морю
Два брата вернуться сумели,
Уселись на старшего снова,
Все вместе его оседлали...
И он через Грозное Море,
Сквозь бурю и гром устремился.
На самом пути середине
Красавица вдруг пробудилась,
Очнулась от сна колдовского,
Заплакала, запричитала –
И горько, и звонко, и страшно.
Потомственный, властный и грозный
Был Укту-Каан на охоте,
Жены своей голос слышал,
Во гневе вскричал, и дружины
Завыли громовые трубы,
И войско во след поскакало,

Сто скал на пути разрушая,
Сто сосен ломая на щепки,
Копытами дерн раздирая,
За дерзким отрядом в погоню!
...Семь братьев назад оглянулись,
Страшнее медвежьего рёва
И чёрного леса теснее,
Огромное войско Каана
Шумело, щетинило копья,
Грозило, воров настигая,
Как пламя, хватая за пятки.
С испугу на третьего хором
Обрушили братья упрёки:
– Хвалился не ты ль пред Кааном –

«Шесть братьев своих драгоценных
Избавить могу от огня я,
Шесть братьев родных и любимых
Из грозного боя спасу я
И в мир шестиярусной бездны,
К Эрлику в объятья не выдам» –
Назад оглянись! Наступили
Война и огонь, и погибель...
Железный, с огромною кроной,
Что в небо вросла, вырывает
С корнями он Тополь и машет
Орудием этим над бездной.
Налево – и тридцати тысяч
Как не было! Взмахом направо
Он семьдесят тысяч сметает,
Воинственный и беспощадный.
И сильное войско Каана,
Залитое собственной кровью,
Своими кишками давясь,
Стеная, в пучину валится,
С душою и с жизнью расставшись
И род свой закончив бесславно.

У властного Укту-Каана
 Кровь алым ключом закипает,
 Желчь ярой смолой загорает
 От бешенства или бессилья.
 Двух Коршунов он кровожадных
 На волю небес выпускает,
 Двум Коршунам повелевает:
 – Летите за море, за горы,
 Жену отберите у братьев,
 Жену мою мне возвратите!
 А коль не свершите наказа,
 Проклятье на вас налагаю,
 Погибните в муках и корчах...
 И чёрные коршуны взмыли,
 Поднялись под самое небо
 И с клёкотом, молниеносно,
 Как демоны, пали на братьев.
 Жену молодую Каана
 Схватили за белые плечи
 И ввысь, к облакам поднялись,
 Взлетая высоко-высоко.
 Безродные семеро братьев
 Уставились в синее небо,
 Следят за полётом, дивятся,
 Словами стрелка задирают:
 – Припомни как хвастался, братец,
 Гордясь пред Великим Кааном:

«Я создан невидимым Духом,
 Стрелок дальнозрящий и меткий,
 Я птицу под куполом Неба,
 Я змея во чреве Подземья
 Стрелою навывлет пронзаю».
 Рази! А иначе с позором
 Вернёмся мы или погибнем...
 За дело берётся четвертый
 И, выломав хлыст сухостоя,

Он ладит гигантский, могучий
Грозу-самострел. И стрелою
Его оснатив, наговором
Стрелу налагает, читает
Проклятия, руны-молитвы
Для коршунов, демонов здешних,
Что взмыли под самое небо
И смотрит, и целится долго:

«Должно быть, я – меткий охотник,
Пускай же стрела заиграет
И шею-хребет переломит
Двум коршунам прямо под небом.
А если же я – неумеха,
То пусть она рядом проскочит,
Жену-Абакай не заденет».
И свистнула, ввысь улетела
Стрела и хребет перебила
Двум коршунам, крылья пронзила,
И рухнули птицы с небес.

11.

Жена молодая Каана
От облака падает камнем,
Красавица, чудо вселенной,
Вот-вот и исчезнет навек.
И в ужасе пятому брату
Все разом кричат заполошно:
– Не ты ли так лихо Каану
Нахвастал про редкий талант?!
Мол, брата упавшего с неба,
И брата из бури воздушной
Спасу, не позволю разбиться,
Руками над самой землёй
Сумею его подхватить я.
Представь же, что это – сестра нам,
Скорее! Скорее! Лови же!
Позор нам, калак! Успевай!

«Сказал – как стрелу на свободу
Отправил». Так молвят в народе.
Жену-Абакай над землёю
Пушинкою – пятый поймал,
От горестной смерти избавил,
Схватил на лету молодицу,
И будто сосуд драгоценный,
Он бережно братьям принёс.
И только седьмой не услышал,
Дремал и победы не ведал.

«Они без меня разберутся,
Во сне все события видней».

12.

На Алтай,
Словно груз, без вниманья
Везут Абакай-полонянку,
Под причет и слёзы царевны
Её во Дворец доставляют.
Великий Каан, увидавши
Красавицу, речи лишился,
Спина у него онемела,
Рассудок смутился, померк,
И страха вовеки не знавший
Великий Каан испугался,
Как будто бокал с беленою
Принявши – на землю упал,
Глаза закатились и пена
Из уст потекла, и стенанья,
И судороги умирая
Он долго у трона лежал.
И вот, наконец, успокоился,
И вот, наконец, отдышался.
И, выдохнув горечь и слёзы,
Поднялся Великий Каан.
С улыбкой, на нитке дрожащей,
И с радостью чрезмерной,
Готовой отравой излиться,

Он держит пред братьями речь:
– Слава Богу – Алтай-Кудаю!
Слава Богу – Деревьям-Скалам!
Слава Богу и батырам братьям!
Я от слова не отступаю,
Всё богатство моё забирайте,
Всем народом моим управляйте,
И Дворцами и Троном владейте,
И землёю распоряжайтесь,
Над Каанами власть простирайте!
Так сказал. И печальный с Престола
Он сошёл, и увёл за собою
Распрекрасную полонянку,
Взявши за руку, не обернулся,
Растворился в долинах Алтая...

13.

Победители-братья остались,
На Престол горделиво воссели,
Семерыми Каанами стали,
Им, как есть, весь народ покорился,
И Кааны-соседи притихли,
И долины от страха застыли,
Ходят-бродят безродные братья,
Где огнём, где коварством, где плетью
Насаждают разбойную волю,
Никому нет ни сна, ни покоя,
Никого не готовы щадить.
... То не скрылось от Юч-Курбуста́на –
На Престоле Небесного Мира
Высоко сидящего Бога,
Слово грозное он произносит:
– Отвергаю беду приносящих,
Отвергаю народ угнетающих,
Кровь соседних Каанов лакающих,
Отвергаю делбисов¹⁷ прожорливых,
Вон возьму семерых глотающих,
Вон извергну, покой незнающих,
Ненасытных, бродяг, похитителей –
Прочь, говорю им, прочь!

Не остаться на чаше-земле им,
Такова воля Юч-Курбустана,
Он проклятие шлёт-насылает
На удалую эту ватагу,
Молвит Слово, плюёт три раза
Вслед тому, чему быть суждено:

«Семеро – пусть исчезают!
Семеро – пусть пропадают!
Дно небесное – будь им аилом!
Свод небесный – степью им будь!
Станут звездами братья-бродяги,
Станут люди свободны, как прежде,
Пусть сияет, горит семизвездье
Семь Каанов, да будет так!»
С той поры появилось созвездье,
Вознеслись над землёй Семь Каанов,
Но, небесных пределов достигнув,
Удалившись навек от людей,
Братья вновь принялись куролесить,
Среди звёзд суматоху подняли,
Вновь дивится Юч-Курбустан:

«Не видать мне от них покоя,
Неуёмны они, бедоносны,
В зыбке их, зная, кёрмёсы качали
И не будет с них толка, пока
Не стреножу их нрава навеки».
И решается вещим Словом
Наложить золотые путы:

«Пусть отныне во веки веков,
До скончанья этого мира
К пуповине Земли и Неба,
К Золотому Колу¹⁵ вселенной,
Коновязи – крепью моей
Будут братья цепью-арканом

Как прикованы! Чтобы горе,
Чтобы смута не ширились больше,
Пусть кружатся, пусть вечно кружатся,
Обегая Алтын-Казык!»

15.

Слово молвил. И плюнул трижды.
Запечатал печатью время.
Пусть глядят племена стоязыки,
Уцепившись за корни корней,
Пусть глядят они в небо ночное,
Где, проткнувшие дно Вселенной,
Семь Каанов, семь самых ярких
Звёзд сияют, вертятся, крутятся
Вкруг Кола Золотого, и привяжь,
И свой вечный бег проклиная...
Вот и всё.

И лишь младший, последний братец,
Позади, сотворённый спящим,
На отшибе, звездою мерцая,
Тихо светит и Юч-Курбуста
Вопрошает в смиренном сне:
– Я не помню ни войн, ни злобы,
Я проспал всё веселье старших,
Вниз хочу я, опять на свободу,
На Алтае счастье моё!..
...С ясной той высоты поднебесной,
Весь Алтай ему видится-снится,
Весь Алтай ему близок и дорог,
Говорит он, иль сон лепечет,
Спит ли он или вновь говорит?..

Семь Каанов – ночное созвездье,
Те безродные семеро братьев,
По земле погулявшие вволю,
Заточенные в небесах,
Кружат, кружат, звеня цепями,
Ходят возле Златой Коновязи
И над нами таинственным светом
Полыхают – уже навсегда.

И тебе, что в Верхних Пределах,
 Вновь тебе, что на Светлом Престоле,
 Наш защитник, Юч-Курбустан мой,
 Низко кланяюсь, благодарю,
 Что исчезли с Земли злодеи,
 Семь Бродяг не имеющих рода.
 Говорю – спасибо большое,
 Говорю – ты славен и светел,
 Говорю – ты Бог милосердный,
 От всего земного – поклон.
 Баш болзын!

1998 г.

Комментарии

1. **Буй-Буй!** – возглас сказителя при исполнении эпического сказания.
2. **Хатун** – Госпожа, уважительное обращение к замужней женщине высокого ранга у тюркских и монгольских народов.
3. **Ульген** – главное божество из пантеона шаманизма, творец и владыка небесного и земного мироздания.
4. **Ярлыкчи** – служитель бурханистских обрядов.
5. **Кёрмёсы** – духи Подземного мира.
6. **Кам** – шаман.
7. **Эрлик** – владыка Подземного мира.
8. **Сарлык** – як.
9. **Яда-Таш** – камень, изменяющий погоду.
10. **Ак-Шанкы** – дословно: «белая драгоценность», «ак» – белый, «шанкы» – девичье украшение для волос.
11. **Комыс** – алтайский язычковый музыкальный инструмент.
12. **Алас-Алас! Пламя-Мать!** – сакральное слово в молитвах, вместе с воскурением можжевельника, очищающее от злых духов.
13. **Созвездие Семь Каанов** – созвездие Большая Медведица.
14. **Арчы-Курут** – молочный продукт у алтайцев.
15. **Укту-Каан** – потомственный Каан.
16. **Абакай** – Госпожа, уважительное обращение к замужней женщине высокого ранга.
17. **Делбис** – злой дух водных стихий.
18. **Золотой Кол** – Алтын Казык – созвездие Полярная звезда.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	5
---------------------	---

ПУТЬ К ЧЕЛОВЕКУ

(Стихотворения 1980 – 1993 гг.)

Писал я эту книгу не один (Перевод Якова Козловского).....	7
Двадцать первому веку (Перевод Ильи Фoniaкова).....	8
Свое небо (Перевод Ильи Фoniaкова).....	8
Пропавшая звезда (Перевод Ильи Фoniaкова).....	9
Звезды и девушки (Перевод Ильи Фoniaкова).....	10
Время (Перевод Ильи Фoniaкова).....	10
«Я долину Урсула не забуду вовеки!» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	12
Человек (Перевод Ильи Фoniaкова).....	12
«Каждый год, как только вновь опушка» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	15
Станный человек (Перевод Ильи Фoniaкова).....	15
Ожидание (Перевод Ильи Фoniaкова).....	16
Печальный монолог последнего алкоголика (Перевод Ильи Фoniaкова).....	17
«Человек, задумайся о том» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	18
«Мои стихи убьют меня...» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	19
Утренние стихи (Перевод Ильи Фoniaкова).....	19
«Богат и прекрасен мой славный Алтай» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	20
«Как взрослеть человеку не просто» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	21
Возвращение в родные места (Перевод Ильи Фoniaкова).....	22
«Костер ли жгу, стихи ль свои пишу» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	22
«Встрепенитесь, честные сердца» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	22
Слово (Перевод Ильи Фoniaкова).....	24
«Где-то есть Москва, Ташкент, Париж» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	25
Алтайские поэты переводят Пушкина (Перевод Ильи Фoniaкова).....	26
«Не сомневаюсь: если взглянуть со стороны» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	26
Вдруг нагрянул дождь (Перевод Ильи Фoniaкова).....	27
Очереди (Перевод Ильи Фoniaкова).....	28
Заодно с большинством человечества... (Перевод Ильи Фoniaкова).....	28
«Мне часто снится Манитов...» (Перевод Сергея Дыкова).....	29
Мы были голубыми тюрками (Перевод Сергея Дыкова).....	29
Учусь молчать (Перевод Сергея Дыкова).....	30
Строки (Перевод Ильи Фoniaкова).....	31
«Не табунщик я уже давно» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	34

«Среди министров не найдешь алтайца» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	35
Монолог перед операцией (Перевод Ильи Фoniaкова).....	36
Путь к людским сердцам (Перевод Ильи Фoniaкова).....	37
Подозрение (Перевод Сергея Дыкова).....	38
Надежда (Перевод Ильи Фoniaкова).....	39
Трафарет (Перевод Ильи Фoniaкова).....	39
«Чтобы твердым был нож – раскалив докрасна» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	40
Путь к человеку (Перевод Ильи Фoniaкова).....	41
Провожая сына в армию (Перевод Ильи Фoniaкова).....	41
Ночью и днем (Перевод Ильи Фoniaкова).....	43
Разрезая арбуз (Перевод Ильи Фoniaкова).....	43
Ребенок (Перевод Ильи Фoniaкова).....	44
«Что случилось – неужто стареешь и ты» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	45
Следопыт (Перевод Ильи Фoniaкова).....	45
«Я – Радость! Я к тебе летела» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	47
Слово, сказанное латышскому поэту Марису Чаклайсу (Перевод Ильи Фoniaкова).....	48
Луна-маралуха (Перевод Ильи Фoniaкова).....	49
Пересмешка двух охотников (Перевод Якова Козловского).....	50
«Кукует кукушка – листве распуститься!» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	50
«Чистый дождь пролился на дубравы» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	51
«Первый снег... Все ново, незнакомо» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	51
Русский язык (Перевод Владимира Корнилова).....	51
«Моя планета, Родина, народ» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	52
«Замков не знал алтаец много лет» (Перевод Ильи Фoniaкова).....	53
Глоток воды (Перевод Ильи Фoniaкова).....	53
«Если б жил я тихо» (Перевод Татьяны Бек).....	54
Человек в Президиуме (Перевод Татьяны Бек).....	55
Орденосец (Перевод Татьяны Бек).....	58
Два кладбища (Перевод Татьяны Бек).....	58
«Удивительны звезды и удивленны!» (Перевод Татьяны Бек).....	58
Зима (Перевод Татьяны Бек).....	59
О праве на вторую жизнь (Перевод Татьяны Бек).....	60
Какого цвета ветра? (Перевод Татьяны Бек).....	61
«Журавли! Вы мои оставляете кручи...» (Перевод Татьяны Бек).....	62
«Как быстрые аргамаки, несутся поэты Алтая» (Перевод Татьяны Бек).....	62
Красные лиственницы (Перевод Якова Козловского).....	62
Чужая кровь (Перевод Якова Козловского).....	63
Осенние цветы (Перевод Якова Козловского).....	64
Возвращение коров (Перевод Ильи Фoniaкова).....	65
Дети войны (Перевод Татьяны Бек).....	66

«Лишь по-русски мой младший сын говорит».....	123
«Я очнулся в долине, утратив путь».....	124
«Трудно рос я на белом свете».....	124
«Сегодня я один, ни трезв, ни пьян».....	125
«Лишь закрою глаза».....	125
«Я не похож ни на кого на свете».....	125
«Я, пришедший из другого времени».....	126
«Истинный поэт».....	126
«Не целясь, я в свою смерть стреляю».....	127
Надежда.....	127
«Время мое, как лесной пожар».....	128
«Ночую в горах, укрытых туманом».....	128
«Летнее солнце склонилось к закату».....	128
«Доживая свой краткий век».....	128
«Я не смогу с катунскою волной».....	129

ЭПИГРАММЫ И ПОСВЯЩЕНИЯ

Предисловие.....	130
Чалчыку Чунижекову (Перевод Сергея Дыкова).....	132
Таныспаю Шинжину (Перевод Сергея Дыкова).....	132
Эркемену Палкину (Перевод Сергея Дыкова).....	133
Паслею Самыку (Перевод Сергея Дыкова).....	133
Паслею Самыку (Перевод Ильи Фонякова).....	133
Сазону Суразакову (Перевод Ильи Фонякова).....	134
Товару Тюхтенеvu (Перевод Ильи Фонякова).....	134
Эзендею Тоюшеву (Перевод Ильи Фонякова).....	134
Александрю Ередееву (Перевод Ильи Фонякова).....	134
Шатре Шатинову (Перевод Ильи Фонякова).....	135
С.С.Каташу (Перевод Ильи Фонякова).....	135
Буучаю Бурмалову (Перевод Ильи Фонякова).....	135
Байраму Суркашеву (Перевод Ильи Фонякова).....	135
Диману Белекову (Перевод Ильи Фонякова).....	136
Николаю Воинкову (Перевод Ильи Фонякова).....	136
Токшыну Торбокову (Перевод Ильи Фонякова).....	136
Дибашу Каинчину (Перевод Ильи Фонякова).....	136
Кюгею Тёлёсову (Перевод Ильи Фонякова).....	137
Таукену Яйтынову (Перевод Ильи Фонякова).....	137
Кюлеру Тепукову (Перевод Ильи Фонякова).....	137
«Когда бы парой шапок» (Перевод Ильи Фонякова).....	138
От составителя.....	138
Комментарии.....	139

БОРИС УКАЧИН – ДЕТЯМ

Переводы Сергея Дыкова

Стихотворения-загадки

«Очень нужен человеку».....	140
«Мыслей ярче, света ярче».....	140
«Люди ищут, не находят».....	140

«Тёмной ночи дождались».....	140
«Что ни сделаешь – кручина».....	140
«В эту темноту войдешь».....	140
«Что всего на свете слаще».....	141
«Что бежит всего быстрее».....	141
«Что там мчится и кружится».....	141
«Хруст, да хруст» – что там хрустит».....	141
«Кап, да кап» – что там стучит».....	141
«Что вверху над головами».....	141
«Что гремит, что гремит».....	141
«Мне лучше ночь» – одна сказала».....	142
«Один сказал: «Болото лучше».....	142
«Одна сказала: «Родина мне море».....	142
«Снег лучше» – одни говорят».....	142
«Одна в лесу зовет: «Кель да кель».....	142

Наставления

«Нет ничего священнее огня».....	143
«На солнце не указывай ты пальцем».....	143
«В долг у кого-то взял ты пилу».....	143
«Собака – это верный друг».....	143
«Какой бы ни был ты охотник меткий».....	143
«Любого зверя подстреливши, навзничь».....	143
«Переднюю луку, когда седло положишь».....	144
«Привычки эти смолоду важны».....	144
«С ведром, повешенным на локоть».....	144
«Пилу – против солнца».....	144
«Если плетъ под голову положишь».....	144
«Если на ночь поел ты мяса».....	144
«Не играют с подстреленным зверем».....	145
«Перед охотой избегают ласки женской».....	145
«Для наставлений возраст нужен».....	145
«Рождает много изречений».....	145
Желания мальчика.....	146

НЕ ИЗМЕНЯЯСЬ, ТЕЧЁТ ВОДА...

**(Стихотворения, никогда не публиковавшиеся
в сборниках поэта)**

Из «Семейного альбома»

Письмо старшего сына (Перевод Ильи Фонякова).....	147
Запоздалые стихи о том, как я однажды из Москвы разговаривал с матерью по междугородному телефону (Перевод Ильи Фонякова).....	148
Незабываемое стихотворение (Перевод Сергея Дыкова).....	150
Сыновьям (Перевод Сергея Дыкова).....	151
Стихи о мальчике Амыре (Перевод Ильи Фонякова).....	152
Черноморский дневник (Перевод Сергея Дыкова).....	159
Любовь (Перевод Ильи Фонякова).....	160
Дом, где обретают детей (Перевод Сергея Дыкова).....	161

«Яна, моя новорожденная внучка» (Перевод Сергея Дыкова).....	161
Сыновья (Перевод Сергея Дыкова).....	162
Зеленые глаза (Перевод Ильи Фоянкова).....	163
«Проложил прокос в траве зеленой» (Перевод Ильи Фоянкова).....	164
«Странная ты женщина» (Перевод Сергея Дыкова).....	164
«Всякий раз, Каярлык посещая родной» (Перевод Ильи Фоянкова).....	164
«В самых красивых туфлях на свете» (Перевод Сергея Дыкова).....	165
Каярлык-река (Перевод Сергея Дыкова).....	165

Миниатюры

«Любое слово мудреца» (Перевод Сергея Дыкова).....	166
«Счастье упустив, я плакал» (Перевод Сергея Дыкова).....	166
«Горе-злосчастье разбудив» (Перевод Сергея Дыкова).....	166
«Травы живой на свете больше, чем людей» (Перевод Сергея Дыкова).....	166
«В этом дивном мире все мы смертны» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«Даже никудышный мужчина» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«Если глаза не видят» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«Плохая собака – для хозяина стыдоба» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«Когда садишься на коня перед байгою» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«Если хочешь спросить, спроси, не стыдись» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«И века, и годы мимолетны» (Перевод Сергея Дыкова).....	167
«Высокое небо Луна освещает» (Перевод Сергея Дыкова).....	168
«Находясь на собранье мудрецов» (Перевод Ильи Фоянкова).....	168
«На закатном, на западном склоне кукушка» (Перевод Ильи Фоянкова).....	168
«Одни лишь камни да сухие пни» (Перевод Ильи Фоянкова).....	168
«Небу, земле и солнцу будь благодарен ты» (Перевод Ильи Фоянкова).....	168
«Сколько в небо не стреляй» (Перевод Ильи Фоянкова).....	168
«Отправляясь в жестокий бой» (Перевод Ильи Фоянкова).....	168
«Слушай, сын мой» (Перевод Ильи Фоянкова).....	169

Из «Зарубежной тетради»

Рижское взморье (Перевод Татьяны Бек).....	169
Ночной Сингапур (Перевод Татьяны Бек).....	169
Три обезьяны (Перевод Татьяны Бек).....	171
«Чайки!.. Слушаю их» (Перевод Ильи Фоянкова).....	172
Песни японской девушки (Перевод Ильи Фоянкова).....	172
Дети Вьетнама (Перевод Ильи Фоянкова).....	173

Стихотворения разных лет

Свобода (Перевод Ильи Фоякова).....	175
Стихи о том, как я учился говорить на родном языке (Перевод Александра Плитченко)	178
Стихи о том, как я учился говорить на русском языке (Перевод Геннадия Карпунина)	177
Оп-Куруй (Перевод Валентина Проталина).....	180
Белая косуля (Перевод Бориса Пчелинцева).....	185
Гляжу на колдовство (Перевод Бориса Пчелинцева).....	186
Братья Заволокины (Перевод Сергея Дыкова).....	187
«Не изменяясь, течет вода» (Перевод Сергея Дыкова).....	187
Когда б я птичий знал язык (Перевод Сергея Дыкова).....	188
«Иногда мне кажется» (Перевод Сергея Дыкова).....	188
Открытый ветрам (Перевод Сергея Дыкова).....	190
«Фейербах, кто он такой» (Перевод Сергея Дыкова).....	190
«Куда спешим, чего желаем» (Перевод Сергея Дыкова).....	192
Раскинувши руки, лежу на земле (Перевод Сергея Дыкова).....	192
«Птиц, цветы, воду, землю» (Перевод Сергея Дыкова).....	193
Жеребенок (Перевод Сергея Дыкова).....	193
Жаркий рев (Перевод Сергея Дыкова).....	194
Зимняя степь (Перевод Сергея Дыкова).....	194
Ночная сова (Перевод Сергея Дыкова).....	195
«Не завидуй штанам» (Перевод Сергея Дыкова).....	196
В горах (Перевод Сергея Дыкова).....	196
«В сердце твоём» (Перевод Сергея Дыкова).....	197
«Ты проснулось...» (Перевод Сергея Дыкова).....	197
«Ночь. Сохнет кровь. Воды бы, воды...» (Перевод Сергея Дыкова).....	198
Весенние цветы – осенние звезды (Перевод Сергея Дыкова).....	198
«Сердце моё, кому ты завидуешь» (Перевод Сергея Дыкова).....	199
Огонь внутри огня (Перевод Сергея Дыкова).....	199
«Ах! Ай-Ай!» (Перевод Сергея Дыкова).....	200
Шальная любовь (Перевод Татьяны Бек).....	200
Лечу (Перевод Наума Гребнева).....	201
Плач о первой любви (Перевод Наума Гребнева).....	202
Любовь (Перевод Наума Гребнева).....	203
Две песни о любви (Перевод Сергея Дыкова).....	203
«Алтай, Алтай – Кан-Алтай» (Перевод Сергея Дыкова).....	205

ПОЭМЫ

Ироническая сказка о строительстве Катунской ГЭС (Перевод Ильи Фоякова).....	207
Мать Чингизхана (Перевод Владимира Берязева).....	213
Голова шамана (Перевод Владимира Берязева).....	220
Легенда о семи братьях (Перевод Владимира Берязева).....	247

Борис Укачинович УКАЧИН
ЧЕЛОВЕК. ЖИЗНЬ. ВРЕМЯ.

Стихотворения, поэмы на русском языке

Составитель А.Б. Укачин

Главный редактор Т.Т. Торбоков

Художественный редактор А.П. Декенова
Компьютерная верстка Л.Н. Торбогошевой
Набор текста А.В. Укачиной, А.Б. Укачина

Подписано в печать 20.01.2016 г. Формат 84х108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура *Constantia*.

Печать офсетная. Усл.п.л. 14,11. Тираж 500 экз. Заказ 213

БУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу»
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 38

Отпечатано в ООО «Горно-Алтайская типография»
649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35

